

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2022 – 3

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 5.2

МОСКВА 2022

ББК 63
С 69

DOI: 10.31249/rhist/2022.03.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел истории

Редакционная коллегия серии «История»:

А.А.-Г. Алиев – главный редактор, д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *Т.Б. Уварова* – зам. главного редактора, д-р ист. наук (ИНИОН РАН, профессор ЦСА РГГУ); *О.Л. Александри* – ответственный секретарь (ИНИОН РАН); *И.Е. Андронов* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.А. Анисимова* – канд. ист. наук (ИВИ РАН, доцент ГАУГН); *В.Н. Бабенко* – д-р. ист. наук (профессор ЦНИ ВГУЮ); *Д.М. Бондаренко* – чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (зам. директора по науке Института Африки РАН); *А.Ю. Ватлин* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *Е.Н. Емельянова* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН, доцент ГСГУ); *Дж. Лами* – профессор (Миланский государственный университет, Италия); *В.П. Любин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *А.Е. Медовичев* – ст. науч. сотрудник (ИНИОН РАН); *Т.М. Фадеева* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН), *В.М. Шевырин* – канд. ист. наук (независимый эксперт).

ISSN 2219–875X

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История» = Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature». Series 5: «History». Входит в базы цитирования: РИНЦ, Google Scholar, East Europe & Central Europe Database компании ProQuest, Ulrichs Periodicals Directory, базы данных Российской государственной библиотеки, Russian Academy of Sciences Bibliographies, библиографические базы данных ИНИОН РАН. Полнотекстовая версия журнала с 2016 г. размещается в базах данных серии Ultimates компании EBSCO Publishing на платформе EBSCOhost.

© ФГБУН Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Богомолов И.К. Временное положение о военной цензуре: проект 1910 г.	7
--	---

ОБЗОРЫ

Комзолова А.А. Российская политическая элита и польский вопрос в Первую мировую войну	25
Дунаева Ю.В. Болезни, эпидемии и пандемии в глобальной истории. Часть 1	34

РЕЦЕНЗИИ

Миц М.М. <i>Рец. на кн.: Феномен красной конницы в Гражданской войне</i>	52
Бабенко О.В. <i>Рец. на кн.: Rak K. Piłsudski: Między Stalinem a Hitlerem (Рак К. Пилсудский: между Сталиным и Гитлером) ...</i>	58
Емельянова Е.Н. <i>Рец. на кн.: Польша в борьбе за Восточную Европу, 1920–2020. Сб. ст.</i>	80

РЕФЕРАТЫ

<i>Реф. кн.: Шпак Г.В. Изобретая пространство. Россия и Англия XVI–XIX вв. в путешествиях, травелогах, картах: моногра- фия</i>	94
<i>Реф. ст.: Юксель М. Обзор проблем, связанных с принуди- тельной миграцией и переселенческой политикой в Осман- ской империи в XIX в.</i>	104

<i>Реф. ст.:</i> Гросфельд И., Сакалли С.О., Журавская Е. Меньшинства-посредники и этническое насилие: антиеврейские погромы в Российской империи	109
<i>Реф. кн.:</i> Васильев М.В. Псковская деревня в Гражданской войне: сб. документов и материалов	113
<i>Реф. ст.:</i> Харрис С. На заре советского реактивного века: пассажиры «Аэрофлота» и культура авиации при Никите Хрущёве	115
<i>Реф. ст.:</i> Бранденбергер Д. Глобальный и транснациональный по форме, советский по содержанию: меняющаяся семантика интернационализма в официальном советском дискурсе, 1917–1991.....	118
<i>Реф. ст.:</i> Захарова Л. Вера в бюрократию и в технологию: эволюция политики и практики секретности в советском государственном аппарате (1917–1991)	121
<i>Реф. кн.:</i> Медведев Д.Л. Уинстон Черчилль. Личность и власть. 1939–1965	125
<i>Свод. реф.:</i> Новая литература по истории первой волны русской эмиграции	127
<i>Реф. кн.:</i> Ёылмаз М. Турция. Полная история страны	134
<i>Реф. кн.:</i> Якимова Е.А. Векторы взаимодействия Израиля и Германии в контексте международных отношений.....	139
<i>Реф. ст.:</i> Годорович М. Проблемы изучения османского наследия в Сербии	145
<i>Реф. кн.:</i> Иррациональное в русской культуре: сб. статей	149

CONTENTS

ARTICLES

Bogomolov I.K. Provisional Regulations on Military Censorship: Version 1910.....	7
---	---

OVERVIEWS

Komzolova A.A. The russian political elite and the polish question in the First world war.	25
Dunaeva Y.V. Diseases, epidemics and pandemics in global history. Part I	34

REVIEWS

Mints M.M. <i>Book review</i> : The phenomenon of the red cavalry in the Civil war	52
Babenko O.V. <i>Book review</i> : Rak K. Pilsudski: Between Stalin and Hitler	58
Emelyanova E.N. <i>Book review</i> : Poland in the fight for Eastern Eu- rope 1920–2020. Dig. art.	80

ABSTRACTS

<i>Ref. ad op.</i> : Shpak G.V. Inventing space. Russia and England XVI–XIX centuries in travel, travel logs, maps: A monograph	94
<i>Ref. ad op.</i> : Yüksel M. A review on the entanglement of forced migration and resettlement in the 19 th century Ottoman Empire .	104
<i>Ref. ad op.</i> : Grosfeld I., Sakalli S. O., Zhuravskaya E. Middleman minorities and ethnic violence: anti-Jewish pogroms in the Rus- sian Empire	109

<i>Ref. ad op.</i> : Vasiliev M.V. Pskov village in the Civil war: A collection of documents and materials	113
<i>Ref. ad op.</i> : Harris S.E. Dawn of the Soviet Jet Age: Aeroflot passengers and aviation culture under Nikita Khrushchev	115
<i>Ref. ad op.</i> : Brandenberger D. Global and transnational in form, Soviet in content: the changing semantics of internationalism in official Soviet discourse, 1917–1991	118
<i>Ref. ad op.</i> : Zakharova L. Trust in bureaucracy and technology: the evolution of secrecy policies and practice in the Soviet state apparatus (1917–91)	121
<i>Ref. ad op.</i> : Medvedev D.L. Winston Churchill. Personality and power. 1939–1965	125
<i>Sum. ref.</i> : New literature on the history of the first wave Russian emigration	127
<i>Ref. ad op.</i> : Yilmaz M. Turkey. Complete history of the country	134
<i>Ref. ad op.</i> : Yakimova E.A. Vectors of interaction between Israel and Germany in the context of international relations	139
<i>Ref. ad op.</i> : Todorović M. The Problems of Studying Ottoman Heritage in Serbia	145
<i>Ref. ad op.</i> : Irrational in Russian culture: big. of articles	149

СТАТЬИ

УДК 94(100) 1914/19

БОГОМОЛОВ И.К.* ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ВОЕННОЙ
ЦЕНЗУРЕ: ПРОЕКТ 1910 г. DOI: 10.31249/rhist/2022.03.01

Аннотация. В статье впервые публикуется и анализируется проект «Положения о военной цензуре», призванного регулировать цензуру печати, почтово-телеграфной корреспонденции, речей и докладов в военное время. Его разработка велась в 1909–1910 гг. совещанием, включавшим представителей различных ведомств Российской империи. Этот документ стал предтечей «Временного положения о военной цензуре», принятого уже на второй день Первой мировой войны. Несмотря на огромную важность и значение «Временного положения» для общественно-политической жизни предреволюционной России, история его создания до сих пор не освещена, о его создателях и разработке до сих пор известно мало. Публикация проекта 1910 г. проливает свет на процесс его создания в контексте общего развития военной цензуры в России в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: военная цензура; «Временное положение о военной цензуре»; Главное управление по делам печати; Николай II; Н.А. Монкевиц.

BOGOMOLOV I.K. Provisional Regulations on Military Censorship:
Version 1910.

Abstract. The article publishes for the first time the draft «Regulations on military censorship», designed to regulate the censorship of

* Богомоллов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: bogomolov@inion.ru

the press, postal and telegraph correspondence, speeches and reports in wartime. Its development was led by a meeting that included representatives of various departments of the Russian Empire. This document became the forerunner of the «Provisional Regulations on Military Censorship», adopted on the second day of the First World War. Despite the great importance and significance of the «Provisional Regulations» for the socio-political life of pre-revolutionary Russia, the history of its creation has not yet been elucidated. The publication of the 1910 draft sheds light on the process of creating the «Provisional Regulations» and the general development of military censorship in Russia during the First World War.

Keywords: military censorship; «Provisional regulations on military censorship»; General Directorate for Press Affairs; Nicholas II; N.A. Monkevitz.

Для цитирования: Богомолов И.К. Временное положение о военной цензуре: Проект 1910 г. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 7–24. DOI: 10.31249/rhist/2022.03.01

Военная цензура сыграла важнейшую роль в общественной жизни России в годы Первой мировой войны. В определенной степени это объяснимо: война 1914–1918 гг. оказывала беспрецедентное влияние на экономику, политику, культуру, и чем дольше она продолжалась, тем труднее было отделить информацию о ней от других, порой совершенно невоенных тем. Цензура неоднократно получала упреки во вмешательстве в «чисто политические» или экономические вопросы, в которые, казалось бы, не должна была вмешиваться.

Россия в этом смысле мало отличалась от других воюющих государств и более того – пыталась играть на опережение. Это видно по уже принятому указом Николая II на второй день войны «Временному положению о военной цензуре». Его 86 статей охватывали контроль над печатью, почтовыми и телеграфными отправлениями, публичными речами и докладами. Помимо подробного описания контроля и форм наказания за разглашение запрещенных сведений статьи «Временного положения» содержали ряд важных оговорок, позволявших выводить военную цензуру за рамки «во-

енных» вопросов. Особенно выделяется статья 31, позволявшая военным цензорам «не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, хотя и не предусмотренных правилами... но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства» [3, с. 11–12]. Иными словами, цензор мог запретить или вычеркнуть фактически любой материал, который, по его мнению, мог нанести вред, вне зависимости от тематики. Эта «лазейка» активно использовалась властью для сохранения и усиления контроля над печатью и публичными выступлениями, запрещая в том числе и материалы, «вредные» в политическом отношении [2, с. 187].

Несовершенное и не до конца проработанное «Временное положение» в то же время усложняло цензурный контроль и вызывало недовольство как в печати, так и у населения. Среди указаний наиболее распространенными и известными были: разрешение публиковать новость в одном издании и запрет в другом, перлюстрация писем высшего командного состава и членов царской семьи, купирование думских стенограмм, запрет поднимать далекие от войны темы (например, критиковать работу почты), а с 1916 г. – упоминать в печати Г.Е. Распутина [2, с. 188]. К 1915 г., на фоне поражений русской армии и политического кризиса, вопрос о военной цензуре привлекал большое внимание Думы – проект комиссии о печати по изменению Положения предполагал в том числе и отмену 31-й статьи¹. Однако вплоть до весны 1917 г. серьезных изменений оно не претерпело, оставшись одним из важнейших документов предреволюционных лет.

Несмотря на большое значение и влияние Положения, его создание до сих пор почти не привлекало внимание историографии. Лишь военный историк Д.Г. Гужва упомянул о первоначальном проекте 1909 г., однако подробного анализа не провел [4, с. 525]. Отметим, что по-прежнему мало информации об авторах проекта и участниках его разработки, фрагментарные сведения содержатся в упомянутом Гужвой деле № 4895 из фонда Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Из него известно, в частности, что разработкой инструкции «О цензуре в военное время» (первоначальное название) занималось особое межведом-

¹ РГВИА.Ф. 2003. Оп. 2. Д. 959. Л. 150–154.

ственное совещание. В него входили представители военного Министерства (генерал-майоры Н.А. Монкевиц и В.В. Бонч-Осмоловский, полковник Б.И. Шуцкой), морского Министерства (старший лейтенант М.И. Дунин-Борковский, капитан-лейтенант В.П. Пржеленский), Министерства иностранных дел (В.А. Березников, А.П. Вейнер), Главного управления почт и телеграфов (Д.Д. Франц), Главного управления по делам печати (М.И. Догель), Министерства юстиции (А.Н. Лазаренко), Министерства финансов (В.В. Розенберг), Государственного контроля (И.В. Разумовский), Государственной канцелярии (Т.П. фон Ренне). Председателем совещания был назначен генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал-майор Ю.Н. Данилов. Пока не найдены документы заседаний и иная переписка совещания. Судя по сопроводительному письму Н.А. Монкевица, заседания проходили в конце 1909 и, возможно, в начале 1910 гг. Сам проект датирован июнем 1910 г.¹

Текст проекта «Временного положения» значительно отличается от итогового документа, введенного в действие в июле 1914 г. Так, военным цензорам еще не предоставлялось право запрещать распространение сведений, могущих «оказаться вредными для военных интересов государства». Предусмотрено меньше ситуаций и сфер действия военной цензуры, менее четко прописана сфера ее ответственности и порядок работы. В варианте 1910 г. нет разделения на «полную» и «частичную» цензуру, введенных, соответственно, в отношении событий на театре военных действий и вне его. От этого зависело, в частности, будет ли введена предварительная цензура печати, полный или частичный (на усмотрение цензора) просмотр почтовой и телеграфной корреспонденции. Фигурируют понятия «район военных действий» и «внутренние губернии», однако между ними еще нет четкой границы (заметим, что и в годы войны она была довольно расплывчатой). Не перечислены печатные издания, на которые налагаются ограничения, и в целом печати в варианте 1910 г. уделено ощутимо меньше внимания. Упоминается лишь об обязанности прохождения военной цензуры всех брошюр объемом до десяти листов, а все, что больше, должна была просматривать «общая цензура», под которой,

¹ РГВИА.Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 1–3.

вероятно, понимались комитеты по делам печати. С последними не были прописаны разделение ответственности и взаимодействие, тогда как «Временное положение» 1914 г. фактически обязывало представителей комитетов участвовать в военной цензуре.

Больше сходств при составлении указанных документов можно найти в описании главной и местных военно-цензурных комиссий, их функций и ответственности. Главное отличие – в отсутствии в составе комиссий только чинов военного ведомства, так как по «Временному положению» в них включались также представители министерств: морского, юстиции, а также внутренних и иностранных дел. Значительную часть документа занимает описание наказаний за нарушения и порядок прекращения действия военной цензуры. Характерно, что в отличие от проекта 1910 г. итоговый вариант был назван «временным». Бросается в глаза и отсутствие в итоговом варианте пункта об ограничении свободы слова и печати, который есть в проекте 1910 г. Вероятно, эти изъятия были сделаны в целях придать изначально карательному и ограничительному проекту большую доброобразность. В окончательном варианте подчеркивалось, что цензура, как «мера исключительная», вводится только на период войны, а карательные меры на печать, авторов писем и речей будут налагаться лишь по факту нарушения законодательства.

Проект «Положения о военной цензуре» обнаружен в фонде 2000 (Главное управление Генерального штаба) Российского государственного исторического архива (РГВИА). Он публикуется впервые и без сокращений, в варианте 1910 г. Включен только текст «Положения», без приложений, представляющих собой таблицы с описанием штата главной и местных военно-цензурных комиссий. Не публикуется также «перечень сведений, не подлежащих оглашению во время действия военной цензуры путем печати, частной переписки или публичных речей и докладов»¹, являющийся отдельным документом с собственной историей разработки [1].

¹ РГВИА.Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 22–23.

ПОЛОЖЕНИЕ О ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЕ¹

Положения общие

1. Военная цензура имеет целью не допускать к обращению путем почтово-телеграфных сношений, печати, письма или словесно всякого рода сведений, вредных в военном отношении для нас или полезных для наших противников. Примечание. Перечень сведений, оглашение коих является вредным и потому недопустимо во время действия военной цензуры, – в приложении I.

2. Военная цензура вводится в действие по представлению военного министра постановлением Совета министров, утвержденным государем императором.

3. Если военная цензура вводится в мирное время, то действие ее распространяется на всю территорию империи. Если военная цензура вводится в военное время, то действие [ее] распространяется как на район военных действий, так равно и на внутренние области империи.

4. Действию военной цензуры не подлежат: 1) Вся служебная переписка лиц и учреждений как военного, так и гражданского ведомства. 2) Личная переписка членов императорской фамилии. 3) Личная переписка главнокомандующего (командующего отдельной армией). 4) Официальная переписка послов и посланников иностранных государств. Примечание: Переписка послов и посланников не подлежит военной цензуре лишь в том случае, если доставляются в почтово-телеграфные учреждения империи лицами, принадлежащими к составу посольства при разносных книгах, снабженных печатью посольства.

5. Действие военной цензуры прекращается по представлению военного министра постановлением Совета министров, утвержденным государем императором. Примечание: Если ко времени прекращения военной цензуры продолжает действовать Положение о полевом управлении войск, то предварительно о прекращении военной цензуры военный министр вводит по сему предмету в соглашение с главнокомандующим (командующим отдельной армией).

¹ Сохранены стилистические особенности текста, орфография и пунктуация приведены к современным нормам русского языка.

О военной цензуре вообще

6. Военной цензурой ограничивается, на основаниях, в настоящем Положении точно указанных, свобода печати, свобода и неприкосновенность частной переписки и свобода слова. Примечание: Введение военной цензуры не приостанавливает действия цензуры общей, продолжающей исполнение возложенных на нее законом обязанностей.

7. В период действия военной цензуры ни одно периодическое издание в пределах империи не может выходить без разрешения военного цензора.

8. В период действия военной цензуры воспрещается в пределах империи напечатание без разрешения военного цензора брошюр объемом в 10 печатных листов и менее. Примечание: Литературные произведения объемом более 10 печатных листов подвергаются общей цензуре, обязанной следить за непомещением в них сведений, перечисленных в приложении № 1 к сему Положению.

9. В период действия военной цензуры частная переписка в районе военных действий, переписка, направляемая из района, в коем действует Положение о полевом управлении войск, во внутренние области империи, из внутренних областей империи в этот район, из империи за границу и из-за границы в империю, а также внутри империи подлежит пересмотру полностью или на выдержку особо уполномоченными на это лицами и порядком, в настоящем Положении точно указанным. Примечание: Таковому же пересмотру подлежат также бандероли, посылки и все иные почтовые отправления.

10. В период действия военной цензуры вся телеграфная переписка в район военных действий, а равно направляемая из района, в коем действует Положение о полевом управлении войск во внутренние области империи, из внутренних областей империи в этот район, из империи за границу и из-за границы в империю, а также внутри империи подлежит пересмотру особо назначенными для сего лицами и порядком, в настоящем Положении указанном.

11. В период действия военной цензуры воспрещается публичное произнесение речей, заключающих в себе какие-либо из сведений, перечисленных в приложении № 1, а также и всякое устное разглашение упомянутых сведений в публичном месте.

О лицах и учреждениях, ведающих военной цензурой, и о порядке ее применения

12. Отдельные лица, на коих возлагаются обязанности по применению военной цензуры, а также лица для замещения должностей в цензурных учреждениях избираются и назначаются еще в мирное время главными начальниками военных округов (наказными атаманами). С объявлением военных действий лица эти назначаются на должности высочайшим приказом. Примечания: 1) Председатель Главной военно-цензурной комиссии избирается начальником Генерального штаба с доклада о сем военному министру. 2) Списки предназначенных лиц с точным обозначением, кто именно и на какую должность предназначен, ведутся окружными штабами (штабом области) и поддерживаются ими в постоянной свежести.

13. В тех случаях, когда это будет признано главным начальником округа (наказным атаманом) возможным, обязанности по цензуре могут быть совмещаемы с обязанностями по ранее занимаемой предназначенным лицом должности. Примечание: 1) В случае совмещения прямой должности лица с обязанностями по военной цензуре обстоятельство это указывается в высочайшем приказе. 2) В случае совмещения в одном лице обязанности по прямой должности с обязанностями по военной цензуре лицо это получает все содержание по занимаемой им должности и столовые деньги, соответствующие должности по военной цензуре.

14. В случаях, когда по обстоятельствам это будет признано главным начальником округа (наказным атаманом) необходимым, обязанности по военной цензуре могут быть возлагаемы на лиц гражданской администрации, служащих по Министерству внутренних дел. В этом случае предварительно предназначения лица на должность необходимо соглашение главного начальника военного округа с местным губернатором. Примечания: 1) О возложении обязанностей по военной цензуре на гражданских лиц, состоящих на службе по Министерству внутренних дел, объявляется, с введением военной цензуры, в высочайшем приказе. 2) В случае возложения обязанностей по военной цензуре на лиц, упомянутых в настоящей статье, таковым, кроме содержания, получаемого по

занимаемой ими должности, полагаются столовые деньги, соответствующие должности по военной цензуре.

15. Применением военной цензуры ведают: Главная военно-цензурная комиссия, местные военно-цензурные комиссии и военные цензоры.

16. Главная военно-цензурная комиссия учреждается в городе Петербурге согласно штата, составляющего приложение № 2. Главная военно-цензурная комиссия следит за деятельностью местных военно-цензурных комиссий и военных цензоров, направляет и объединяет их работу. Она же разрешает недоразумения, возникающие при применении названными учреждениями и лицами военной цензуры.

17. Главная военно-цензурная комиссия непосредственно подчиняется начальнику Генерального штаба. В отношении же требования, причитающегося комиссии в казне довольствия, она состоит при Главном управлении Генерального штаба.

18. Местные военно-цензурные комиссии учреждаются в пунктах расположения окружных штабов (военно-окружных управлений на театре войны) в составе согласно штата, составляющего приложение № 3. Примечание: Если по местным условиям главный начальник военного округа признает необходимым, то местные военно-цензурные комиссии могут быть учреждаемы также и вне пункта квартирования штаба округа (военно-окружного управления на театре войны).

19. Местные военно-цензурные комиссии подчиняются: в общем порядке службы – главному начальнику военного округа, а в специальном отношении – председателю Главной военно-цензурной комиссии. Требование причитающегося комиссии от казны довольствия возлагается распоряжением главного начальника военного округа на ближайшее из подчиненных ему учреждений или войсковых частей.

20. Должности военных цензоров учреждаются главным начальником военного округа (наказным атаманом) в пунктах или учреждениях, где таковая должность признана будет необходимой. Штат составляет приложение № 4.

21. Военные цензоры подчиняются в общем порядке службы главному начальнику военного округа, а в специальном отношении – председателю Главной военно-цензурной комиссии. Требо-

вание причитающегося военному цензору от казны довольствия возлагается распоряжением главного начальника военного округа на ближайшее подчиненное ему учреждение или войсковую часть. Примечание: В случаях, указанных статьями 13 и 14 сего Положения, столовые деньги за исполнение военно-цензурских обязанностей требуются лицу, несущему эти обязанности тем учреждением, на обязанности коего лежит удовлетворение этого лица денежным от казны довольствием по постоянной его должности.

22. Местные военно-цензурные и военные цензоры, как находящиеся на театре войны, так и внутри империи, обязаны: 1) Цензурировать те органы периодической печати, кои будут приписаны к комиссии или цензору. 2) Цензурировать издающиеся в пункте распоряжения комиссии или цензора (или в определенном районе) брошюры величиною в 10 печатных листов и менее. 3) Цензурировать все телеграммы, отправляемые через приписанные к комиссии или цензору телеграфные учреждения как лицами, состоящими на государственной службе, так и населением в пределах России и за границу. Примечание: Служебные телеграммы цензуре не подлежат. 4) Цензурировать все письма, как открытые, так и закрытые, адресованные за границу и поступающие для отправления в приписанные к комиссии или цензору почтовые учреждения, или проходящие через них. 5) Цензурировать все или на выдержку (так в тексте. – *И.Б.*) письма, как открытые, так и закрытые, адресованные в пределах империи и поступающие в приписанные к комиссии или цензору почтовые учреждения, или проходящие через них. 6) Цензурировать все бандероли, посылки и иные закрытые почтовые отправления, адресованные за границу и поступающие для отправления в приписанные к комиссии или цензору почтовые учреждения. 7) Цензурировать все или на выдержку бандероли, посылки и иные закрытые почтовые отправления, адресованные в пределах империи и поступающие для отправления в приписанные к комиссии или к цензору почтовые учреждения.

23. Цензура периодической печати, а также печатных произведений величиною в 10 печатных листов и менее, производится предварительным их просмотром военно-цензурными комиссиями или военным цензором независимо от общей цензуры, продолжающей действовать нормальным порядком. Примечание: Издания, выходящие на финском, шведском, эстонском, латышском, гру-

зинском, армянском, татарском и других малоизвестных языках, обязаны представлять для военной цензуры подстрочно переводы помещаемого материала, причем правильность перевода должна быть удостоверена соответствующими цензорами общей цензуры.

24. Все не пропущенное военной цензурой не может быть напечатано. При этом никакие ссылки и указания в печати на отсутствие материала как на последствие действий военной цензуры безусловно не допускаются.

25. Цензура телеграмм производится просмотром их перед отправлением. Принятые телеграфным учреждением телеграммы передаются по мере их накопления военному цензору при краткой ведомости, на коей соответственно расписываются в приеме телеграмм военный цензор, а при обратной передаче процenzурованных телеграмм – лицо, уполномоченное на сие телеграфным учреждением. Примечание: Срочные телеграммы передаются на цензуру безотлагательно.

26. В цензурованных телеграммах могут быть вычеркнуты слова, целые фразы и, наконец, весь текст. В последнем случае телеграмма не подлежит отправлению. Внесенная за телеграммы плата в случае цензурных сокращений поданных телеграмм возврату не подлежит.

27. Цензура писем производится: открытых – прочтением их и закрытых – вскрытием их и прочтением. Вскрытию одинаково подлежат как простая корреспонденция, так и страховая, и ценная. Вся переписка (письма, бандероли, посылки и проч.), адресованная за границу или из-за границы в Россию, передается в военную цензуру при особой ведомости: простая – общим числом писем или бандеролей, заказная – с перечислением адресатов поименно, денежная – с перечислением адресатов поименно и с указанием размера денежного в каждый пакет вложения. На ведомости расписываются в приеме корреспонденции военный цензор, а при возвращении ее с цензуры – лицо, уполномоченное на сие почтовым учреждением. Переписка внутри империи (письмо, бандероли, посылки и проч.) берется на цензуру лично военным цензором на выдержку в числе, какое он признает возможным (5 со 100, 10 со 100 и т.п.). Взятая военным цензором корреспонденция передается при такой же ведомости, какая положена для заграничной переписки.

28. Не пропущенные военной цензурой письма не подлежат возврату в пославшее их почтовое учреждение, а остаются при делах цензора. Денежные суммы, вложенные в письма, не пропущенные цензурой, подлежат пересылке адресату, но без всяких объяснений. Примечания: 1) О письмах, не пропущенных военной цензурой, делается цензором соответствующая отметка в ведомости. Если задержано денежное письмо, то в этой же ведомости делается отметка о сумме, возвращаемой цензором в почтовое учреждение для дальнейшей отправки ее по адресу. 2) Конверты закрытых писем вскрываются разрезом ножницами одной из коротких сторон конверта. Заклейка конвертов производится почтовым учреждением посредством наклейки на взрезанную сторону конверта клапана из бумаги, в каковом виде письмо и отправляется адресату. 3) Посылки вспарываются или вскрываются. Во избежание сего могут быть подаваемы желающими в открытом виде. Заделка их производится на счет почтовых учреждений.

Особые виды военной цензуры

29. Военная цензура распространяет свое действие также и на линию Англо-Индийского телеграфа в той ее части, которая пролегает по территории России. На каждую из станций сего телеграфа, расположенных в пределах России, с введением военной цензуры назначаются особые агенты из чинов почтово-телеграфного ведомства, обязанные наблюдать за тем, чтобы с этих станций не подавались бы телеграммы за границу. Исключение допускается лишь для телеграмм, содержащих сведения по вопросам обслуживания самой линии.

30. В армии и на флоте военной цензурой ведают: военно-цензурное отделение при штабе Верховного главнокомандующего и военно-цензурные отделения при штабах армий и флотов. Отделения эти действуют в отношении переписки военнослужащих, пересылаемой полевыми почтово-телеграфными учреждениями, на основании ст[атей] 25–28 сего Положения и непосредственно подчиняются начальнику штаба главнокомандующего или начальникам штабов армий и флотов по принадлежности. Состав отделений определяется штатами, составляющими приложение № 5 (А и Б).

31. Сверх обязанностей, указанных ст[атьей] Положения, военно-цензурное отделение при штабе главнокомандующего должно: 1) особо цензуровать все без исключений телеграммы, письма и почтовые отправления допущенных на театр военных действий военных корреспондентов и военных агентов. 2) цензуровать все известия, статьи, заметки, объявления, иллюстрации и т.п. материал, предназначенный военными корреспондентами, военными фотографами и военными агентами к напечатанию. Примечание: Обязанности и права начальника военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего по отношению к военным корреспондентам и военным фотограмм подробно определены в Положении о военных корреспондентах.

32. Обязанности по военной цензуре отчасти возлагаются на всех начальников, пользующихся в армии и флоте правами командира отдельной части, обязанных следить за тем, чтобы ни один из подчиненных им офицерских, классовых и нижних чинов ни в коем случае не сотрудничал бы в военное время в периодических изданиях, а по военным вопросам также и в литературе неперIODической.

33. Наблюдение за иностранной печатью и появляющимися в ней сведениями возлагается на военных агентов по принадлежности. Обо всем замеченном военные агенты сообщают Главной военно-цензурной комиссии в Петербурге для доклада начальнику Генерального штаба.

О порядке прекращения действия военной цензуры

34. Военно-цензурные комиссии и военные цензоры прекращают свою деятельность тотчас по получении соответствующего приказа от председателя Главной военно-цензурной комиссии. Военно-цензурные отделения при штабе главнокомандующего и при штабах армий или флотов прекращают свою деятельность тотчас по получении соответствующего приказа от начальника штаба главнокомандующего или начальника штаба армии или флота по принадлежности.

35. В течение месяца по получении приказа о прекращении военной цензуры военно-цензурные комиссии, военно-цензурные отделения и военные цензоры обязаны закончить свои дела по

цензуре и сдать их при подробной описи: 1) военно-цензурные отделения – в штаб главнокомандующего или начальника штаба армии или флота по принадлежности. 2) военно-цензурные комиссии и военные цензоры – в те учреждения, кои будут для сего указаны главными начальниками военных округов.

36. Штаб главнокомандующего и штабы армий или флотов передают дела по военной цензуре на хранение в то учреждение, которое будет назначено дел армий и флотов вообще. Учреждения, принявшие от военно-цензурных комиссий и военных цензоров дела по военной цензуре (ст[атья] 35), представляют их в месячный срок для хранения в окружные штабы по принадлежности.

37. По окончании действий военной цензуры каждый из ведавших ею органов (военно-цензурные отделения, военно-цензурные комиссии, военные цензоры) составляет отчет о своих действиях и представляет его не позднее как через 2 месяца по получении приказа о прекращении военной цензуры – начальнику Генерального штаба.

38. По получении отчетов, указанных в ст[атье] 37 сего Положения, в Главном управлении Генерального штаба составляется общий «Отчет о действии военной цензуры с... по... месяца... года».

О наказаниях, налагаемых за нарушение против военной цензуры

39. Лица, учреждения, заведения и разного рода предприятия, уличенные в нарушении требований военной цензуры, подвергаются наказаниям, в настоящей главе указанным.

40. Все наказания за нарушение требований военной цензуры налагаются и приводятся в исполнение в административном порядке, причем состоявшееся решение не подлежит обжалованию ни в административном, ни в общесудебном порядке.

41. Право возбуждения дел о нарушении требований военной цензуры принадлежит: военно-цензурным комиссиям, военно-цензурным отделениям, военным цензорам, чинам жандармского корпуса и чинам наружной полиции. Примечание: Чины жандармского корпуса, а также чины наружной полиции, установив факт нарушения требований военной цензуры, препровождают все по

сему случаю делопроизводство в ближайшую военно-цензурную комиссию или ближайшему военному цензору.

42. Военно-цензурные отделения, военно-цензурные комиссии и военные цензоры, удостоверившись в нарушении кем-либо требований военной цензуры, составляют по сему предмету краткий протокол и немедленно представляют таковой главному начальнику штаба главнокомандующего, начальнику штаба армии или флота или главному начальнику военного округа, по принадлежности. Примечание: Представлению подлежит лишь самый протокол. Все же по делу делопроизводство остается при делах отделения, комиссии или цензора. Таковой же протокол составляется и представляется по делам, возбужденным чинами жандармского корпуса или наружной полиции, причем самые дела остаются при делах отделения, комиссии или цензора.

43. Начальник штаба главнокомандующего, начальник штаба армии или флота и главные начальники военных округов (наказные атаманы) пользуются следующими правами по наложению взысканий за нарушение правил военной цензуры: 1) В случае оглашения кем-либо в публичном месте лично или при пользовании телефоном какого-либо из сведений, перечисленных в приложении № 1, на виновного налагается штраф в размере от 10 до 3000 рублей с заменой его при несостоятельности арестом на время от 3-х суток до трех месяцев. 2) В случае напечатания в периодической печати без разрешения военной цензуры какого-либо из сведений, перечисленных в приложении № 1, виновный в сем орган подвергается в лице своего ответственного редактора штрафу в размере от 500 до 10 000 рублей, а в случае неуплаты штрафа, а также при повторении указанного проступка – закрытию на все время действия военной цензуры. 3) В случае выпуска периодического издания без разрешения военной цензуры, хотя бы в выпущенном издании и не были нарушены требования военной цензуры, ответственный редактор выпущенного издания подвергается штрафу в размере от 25 до 300 рублей. 4) В случае напечатания без разрешения военной цензуры в брошюре величиной в 10 листов и менее какого-либо из сведений, указанных в приложении № 1, издатель подвергается штрафу в размере от 100 до 3000 рублей с заменой штрафа при несостоятельности арестом на время от 10 дней до 3-х месяцев, а при повторении сего проступка – заключению в

тюрьме гражданского ведомства на время от одного месяца до шести месяцев. 5) В случае обнаружения нарушений требований военной цензуры в телеграммах, открытых и закрытых письмах, бандеролях, посылках и прочих почтово-телеграфных отправлениях на виновных налагаются: выговор или штраф в размере от 5 до 100 рублей с заменой его при несостоятельности арестом на время от одного дня до шести дней. Если же переданное при помощи почтовых отправлений известие, не подлежащее оглашению (приложение № 1), своевременно не будет открыто военной цензурой, а затем будет оглашено тем или иным путем в период действия военной цензуры, то в этом случае лицо, виновное в отправлении означенного известия, подлежит штрафу в размере от 50 до 1000 рублей с заменой его при несостоятельности арестом на время от десяти дней до одного месяца. Примечание: Наказание, налагаемое в этом случае на автора известия, не избавляет огласителя от соответствующего наказания (п[ункты] 1, 2 и 4 настоящей статьи).

44. Если нарушителем правил о военной цензуре, изложенных в настоящем Положении, является лицо, стоящее на военной или гражданской государственной службе, то независимо от наказания, налагаемого на это лицо согласно сего Положения, о проступке его главный начальник военного округа обязательно сообщает непосредственному начальнику виновного. От последнего зависит или ограничиться наложением на виновного дисциплинарного взыскания, или же предать его суду как за разглашение тайны, вверенной по службе. Примечание: Если виновный замечен в нарушении правил военной цензуры во второй раз, то в этом случае предание суду обязательно.

45. Приведение в исполнение наказаний, налагаемых за нарушение требований военной цензуры, производится чинами наружной полиции, которая извещается о сем штабом главнокомандующего, штабами армий или штабами военных округом (штабом области).

46. Взысканные чинами наружной полиции с виновных штрафные деньги сдаются ими в казначейства для зачисления в доход сумм Александровского комитета о раненых.

47. В случае нарушения станциями Англо-Индийского телеграфа требований ст[атьи] 29 сего Положения, заведывающие сими станциями подлежат в первый раз штрафу в размере от 300 до

3000 рублей с заменой при несостоятельности арестом на время от двух недель до трех месяцев, во второй раз – заключению в тюрьме гражданского ведомства на срок до 6-ти месяцев, и в третий раз – закрытию станции. Примечание: Предварительно принятия последней меры (закрытия станции) главный начальник военного округа входит по сему в соглашение с начальником Генерального штаба.

О служебной ответственности лиц, ведающих применением военной цензуры

48. Все сведения как частного, так и общественного или правительственного значения, полученные лицами, ведающими применением военной цензуры, путем их цензорской деятельности, должны почитаться тайной, вверенной им по службе.

49. В случае разглашения лицом, ведающим применением военной цензуры, какого-либо сведения как частного, так и общественного и правительственного значения, полученного им путем цензорской деятельности, таковое лицо подлежит ответственности по суду как за разглашение тайны, вверенной ему по службе. Примечание: Предание суду лиц, ведающих применением военной цензуры, зависит: в действующей армии – от начальника штаба главнокомандующего, начальника штаба армии или флота, по принадлежности; в районах военных округов от главного начальника военного округа и предание суду лиц Главной военно-цензурной комиссии зависит от начальника Генерального штаба.

Подлинный подписал: генерал-майор [Н.А.] Обручев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 3–12.

Список литературы

1. Батулин П.В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 152–157.
2. Богомолов И.К. Цензура печати в Москве в годы Первой мировой войны // Цензура в России: история и современность. – Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2019. – Вып. 9. – С. 178–196.
3. Временное положение о военной цензуре, в связи с действующим Уставом о цензуре и печати. – Одесса : тип. «Спорт и наука», 1914. – 40 с.

4. Гужва Д.Г. Военная цензура русской периодической печати в годы Первой мировой войны // Русская публицистика и периодика Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. – Москва : ИМЛИ, РАН, 2013. – С. 524–537.

ОБЗОРЫ

УДК 93/94; 947:323; 94(438).074

КОМЗОЛОВА А.А. * РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ.

DOI: 10.31249/rhist/2022.03.02

Аннотация. В обзоре рассматриваются исследования современных российских историков, в которых как самостоятельная научная проблема анализируется отношение правящих кругов Российской империи к польскому вопросу в период Первой мировой войны (1914–1917). В частности, подробно изучаются причины и условия появления воззвания великого князя Николая Николаевича к полякам, обсуждение этого вопроса в Совете министров, а также различные проекты решения польского вопроса.

Ключевые слова: польский вопрос в Российской империи; Царство Польское; Совет министров России, 1914–1917 гг.; Государственный совет России; «Польское коло»; великий князь Николай Николаевич; А.В. Кривошеин; С.Д. Сазонов.

КОМЗОЛОВА А.А. The russian political elite and the polish question in the First world war.

Annotation. The review examines the studies of modern Russian historians in which, as an independent scientific problem, the authors analyze the attitude of the ruling circles of the Russian Empire to the Polish question during the First World War (1914–1917). In particular, they are studied in detail the reasons and conditions for the appearance of the proclamation of Grand Duke Nicholas Nikolaevich to the Poles,

* Комзолова Анна Альфредисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: lizeze@yandex.ru

discussion of this issue in the Council of Ministers, as well as various projects to resolve the Polish question.

Key words: the Polish question in the Russian Empire; the Kingdom of Poland; the Council of Ministers of Russia, 1914–1917; State Council of Russia; Polish color; Grand Duke Nicholas Nikolaevich; A.V. Krivoshein; S.D. Sazonov.

Для цитирования: Комзолова А.А. Российская политическая элита и польский вопрос в Первую мировую войну. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 25–33. DOI: 10.31249/rhist/2022.03.02

Анализ политических причин Первой мировой войны 1914–1917 гг. занимает центральное место в исследованиях современных российских историков. Польский вопрос, являвшийся весьма актуальным в российской внутренней политике и до 1914 г., по мере обострения политической ситуации неоднократно выступал на первый план в ходе различных дискуссий о целях и задачах войны.

В 1914–1916 гг. Российская империя откладывала предоставление Польше какой-либо формы автономии до конца войны. Вместе с тем в этот период польские круги, включенные в состав российской элиты, неоднократно пытались добиться официального признания польской автономии в рамках Российской империи.

В воззвании Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича к полякам от 1 (14) августа 1914 г. в общем виде была сформулирована та задача, которую поставили перед собой правящие круги Российской империи в Первой мировой войне. В воззвании указывалось: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим воссоединится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении. Одного ждет от вас Россия – такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история» [3, с. 9–10]. На практике это подразумевало объединение с Царством Польским отвоеванных у Германии и Австрии земель в единое государство, которое должно было получить права автономии в составе Российской империи. Вместе с тем само слово «автоно-

мия» в этом манифесте не использовалось. Предполагалось, что вопрос о статусе этой новой автономии и ее границах будет решен после победоносного для России окончания войны.

В российской историографии значительное место посвящено вопросу о том, кто был инициатором и непосредственным автором воззвания, а также в какой мере оно было рассчитанным политическим шагом. Среди исследователей утвердилось мнение о том, что идея и авторство воззвания к полякам принадлежали министру иностранных дел С.Д. Сазонову, который был последовательным сторонником незамедлительного решения польского вопроса. В 1914–1916 гг. он неоднократно убеждал императора Николая II лично обещать полякам объединить все «польские» земли в составе Российской империи на правах широкой автономии. 16 июля 1915 г. Сазонов в Совете министров выступил с предложением разрешить вопрос о предоставлении Польше автономии высочайшим манифестом, не ожидая ратификации Государственной думы.

Так, например, Л.М. Аржакова (Институт славяноведения РАН) считает весьма важным свидетельством хорошо известные историкам мемуары Г.Н. Михайловского, сотрудника Министерства иностранных дел в 1914–1920 гг. Согласно его сведениям, авторами воззвания выступили С.Д. Сазонов, начальник юрисконсультской части МИД барон Б.Э. Нольде и начальник Ближневосточного отдела МИД граф Г.Н. Трубецкой. По словам исследовательницы, «изложение Михайловским обстоятельств появления воззвания к полякам внутренне логично и не дает повода заподозрить автора в недостаточной осведомленности» [1, с. 73–75]. Ранее А.Ю. Бахтурина (Российский государственный гуманитарный университет) указывала на то, что помимо Сазонова авторами воззвания были военный министр В.А. Сухомлинов и начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич, которых едва ли можно назвать коллективом единомышленников. Также она предположила, что сама инициатива публикации этого манифеста могла исходить и от великого князя Николая Николаевича, и от императора [2, с. 24–29].

Ф.А. Селезнев (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) также задается вопросом о том, кто был инициатором воззвания 1 августа 1914 г. о будущем Польши [6]. Исследователь указывает

на раскол внутри российской политической элиты по отношению и к войне, и к польскому вопросу. Николай II и часть сановников (министры – внутренних дел Н.А. Маклаков, юстиции И.Г. Щегловитов) накануне войны старались удержать Россию от вовлечения в общеевропейский конфликт, а затем стремились придать войне исключительно оборонительный характер, настаивая на том, что условием окончания войны должна стать не победа над Германией, а лишь отсутствие ее войск на российских землях. Эта «консервативная» часть правительства выступала против объединения польских земель в составе России и предоставления им автономии до окончания войны. Они предлагали ограничиться лишь введением в Привислинском крае такого же уровня самоуправления, который имели российские губернии [6, с. 29; 7, с. 166].

Другая часть верхов (большинство Совета министров), напротив, выступала за наступательный характер войны и тесное единение с союзниками – Францией и Великобританией. По мнению Селезнева, идеологом и организатором этой части российской элиты был главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, который в это время являлся фактическим руководителем кабинета. Лозунг восстановления Польши для них был привлекателен тем, что, предусматривая аннексию германских территорий, делал невозможным компромисс между Россией и Германией. Кривошеин, поляк по матери, проведенный детство в Варшаве, был сторонником войны с Германией до победного конца и отрицал возможность какого-либо российско-германского сепаратного мира. Кривошеин и «ведомый им» премьер-министр И.Л. Горемыкин выступали за реализацию воззвания Верховного главнокомандующего в полном объеме, хотя и после победы над Германией. При этом великий князь Николай Николаевич высказывался в пользу предоставления максимальных уступок в отношении поляков, связывавших с Российской империей свои надежды на восстановление польского государства [6, с. 29–30, 35; 7, с. 166–167].

Вокруг обсуждения польского вопроса А.В. Кривошеин попытался объединить целый ряд общественных и политических деятелей, близких к неославистам и их организационным структурам (Общество славянского научного единения, неформальная «Группа ученых и общественных деятелей прогрессивного направле-

ния...») [6, с. 29–32]. С началом Первой мировой войны идеи панславизма, лозунги об общеславянском единстве и укреплении империи получили новый резонанс в российском общественном мнении. В официальных кругах, при довольно настороженном отношении к панславистскому движению, относились с одобрением к идеям об общерусском единении, поскольку они вписывались в концепцию «исправления границ» России на западных окраинах. Идейной основой проектов российско-польского сближения во время войны стал неославизм. Главным условием успеха в борьбе с «германизмом» неослависты считали объединение славянства вокруг России, а также примирение русских и поляков.

По мнению Ф.А. Селезнева, в июле 1914 г. мысль о создании наместничества Царства Польского, включавшего территории Галиции и Познани, мог внушить Николаю II именно Кривошеин, встречавшийся с императором 28 июля. Важным аргументом Кривошеина, который должен был подействовать на Николая II, была не только идея объединения под российским скипетром польских земель, но и проект отторжения от Германии Мемельской области в устье р. Неман с портом на Балтике. 29 июля император посвятил в эти планы В.А. Сухомлинова. Как полагает Селезнев, С.Д. Сазонов не мог быть инициатором воззвания к полякам 1 августа 1914 г., поскольку министр иностранных дел имел доклад у императора 29 июля (а перед этим – 22 июля), т.е. когда у императора уже сформировалось решение об издании манифеста по польскому вопросу. По поручению императора Сазонов подготовил проект этого манифеста, подключив тогда же, 29 июля, к этой работе Г.Н. Трубецкого, который входил в круг московских либералов-неославистов и проводил во внешнеполитическом ведомстве их программу [6, с. 33–35].

Первоначально акт о будущем Польши предполагалось издать в виде царского манифеста, и этот проект был подготовлен в МИД Г.Н. Трубецким при участии П.Б. Струве, С.А. Котляревского и Н.Н. Львова, а также одобрен лидером польской Национально-демократической партии Р. Дмовским и председателем «Польского кола» Государственного совета графом С.И. Велепольским [6, с. 35; 7, с. 158, 159]. Однако этот проект вызвал сопротивление части министров (Н.А. Маклаков, И.Г. Щегловитов, министр народного просвещения Л.А. Кассо). Согласно их аргументации,

русский царь мог обращаться с манифестом к своим подданным, но не к населению Познани и Галиции, т.е. вражеских территорий. В итоге И.Л. Горемыкин (возможно, по инициативе А.В. Кривошеина) предложил издать воззвание от имени Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича. На этой стадии подготовки этого акта его текст редактировали Сухомлинов, Янушкевич и Кривошеин. Причем на момент публикации воззвание еще не было подписано великим князем Николаем Николаевичем, поскольку его текст был доставлен в Ставку 2 августа. В результате воззвание явилось «плодом сложной политической комбинации» [6, с. 36–38, 40].

Воззвание Верховного главнокомандующего русской армией к полякам 1 августа 1914 г. вызвало острые дискуссии и неоднозначную реакцию среди представителей российского правительства. Предлагавшемуся в возвании пути решения польского вопроса препятствовала позиция части министров и их единомышленников за пределами правительства. В октябре–ноябре 1914 г. на заседаниях Совета министров проходило обсуждение польского вопроса. Было подготовлено несколько проектов устройства объединенного польского государства. В итоге рассмотрение польского вопроса затянулось, не приведя к реализации каких-либо конкретных планов [2, с. 36–48]. Вместе с тем по результатам этого обсуждения была составлена мемория Совета министров, где указывалось, что «в состав будущего Польского края должны войти как нынешние губернии варшавского генерал-губернаторства, так и те польские земли, которые, если бог благословит русское оружие победою, отойдут к России от Германии и Австро-Венгрии» [цит. по: 7, с. 161].

А.В. Плещеева (Санкт-Петербургский государственный университет) также указывает на борьбу внутри правительства, выделяя два «резко противостоящих друг другу блока». Первый «блок», включавший С.Д. Сазонова и его единомышленников, выступал за корректировку правительственного курса в польском вопросе, предлагал отойти от «традиционного недоверия к полякам» и настаивал на реалистичности польской автономии. Во второй «блок» объединились противники немедленных уступок полякам, отстаивавшие прежнее направление политики в отношении Польши. Эта группа «реакционеров» (Н.А. Маклаков, И.Г. Щегло-

витов, товарищ министра народного просвещения барон М.А. Таубе) представила И.Л. Горемыкину специальную записку, в которой выразила «особое мнение» меньшинства Совета министров [5, с. 44]. Согласно характеристике Л.М. Аржаковой, само представление частью министров этой записки было «лишним свидетельством неустойчивости новой линии в польском вопросе в 1914 г.» [1, с. 73].

А.В. Плещеева подробно анализирует цели, стоявшие перед Россией в Первой мировой войне, как это было сформулировано в «особом мнении» меньшинства Совета министров. Как указывает исследовательница, задача, связанная с решением польского вопроса, по степени важности для России авторами этой записки была обозначена как второстепенная. В то же время первоочередными были признаны задачи, направленные на воссоединение «всех частей русского народа» (объединение с Россией территорий Восточной Галиции, Северной Буковины и Угорской Руси), а также ориентированные на осуществление исторической миссии России в Черном море и «выпрямление» российской границы со стороны Восточной Пруссии и Азиатской Турции. Наряду с этим в «особом мнении» министров указывалось на неблагоприятные последствия для государственных интересов России в случае возникновения объединенной Польши. Так, вследствие особенностей географического положения Западной Галиции линии границ России с Австрией и Германией окажутся более уязвимыми в стратегическом отношении. По мнению меньшинства Совета министров, другим спорным моментом в воззвании Верховного главнокомандующего к полякам являлось упоминание о «живом теле» польского государства, каким оно было «полтора века тому назад». Высказывалось опасение, что такая формулировка должна была вызвать «несомненные трудности» в вопросе определения «этнографической» Польши и оказаться неприемлемой «для большинства польской интеллигенции», которая в ближайшем будущем могла проявить «стремление добиться все больших и больших уступок со стороны русского правительства» [5, с. 44, 45].

По мнению Плещеевой, Маклаков, Щегловитов и Таубе частично преуспели в достижении одной из своих главных целей – «препятствии либеральному решению польского вопроса». Вместе с тем их предложения не оказали существенного влияния на фор-

мулирование военных целей России. Вскоре обсуждение общих целей в войне перестало быть основной заботой российской дипломатии, и правительство обратило внимание на конкретные соглашения с союзниками [5, с. 45, 46].

Исследуя причины политического кризиса Российской империи накануне Февральской революции 1917 г., А.В. Квиндт и А.Н. Мичурин (Санкт-Петербургский государственный университет) обращают внимание на неразрешимые противоречия по польскому вопросу в 1915–1917 гг. среди членов Государственного совета и Государственной думы, в том числе указывая на отсутствие единства между представителями «Прогрессивного блока» [4].

Вплоть до Февральской революции польский вопрос в Государственном совете поднимался только во время открытия его заседаний и при обсуждении формулы перехода к очередным делам. В момент учреждения «Прогрессивного блока» летом 1915 г. наиболее острым оставался вопрос об «ответственном министерстве», в то время как вопрос о правах поляков в Западном крае не вызывал споров и возражений среди членов Государственного совета. Однако все попытки депутатов, избранных от польских землевладельцев Царства Польского и западных губерний, внести польский вопрос в программу «Прогрессивного блока» на заседании групп верхней палаты 22 августа 1915 г. провалились. В частности, большинством собрания были отвергнуты предложения о том, чтобы зафиксировать в этой программе права польских землевладельцев. Члены «Польского коло», формально поддержав блок, сделали оговорку, что оставляют за собой право выступления и голосования по вопросам польско-российских отношений. Причем решение о присоединении группы центра Государственного совета, частью которого был «Польский коло», к «Прогрессивному блоку» было принято без предварительно соглашения с коло [4, с. 14, 15].

Как отмечают А.В. Квиндт и А.Н. Мичурин, сразу после роспуска законодательных палат в сентябре 1915 г. польский вопрос занял второстепенное место в политической борьбе, поскольку его поддержка «Прогрессивным блоком» имела тактический характер и рассматривалась в качестве способа давления на царское правительство для получения более существенных политических уступок. Одновременно начали проявляться разногласия между поля-

ками и другими национальными группами в Государственной думе [4, с. 15].

Список литературы

1. Аржакова Л.М. Польский вопрос в 1914 г. (по «Запискам» Г.Н. Михайловского) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – Вып. 4. – С. 68–76.
2. Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). – Москва : РОССПЭН, 2004. – 392 с.
3. Год войны: С 19 июля 1914 г. по 19 июля 1915 г. Высочайшие манифесты. Воззвания верховного главнокомандующего. Донесения: от Штаба верховного главнокомандующего Кавказской армией, от Морского штаба. – Москва : Издание Д.Я. Маховского, 1915. – 588 с.
4. Квиндт А.В., Мичурин А.Н. «Польский вопрос» в Государственном совете в момент образования «Прогрессивного блока» // Неделя науки СПбПУ : материалы научной конференции с международным участием. – Санкт-Петербург : Изд-во Политехнического ун-та, 2019. – С. 13–16.
5. Плещеева А.В. «Особое мнение» меньшинства Совета министров по польскому вопросу в годы Первой мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – № 3. – С. 41–47.
6. Селезнев Ф.А. Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам 1 (14) августа 1914 года // Славяноведение. – 2017. – № 5. – С. 28–41.
7. Селезнев Ф.А. С.И. Велепольский и борьба вокруг вопроса об автономии польских регионов (1914–1915 гг.) // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики : сб. ст. / сост. и гл. ред. А.А. Корнилов ; ответств. ред. А.А. Сорокин. – Нижний Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 158–168.

УДК 930.2; 930.85; 614.4

ДУНАЕВА Ю.В.* БОЛЕЗНИ, ЭПИДЕМИИ И ПАНДЕМИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ. Часть 1. DOI: 10.31249/rhist/2022.03.03

Аннотация. В обзоре тематического номера «Journal of global history» представлены традиционные и новые подходы к изучению историй болезней и эпидемий. Эпидемии и пандемии предстают в качестве линзы в рамках глобальной и других направлений исторической науки. Также предлагаются разные междисциплинарные подходы к изучению этих феноменов.

Ключевые слова: глобальная история; всеобщая история болезней; история пандемий; COVID–19.

DUNAEVA Y.V. Diseases, epidemics and pandemics in global history. Part I.

Abstract. A review of a thematic issue of the Journal of global history presents traditional and new approaches to the study of histories of disease and epidemics. Epidemics and pandemics are presented as a kind of lens within global and other areas of historical scholarship. Different interdisciplinary approaches to the study of these phenomena are also offered.

Keywords: global history; general history of diseases; history of pandemics; COVID-19.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. Болезни, эпидемии и пандемии в глобальной истории. Часть 1. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. –

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: jvd@inbox.ru

Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 34–51.
DOI: 10.31249/rhist/2022.03.02

Номер ведущего научного журнала «Глобальная история» («Journal of global history») целиком посвящен истории болезней, эпидемий и пандемий. Материалы номера объединены заголовком «Пандемии, изменившие мир. Исторические размышления о COVID-19». В статьях представлены разные аспекты изучения пандемий и эпидемий: исторические, социальные, культурные и т.п. Историки используют пандемию как фокус, способный дать новое понимание глобальной истории болезней и более глубоко рассмотреть последствия пандемий в разных контекстах.

В статье, открывающей номер, отмечено, что история пандемий занимает видное место в глобальной истории [5]. Массовые заболевания создают своего рода реперные точки в истории человечества. Эпидемии и пандемии проверяют на прочность само общество, культурные и социальные нормы, поведение людей. Несомненно, эпидемия COVID-19 станет одной из таких точек в XXI в., пишут Э. Франкема (Вагенингенский университет) и Х. Творек (Гарвардский университет).

Эта эпидемия выявила много проблем: как быстро мутирующий вирус распространяется по миру, какие он создает вызовы для экономики, политики, культуры. Также эпидемия «показывает значительные различия в восприятии и подходах к новой угрозе здоровью и отражает то, что ответные меры на местном, национальном и глобальном уровне заметно политизированы» [5, с. 333]. Исторические сравнения различных пандемий ставят новые вопросы. Например, почему местные, научные, социальные реакции на пандемию так различаются и как они меняются со временем.

Условия пандемии повлияли на специфику работы историков, принимающих участие в этом проекте. Статьи были подготовлены очень быстро. В них использованы свежие данные и практически нет архивных документов. Это объясняется тем, что авторы не могли работать в архивах, закрытых для посещения. По мере развития пандемии в материалы вносились новые сведения. Таким образом, читатели получают представление о том, как историки понимают и анализируют пандемию во время ее разгара. Вместе с тем авторы надеются, что и после окончания пандемии

их оригинальные работы будут содействовать более глубокому историческому пониманию эпидемий, болезней и пандемий.

Статья исследовательницы А.-Э. Бирн (Университет Торонто) посвящена тому, как ситуация с пандемией повлияла на историческую науку и в том числе на глобальную историю [1]. По мере нарастания пандемии, отмечает она, участились обращения к историкам – специалистам по истории медицины и здравоохранения. СМИ и политики стали искать у них советов на предмет дорожных карт, худших и лучших вариантов развития, прогнозов, обнадеживающих мыслей о научном прогрессе и уроках, которые можно извлечь из этой ситуации, пишет автор. Это создает возможность для историков поделиться тем, что они знают.

Историк отмечает быстрое нарастание информационной шумихи вокруг новой болезни. А.-Э. Бирн приводит слова генерального директора ВОЗ Т.А. Гебреисуса, который в феврале 2020 г. заметил: «мы не просто боремся с эпидемией, мы боремся с инфодемией» [цит. по: 1, с. 336]. Его слова, продолжает Бирн, не были историческим преувеличением или искажением. Т.А. Гебреисус имел в виду чрезмерность информации, ошибки, дезинформацию, слухи по поводу COVID-19. Все это препятствовало эффективным ответным мерам общественного здравоохранения, считает он.

В отношении того, какую болезнь считать пандемией, существует несколько мнений, подчеркивает автор. На первый взгляд, кажется, что это касается «большой шестерки»: чумы, оспы, холеры, гриппа, ВИЧ/СПИДа, лихорадки Эбола. Однако в этот ряд не входят такие болезни, как малярия, желтая лихорадка, периодически рецидивирующие в странах Африки. Вероятно, предполагает А.-Э. Бирн, это вызвано тем, что они имеют распространение не в США и не в европейских странах, а на другом континенте.

Термин «пандемия» в переводе с греческого обозначает «весь народ», т.е. эпидемию, распространившуюся на страны и даже континенты, а в отношении COVID-19 говорят как о «глобальной пандемии». Это, как полагает А.-Э. Бирн, важно как для понимания нынешней, так и прошлых пандемий и эпидемий. Следовало ожидать, что многие политики, представители здравоохранения, экономисты, журналисты и т.п. обращались к отдельным, зачастую вырванным из общего контекста примерам, чтобы «воспроизвести универсальные и одномерные сюжеты о прошлом, ко-

торые, как правило, основаны на американско-европейской истории» [1, с. 338].

Далее автор останавливается на том, что, по ее мнению, представляет собой глобальная история. Она подчеркивает, что, несмотря на некую близость, все же есть различия в подходах к изучаемому материалу между всемирной и глобальной историей. Последняя отвергает линейные нарративы, особенно в том, что касается взаимосвязей социальных, экономических, культурных факторов и цивилизаций. Глобальная история больше сконцентрирована на взаимодействиях, обменах, связях и сетях, в изучении одновременно происходящих событий в разных или многочисленных местах. Это создает хорошие основания для глобальной истории здравоохранения и пандемий. Глобальная история пандемий должна избежать центризма или подхода, который Бирн называет «Запад и все остальные». Комплексное междисциплинарное историческое исследование пандемий должно преодолеть подобные ограничения.

Нынешняя пандемия накладывает отпечаток и на труд историков, подчеркивает автор. Необходимы глубокие размышления над восприимчивостью, смертью и выздоровлением от COVID-19. Следует согласовать усилия историков – представителей разных направлений для изучения эпидемий и пандемий. Это требует больше ответственности, открытости исторической науки, деколонизации истории. Историки должны чаще обращаться к внешнему миру и сотрудничать со специалистами в области здравоохранения, с журналистами, политиками и т.п. А историкам, привычным к «медленным историям», следует приспособиться к «истории в спешке», заключает А.-Э. Бирн.

К. Харпер (Университет Оклахомы) – специалист по истории античности. В его статье предлагается новый взгляд на изучение эпидемий и пандемий в античном мире и современности [6]. Основная идея автора заключается в том, что необходимы междисциплинарный подход, соединенные усилия историков, археологов и биологов для исследования этих тем.

Изучающие римскую историю знают о трех эпидемиях чумы: Антонинова чума (165–180 гг.), Киприанова чума (249–270 гг.) и Юстинианова чума (541 г. до середины VIII в.) – первая в истории зафиксированная пандемия. Естественно, что отличия импе-

рии Древнего мира от современности столь велики, что сравнительные исследования в полной мере невозможны, хотя можно сделать выводы о неких общих закономерностях. Более детальные сравнения эпидемий выполнимы, если речь идет о последних двух веках. Имеются в виду эпидемии холеры и гриппа («испанки» начала XX в.), пишет историк.

По мнению автора, пандемия COVID-19 наглядно показывает необходимость совместного изучения в рамках истории, экологии и биологии, а также необходимость дальнейшего углубления в прошлое. Он объясняет это тем, что инфекционное заболевание по сути своей есть биологическое явление. Вирусное заболевание COVID-19 невозможно понять без изучения вируса SARS-CoV-2. Эволюция этого вируса, обладающего особыми биологическими свойствами, является непосредственной причиной пандемии. В то же время глобальная экология¹ способствует развитию и передаче этого вируса. Пандемии возникают на пересечении истории, эволюции и экологии. И изучать их следует во взаимодействии с другими науками. Примером такого междисциплинарного изучения он называет книгу историка, специалиста по транснациональной истории У. Макнилла². Написанная в середине 1970-х годов, она по-прежнему актуальна, считает Харпер. Невозможно написать историю эпидемий без учета взаимодействия биогеографии, расселения народов и цивилизационного обмена. Особая роль принадлежит именно глобальной истории, подчеркивает автор, ведь эпидемии и пандемии не признают условных периодов, на которые делят прошлое историки, как и не признают политических, культурных, языковых границ.

Основное внимание этих историко-биолого-экологических исследований должно уделяться геному, утверждает исследователь. «Геномы – это своего рода исторический архив, органическая запись эволюционной истории. Геномы, которые секвенируются³ во все большем количестве, представляют собой потенциальную

¹ Глобальная экология – комплексная научная дисциплина, изучающая биосферу в целом. – *Прим. авт.*

² McNeill W.H. *Plagues and peoples*. – Garden City (N.Y.) : Anchor press/Doubleday, 1976. – 396 p.

³ Секвенирование – название методов, которые позволяют установить последовательность нуклеотидов в молекуле ДНК. – *Прим. авт.*

сокровищницу исторических знаний» [6, с. 351]. Исследователь предлагает использовать два разных, но взаимодополняющих подхода: палеогеномику и филогенетику. Палеогеномика – это изучение исторического или доисторического генетического материала. «Филогенетика – это изучение эволюционных отношений между группами организмов: например, между видами или между популяциями (такими, как различные штаммы вируса)» [6, с. 352]. Этот подход также может предоставить интересную и масштабную историческую информацию.

Древняя история не создает «параллелей» и не преподносит «уроков», пишет далее автор. Но глубокое изучение истории болезней дает специалистам новые перспективы для понимания, особенно, если это делается в глобальных масштабах и учитывает новые данные о генах. Исследования в области истории инфекционных болезней дают возможность объединить усилия специалистов разных научных отраслей, еще раз подчеркивает он. Для понимания экологического контекста биологической эволюции ученые проводят демографические, социальные, экономические исследования. Например, они могут проследить, как развивалась торговля, технологии, урбанизация, как все это влияло на появление и развитие болезней и как в свою очередь болезни влияли на эти и другие факторы.

Взаимодействие социального развития человека и инфекционных заболеваний является одной из основных линий истории, и эта связь всегда двусторонняя. Люди изменяют экологическую обстановку, а человеческая деятельность влияет на развитие или спад болезни. Распространение геномных данных и достижения в восстановлении древних биомолекул дают нам новую информацию, которая помогает сфокусировать и конкретизировать взаимосвязь между экологией и биологией в истории человечества, рассуждает К. Харпер. Такая междисциплинарная история обеспечивала более солидную основу для ответов на вопросы, которые поставила перед нами пандемия.

В статье Т. Брука (Университет Британской Колумбии) уделено внимание различиям в освещении эпидемий в Англии в период правления Тюдоров и Стюартов и в Китае (Великая Минская империя) в период правления императоров династии Мин [2].

Т. Брук пишет, что эпидемия COVID-19 в европейской прессе сравнивалась с «черной смертью» – эпидемиями чумы в Средние века, тогда как в китайской прессе таких аналогий не проводилось, несмотря на подобные эпидемии в прошлом. Китайская историческая память функционирует иначе, чем европейская, подчеркивает он. Если китайцы и упоминают эпидемию чумы, то это относится к 1910 г., к вспышке заболевания в Маньчжурии.

Историк отмечает, что в английской и китайской историографиях история эпидемий отражена по-разному. В Англии уже современники писали и давали оценку эпидемии, в Китае только в нескольких документах можно найти описание и оценку разразившейся болезни. Одним из таких документов являются «Истинные записи» династии Мин. В период правления императора Ваньли случилось несколько бедствий: землетрясение, пожар во дворце и разразившаяся болезнь. Автор записей, чиновник, предполагал, что таким образом Небо сигнализирует о недовольстве императором и о том, что он должен взять на себя ответственность и провести акт ритуального покаяния, а также помочь людям. Великий секретарь выступил с конкретными предложениями: открыть в Пекине государственные аптеки и послать в районы города врачей для раздачи лекарств. Император вдобавок к этому поручил выдать каждой семье денежную помощь. Хотя в документах есть осторожное признание беспорядка в Космосе, подчеркивает Т. Брук, они не упоминают божественного наказания. Эпидемия представляла чисто административной проблемой, для решения которой применялись практические меры: раздача лекарств и денежная помощь, заключает Т. Брук.

В Англии дело обстояло несколько иначе. Когда разразилась чума в Лондоне в 1563 г., королева Елизавета предприняла меры разного характера. Архиепископу Йоркскому была дана полная свобода для поддержания порядка и помощи бедным и нуждающимся. В городе разжигались костры, чтобы уберечь от «распространения миазмов», запрещалось движение между городами. Об этом «напоминала» установленная виселица. Совместно с архиепископом Кентерберийским и епископом Лондона был составлен общий график молитв, поста и исповедания грехов, чтобы умиловать Бога.

В отличие от королевы Англии император Ванли не призывал свой народ к актам раскаяния или покаяния. Он признал свою ответственность за гнев Небес, но не требовал такого от своих подданных. Их злодеяния могли прогневать Небо, но он должен править так, чтобы заботиться и о нечестивых.

Ответ на то, как оценивали бедствие простые люди, Т. Брук находит в художественной литературе того времени. Для простолюдинов болезнь была Божиим наказанием, которое обошло стороной императора, но обрушилось на их головы. Чтобы умиливать Небеса, проводились соответствующие обряды, посвященные Богу или Богам, «ответственным» за болезнь и могущим прекратить ее. Английскому и китайскому народам эпидемии внушали страх и заставляли прибегнуть к молитвам или другим ритуалам, чтобы отвести заболевание. Это предполагало, что есть некое Божество, которое может спасти безгрешных и невиновных. Но то, что болезнь «выкашивала» всех подряд, естественно, озадачивало англичан и китайцев.

Следующая крупная вспышка болезни случилась в Китае в 1640 г., и она сопровождалась бедствиями, самым тяжелым был неурожай и голод 1639–1640 гг. Бедняки ели траву и кору деревьев, зафиксированы случаи каннибализма. Об этой эпидемии сохранилось описание современника, которое выдержано в конфуцианском духе и намекает на возможные причины бедствия – перенаселение и расточительство. Обращаясь к выжившим, автор призывает их не радоваться тому, что они пережили болезнь, а воздать почести Небу, Земле и предкам, иначе болезнь вернется снова.

Даниель Дефо в «Дневнике чумного года» (1722) реконструирует события мрачного 1665 г. Он описывает общественные погребальные ямы и рассматривает их как объекты нездорового любопытства, упоминая в том числе собственный интерес – ему было тогда пять лет. Кульминацией описания стали его воспоминания о незаконной ночной прогулке. Для Дефо, считает Т. Брук, напоминание о чуме – это повод описать человеческую слабость, для китайского автора чума – это способ напомнить о моральных обязательствах.

Статья М. Фью (Университет штата Пенсильвания) посвящена проявлениям гуманизма и одновременно усилению колониализма.

лизма во время эпидемии оспы в Гватемале XVIII в. [4]. По ее мнению, ситуация с оспой и COVID-19 вполне сопоставима. Тогда также шли общественные споры об эпидемии, бедности и этнических группах. Обсуждались заметно более высокие показатели смерти от эпидемии среди коренных народов, бедных и других маргинальных групп. Ставился вопрос о степени ответственности государства. Совещались о том, следует ли применять принуждение и насилие к местному населению для обеспечения соблюдения карантина, проведения прививочных кампаний и других медицинских мероприятий. Гватемала, продолжает далее М. Фью, представляет собой убедительный исторический пример борьбы с эпидемией времен колониализма, поскольку там проживало многочисленное местное население народов майя и показаны способы борьбы с болезнью правящих кругов и местной элиты.

Европейские завоеватели и колонизаторы принесли с собой болезни, которых не знали местные жители. Поэтому смертность среди них была катастрофической. Некоторые исследователи считают, что в XVI–XVII вв. американский континент был ареной «величайшего уничтожения в истории человечества». Другие называют этот период “Великим вымиранием»» [4, с. 381]. Самыми разрушительными были эпидемии бубонной чумы, оспы, кори, гриппа, сыпного тифа. Они привели к смерти от 50 до 90% местного населения. Так, к примеру, численность народов майя в колонизированной Центральной Америке сократилась почти на 94%, если до колонизации их насчитывалось около 2 млн, то к началу XVII в. осталось примерно 128 тыс. человек.

Эпидемии оспы и других болезней продолжались практически на протяжении всего колониального периода и усугублялись нищетой, периодами голода и систематическим насилием со стороны колонизаторов. Дошедшие до нас отчеты, написанные государственными или религиозными деятелями из стран-метрополий, свидетельствуют о широкой распространенности заболеваний среди местного населения. Как заметил один из очевидцев, во время вспышки чумы в 1607–1608 гг. среди майя болезнь протекала так быстро, что не успевали оказывать помощь, поэтому смертность была запредельно высокой. Эта ситуация усугублялась бедностью майя, у них зачастую не было денег, чтобы купить продовольствие и необходимые лекарства.

Одним из известных борцов с эпидемией оспы был Хосе Фелипе Флорес – профессор медицины Университета Сан-Карлос. Он известен как составитель программы и мероприятий по предотвращению и лечению оспы у местного населения. Когда весной 1794 г. стало известно о вспыхнувшей эпидемии оспы, он выпустил руководство по борьбе с ней. Флорес и другие медики выступали за проведение прививок, представляя их как новый и современный инструмент в борьбе с болезнью. Эта практика уже существовала в других странах мира. Прививка заключалась в том, что у человека, болеющего в легкой форме, изымалось оспенное вещество и переносилось при помощи ланцета или другого режущего инструмента здоровому человеку. Тогда привитый заболел в легкой форме и если выживал, то приобретал пожизненный иммунитет.

В XVIII в. были проведены первые кампании по борьбе с эпидемиями среди коренных народов Латинской Америки. Как пишет М. Фью, это указывает на изменение колониальной политики в том, что касается болезней. Правительство стало больше внимания уделять здоровью покоренных народов. Появилось то, что М. Фью называет «медицинским гуманизмом», а именно сострадание к больным, бедным и коренным народам сочеталось с пропагандой и применением новейших достижений науки того периода. Истоки такого подхода автор находит в «давних религиозных традициях христианской ответственности перед бедными, больными и маргиналами» [4, с. 383]. Представители медицины, политические и религиозные деятели сотрудничали друг с другом, соединяя традиции милосердия с медицинскими достижениями, а также выступая за государственные кампании, занимающиеся охраной здоровья.

М. Фью приводит выдержку из документа XVIII в. и на этом примере показывает, что гуманизм сочетался с патерналистской и колониальной риторикой. Так, местные народы в этом документе сравниваются со стадом овец (намек на христианский символ агнца) или с несовершеннолетними, которые нуждались в христианской благотворительности и опеке. Теперь врачи и политики приняли на себя ответственность за то, чтобы люди получили необходимую помощь, в том числе и денежную. Однако, подчеркивает ав-

тор, это было вызвано и экономическими причинами: труд и налоги майя составляли основу стабильности государства метрополии.

В 1780 г. применение прививок от оспы активно обсуждалось колониальными элитами. Единого мнения не удалось выработать. Когда возникла угроза эпидемии, Хосе Флорес взял на себя ответственность проводить централизованную вакцинацию, но с условием, чтобы прививка должна быть добровольной. Наряду с этим принимались и другие меры. Городской совет сотрудничал с богатыми представителями элиты, духовенством, доктором Флоресом и другими медиками. Город был поделен на четыре сектора, в каждом было назначено ответственное лицо. Часть кампании вакцинации финансировалась городской властью, а другую часть составляли пожертвования богатых представителей элиты. Руководители секторов инспектировали дома, координировали проведение вакцинации. Они раздавали еду, одежду, постельные принадлежности больным и их семьям, а также вели тщательную статистику процесса заболевания. Городской совет Новой Гватемалы, собрав эти записи, получил мрачную картину более высокого уровня инфицирования среди многонациональной городской бедноты. «К концу августа 1780 г. чиновники насчитали 8667 человек больных оспой. Из них, по их оценкам, примерно одна треть, около 3 тыс. человек, находились в крайней бедности и нуждались в ежедневной пище, еще 3 тыс. человек имели недостаточный доступ к пище и нуждались в денежной поддержке от государства для покрытия расходов на одеяла, лекарства, одежду и другие предметы» [4, с. 385].

Таким образом, подытоживает автор, признание колониальными властями того факта, что бедность отягощает заболевание и влияет на показатели выживаемости, привело к тому, что во время эпидемии были приняты конкретные меры по смягчению голода. Одновременно проявилась социальная помощь со стороны духовенства и богатого светского общества. Успехи в борьбе против оспы в 1780 г. помогли провести прививочные кампании в сельских районах и провинциальных городах.

Автор также описывает, как майя прибегали к традиционной медицине, используя лекарственные растения и некоторых насекомых в борьбе с заболеваниями. Вдобавок они обращались как к христианским обрядам, так и к своим религиозным практикам,

надеясь на излечение. Причем эти ритуалы проводились открыто, на них зачастую присутствовали врачи и христианское духовенство.

Однако была и другая сторона медали. Разносторонние усилия колониальных властей по предотвращению эпидемий и лечению заболевших влекло за собой вмешательство в местную культуру, медицину, образ жизни и пищевые привычки. Это было еще одним способом колониальной власти вторгнуться в повседневную жизнь бедняков и народов майя, что, по мнению историка, проводилось колониальными властями для собственного блага, но и для общественного благополучия тоже.

Далее автор описывает, какие меры принуждения применялись колониальными войсками и врачами с целью уменьшить риск заражения и снизить темпы роста эпидемии. Например, из семьи забирали заболевших детей, что, естественно, вызывало сопротивление родителей. В краткосрочной перспективе это уменьшало масштабы заражения, но в долгосрочной перспективе скорее вызывало страх и недоверие к таким действиям властей.

В заключение историк отмечает некоторые исторические аналогии между эпидемиями оспы и современным COVID-19. Эпидемии и пандемии помогают нам увидеть человечество в его лучших и худших проявлениях. В лучшем случае государственные, религиозные и гуманитарные организации иногда даже принудительно помогают нуждающимся группам населения. Сообщества коренных народов разрабатывают собственные противоэпидемические меры, если действия правительства штата или федеральной власти не оправдывают их ожиданий.

Вместе с тем проявились и негативные моменты. М. Фью приводит слова Верховного комиссара ООН по правам человека М. Бечелет, которая заметила, что «растущее неравенство в том, как COVID-19 влияет на сообщества... обнажило тревожное различие в наших обществах» [цит. по: 4, с. 392]. Использование расового/этнического профилирования во время эпидемий может привести в перспективе к долгому недоверию или сопротивлению правительству и здравоохранению. К этому следует добавить, продолжает далее М. Фью, что вопрос о том, следует ли носить медицинские маски, из области здравоохранения перешел в политическую, как и ограничение передвижений. Сложности возникли

и при вакцинировании – в ряде стран проходили антивакцинационные протесты.

В. Хубер (Свободный университет Берлина) сравнивает нынешнюю ситуацию пандемии с эпидемиями холеры в XIX в. [7]. Историк обращает внимание на то, как в кризисный период проявилось социальное, политическое, экономическое неравенство; как ожесточились научные споры по поводу эпидемии и принимаемых против нее мер. К тому же это время многих открытий, совершенных в области медицины.

Эпидемия холеры, пишет она, охватившая Азию, Европу, Африку и Америку между 1820-ми и 1890-ми годами совпала с революционным открытием холерного вибриона. В эти же годы были созданы новые виды транспорта – пароходы и паровозы. В этом были как положительные, так и отрицательные моменты. С одной стороны, эти транспортные средства соединяли большие расстояния. С другой – активные передвижения людей способствовали распространению инфекции. Из локального заболевания холера стала глобальной угрозой.

В XIX – начале XX в. произошло шесть эпидемий холеры, охватывающих разные части света. Известно, что распространение холеры связано с грязной питьевой водой и плохими санитарными условиями. Эти вспышки побудили принять меры на международном уровне. Примером тому служат международные медицинские конгрессы. Первый состоялся в 1851 г. в Париже, затем в Константинополе, Вене, Риме, Венеции и Дрездене. Они положили начало международному сотрудничеству в области здравоохранения. На заседаниях обсуждалось, какие можно поставить барьеры на пути распространения инфекции и как обезопасить от нее Европу.

В конференциях принимали участие врачи, дипломаты, ученые. Но споры шли не только о болезни и эффективности мер против нее. По мнению автора, социальное неравенство проявилось и в залах конгрессов. Они стали полем соперничества между империями, прежде всего Российской, Германской, Французской и Британской. Так, к примеру, на конференции 1885 г. Вена, Берлин и Париж с трудом преодолевали разногласия после Франко-прусской войны 1870 г. В то же время немцы и французы объединились, чтобы противостоять Британии и заставить ее считаться с ними. В результате на этой конференции так и не было достигнуто

международного соглашения. Речь шла не о поиске решений, а скорее о демонстрации силы. Еще одним аспектом было то, что в конференциях принимали участие в основном представители европейских стран, хотя их решения затрагивали и другие государства, например Османскую империю. Меры, обсуждаемые на конференции, представляли собой заметное вмешательство в дела империи, пишет В. Хубер, поскольку Средиземное и Красное моря должны были служить буферной зоной между Азией и Европой. Совет по здравоохранению Османской империи был в основном укомплектован иностранцами. Османская империя и Египет должны были оплачивать европейские карантинные участки, созданные на их территориях, что усиливало зависимость этих стран от Европы. Конференции были международными по названию, но они не скрывали имперских намерений их участников, подытоживает В. Хубер.

Далее она описывает меры, которые предпринимались для предотвращения развития эпидемии. Например, мусульманские паломники должны были провести время в карантинной зоне, пройти санитарную обработку вещей и одежды. Причем все это оплачивалось самими паломниками.

В заключение статьи автор предлагает свое видение исторического изучения эпидемий. По ее мнению, необходимо объединить историю империй, социальную историю и историю науки в более широкую и обоснованную историю интернационализма¹ (history of internationalism). Только интегрируя эти исследовательские направления, можно учесть такие разные факторы, как социальное и политическое неравенство, протесты и способы уклонения от предпринимаемых противоэпидемических мер.

Историческое исследование гриппа 1918–1920-х гг., более известного как «испанка», представлено в статье С. Чандры (Университет штата Мичиган), Дж. Кристенсена (Университет штата Мичиган) и Ш. Лихтмана (Университет штата Мичиган) [3]. Авторы отмечают, что пандемия «испанки» была одной из самых тяжелых в XX в. За год от нее погибли около 50 млн человек, а отдель-

¹ Речь идет об изучении международных идей, международных, государственных и межгосударственных учреждений, транснациональных сообществ и т.п. Подробнее см.: Sluga G., Clavin P. *Internationalisms: a twentieth-century history*. – Cambridge, N.Y. : Cambridge University Press, 2017. – 372 p.

ные вспышки продолжались до 1920-х годов. Еще одно отличительное свойство этого вируса в том, что до сих пор живы его штаммы – «потомки» и известны как H1N1.

Авторы отмечают как общие, так и особенные признаки двух пандемий («испанки» и COVID-19). Их роднит то, что эти новые вирусы вызвали пандемию по причине того, что на первых порах отсутствовали вакцины и лекарства. Но есть различия: вирус 1918 г. действовал в основном на молодых людей (от 20 до 40 лет), COVID-19 вызывает большую смертность среди людей старшего возраста.

Есть разные точки зрения о происхождении вируса H1N1. Авторы согласны с тем, что эпидемия началась в Канзасе в марте–апреле 1918 г., а затем распространилась по всему миру. Историки выделяют три волны эпидемии. Первая волна началась в США, затем распространилась на другие страны и континенты. В мае–августе появились первые зараженные в странах Европы. Затем грипп достиг Индии, в июне–июле – стран Карибского бассейна и Южной Америки.

Вторая волна пандемии началась в августе во Франции и Испании и быстро охватила другие европейские страны, вероятно, в ноябре она достигла России. Волны инфекции продолжали расти зимой 1918–1919 гг., а затем весной появились в северных странах, например в Швеции. Одновременно эпидемия распространялась на юг. В Южной Африке и странах Азии волна продолжалась с сентября по декабрь 1918 г. Исключением стала Австралия. Во-первых, она находилась на значительном расстоянии от основных очагов заражения. Во-вторых, оперативно действовали власти, они быстро ввели жесткий карантин, который отодвинул вторую волну на январь 1919 г. Третья волна продолжалась до начала 1919 г. в разных регионах и климатических зонах. Четвертая волна в феврале 1920 г. поразила ряд стран: Канаду, Японию, некоторые штаты в США, а также Бразилию и Чили.

Далее авторы приводят примеры того, каким образом болезнь распространялась так быстро. Для этого они обращают внимание на следующие факторы: миграция военных и гражданских лиц в годы Первой мировой войны, международная торговля и связи между колониями и метрополиями. Пандемия гриппа 1918 г. примечательна скоростью распространения вируса. Вначале она

проходила по военным транспортным сетям, а затем поразила и гражданское население. В этот год США быстро перебрасывали войска в Европу, т.е. первоначальная волна эпидемии разносилась от среднего Запада США к военным тренировочным базам, а оттуда солдаты, направлявшиеся на фронт, привозили инфекцию в Европу, поясняют авторы материала.

В Европе война носила преимущественно окопный характер, такая скученность людей на малой территории создала благоприятные условия распространения болезни. Когда война закончилась, и военные, среди которых были зараженные, стали возвращались домой, инфекция распространялась дальше. Так «испанка» охватила весь земной шар, пишут авторы.

Свой вклад в передачу инфекции внесло общение между метрополиями и колониями. Колониальные державы Европы продолжали поддерживать контакты со своими колониями в разных частях света и таким образом содействовали дальнейшей передаче болезни. Более миллиона британских индийских солдат были переброшены на различные театры военных действий и разносили инфекцию. Также вирус распространялся пассажирами по транспортным сетям: пароходами, паровозами и т.п.

Примерно в то же время он появился в Австралии и Новой Зеландии, что косвенно указывает на возможный завоз инфекции из Великобритании военными или гражданскими судами. Таким образом, подытоживают авторы, Первая мировая война сыграла значительную роль в передаче болезни из метрополий в колонии. Ярким примером служит заражение населения Сьерра-Леоне после прибытия туда британского транспортного корабля. Примерно такая же ситуация сложилась в Южной Африке, на территориях, контролируемых французами, куда вирус был доставлен военным морским транспортом. Местные жители были инфицированы в августе 1918 г., приблизительно в то же время, когда вирус проявился в западной Франции. Колониальная Япония принесла вирус в свои колонии. Вопрос о роли Транссибирской магистрали как возможного переносчика вируса в южную Корею остается открытым, подчеркивают авторы статьи.

Затем авторы переходят к фактору международной торговли, частично пересекающимся с колониальным. Примером тому могут служить Нидерланды и Португалия – страны соблюдавшие

нейтралитет в Первой мировой войне. В колониях этих стран эпидемия началась позже. Авторы полагают, что инфекция была завезена через торговлю с близлежащими территориями.

На распространение «испанки», как и любого гриппа, влияла сезонность. Ее изучение позволяет понять процесс, при котором болезнь переходит в менее опасную стадию. Основными факторами здесь являются температура воздуха и относительная влажность.

Авторы приводят данные, из которых видно, что первая и вторая волны гриппа в Европе и Северной Америке были самыми продолжительными. Причем время этих волн частично совпадало с сезонами гриппа. Вероятно, предполагают авторы, там были более благоприятные условия для распространения инфекций. В Австралии три волны были короче, возможно, из-за особенностей климата на материке. Историки отмечают, что эта тема недостаточно исследована и требует дальнейшего изучения.

Также они уделяют внимание противоэпидемическим мерам, принятым в разных странах во время эпидемии. Так, в Австралии были закрыты места массового посещения, людей заставляли носить маски, были созданы специальные карантинные зоны. Наряду с этим велась пропаганда мытья рук, проветривания помещений и соблюдения правил общей гигиены, что частично ослабило скорость распространения инфекции. А, к примеру, в Британской Индии с ее высокой плотностью населения и с тем, что власти считали подобные меры излишними, была самая высокая смертность как в процентном, так и в абсолютном значении.

Глубокое изучение истории «испанки» 1918–1920-х годов может дополнить те исследования, которые посвящены этой пандемии в отдельных странах или временных периодах. Что же касается COVID-19, то его изучение, несомненно, требует масштабных глобальных исследований.

Список литературы

1. Birn A.-E. *Perspectivizing pandemics: (how) do epidemic histories criss-cross contexts?* // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 336–349.
2. Brook T. *Comparative pandemics: the Tudor-Stuart and Wanli-Chongzhen years of pestilence, 1567–1666* // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 363–379.

3. Chandra S., Christensen J., Likhtman S. Connectivity and seasonality: the 1918 influenza and COVID-19 pandemics in global perspective // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 408–420.
4. Few M. Epidemics, indigenous communities, and public health in the COVID-19 era: views from smallpox inoculation campaigns in colonial Guatemala // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 380–393.
5. Frankema E., Tworek H. Pandemics that changed the world: historical reflections on COVID-19 // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, № 3. – P. 333–335.
6. Harper K. Germs, genomes, and global history in the time of COVID-19 // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 350–362.
7. Huber V. Pandemics and the politics of difference: rewriting the history of internationalism through nineteenth-century cholera // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 394–407.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47+57)«1918/1921»:357

МИНЦ М.М.* Рец. на книгу: ФЕНОМЕН КРАСНОЙ КОННИЦЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. – Москва : АИРО-XXI, 2021. – 327 с.: ил.

DOI: 10.31249/rhist/2022.03.04

Ключевые слова: Гражданская война в России; Красная армия; красная конница.

Keywords: Civil war in Russia; Red army; red cavalry.

Для цитирования: Минц М.М. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 52–57. Рец. на книгу: Феномен красной конницы в Гражданской войне / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. – Москва : АИРО-XXI, 2021. – 327 с.: ил. – DOI: 10.31249/rhist/2022.03.04

Рецензируемый сборник под редакцией А.В. Посадского (Поволжский институт управления – филиал РАНХиГС, Саратов) посвящен кавалерии Рабоче-крестьянской Красной армии в период Гражданской войны в России; при этом авторы публикуемых статей рассматривают красную конницу не просто как род войск, но и как социальный феномен. Гражданская война с ее растянутыми фронтами, низкой плотностью оперативного построения сражающихся армий и активными наступательными операциями на большую глубину привела к подлинному возрождению конницы, во многом утратившей свое значение в Первую мировую войну. Всего

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Сайт: <https://michael-mints.ru>.

было сформировано более 20 кавалерийских дивизий, действовали также конные корпуса и две конные армии, способные решать оперативно-стратегического масштаба. В советской литературе мощь красной конницы традиционно преувеличивалась, а крупные неудачи замалчивались, но даже с поправкой на это обстоятельство приходится признать, что в Гражданскую войну большевистская кавалерия действительно являлась важнейшей ударной силой Красной армии и действовала в целом довольно эффективно; в два последующих десятилетия именно выходцы из кавалерии составляли значительную часть советской военной элиты.

Как отмечает Посадский во введении (с. 7–10), эти достижения тем более удивительны, что красная конница почти не имела кадровых офицеров, ее ядро составили добровольческие формирования с высоким уровнем мотивации, но без серьезного военного образования. Это же приводило и к большим проблемам с дисциплиной. Показательна содержащаяся во введении оговорка: «красная кавалерия или, точнее, конница времен Гражданской войны» (с. 8). Посадский не сопровождает ее никаким специальным обоснованием, но в методологическом отношении этот момент действительно важен, поскольку термин *кавалерия* в отличие от *конницы* ассоциируется прежде всего с регулярными подразделениями, слаженные действия которых основывались на сложном обучении и строгой дисциплине, так что каждый эскадрон действовал как единый организм и не сводился просто к сумме составлявших его бойцов (не являлась кавалерией в строгом смысле слова, к примеру, средневековая рыцарская конница). С этой точки зрения советские конные части и соединения 1918 – начала 1920-х годов, по-видимому, еще только начинали превращаться в настоящую кавалерию.

Сборник состоит из двух десятков материалов (в основном это статьи, но есть и документальные публикации, а также материалы по семейной истории и отрывок из романа), объединенных в четыре части. В первой части рассматриваются предпосылки создания красной конницы и процесс ее зарождения, во второй – собственно участие отдельных частей и соединений в боевых действиях на различных фронтах Гражданской войны. Третья часть посвящена красной коннице как социокультурному феномену, включая политические настроения, мотивацию бойцов и команди-

ров, отношение к дисциплине и др. Четвертая часть содержит некоторые дополнительные материалы, отражающие образ красной конницы в исторической памяти.

Первую часть «От императорской кавалерии к красной коннице» открывает статья М.В. Оськина, посвященная состоянию российского коневодства в годы Первой мировой войны. Общее поголовье лошадей в России к 1914 г. было самым большим в мире (22 млн 800 тыс. голов) и за время войны уменьшилось несущественно, но потери лошадей, пригодных для службы в артиллерии и кавалерии, были довольно тяжелыми, конские заводы по большей части были разгромлены в ходе аграрной революции 1917–1918 гг., а уцелевшие армейские лошади расхищены во время демобилизации зимой 1917–1918 гг. Как следствие, общая численность кавалерийских частей в период Гражданской войны была ниже, чем в дореволюционной армии, несмотря на возросшее боевое значение конницы. В статье А.Ю. Безугольного описываются боевые действия на территории Персии в 1917–1918 гг. казачьего рейдового отряда (в терминологии тех лет – партизанского) под командованием Л.Ф. Бичерахова – впоследствии активного участника Гражданской войны на каспийском побережье. Статья И.С. Ратьковского посвящена судьбе 1-го Донского казачьего полка, сыгравшего заметную роль в Февральской революции, а в конце 1917 г. перешедшего на сторону большевиков. Сформированный на его основе 1-й Донской революционный казачий полк сражался на полях Гражданской войны. Наконец, в статье М.Е. Разинькова рассматривается процесс формирования первых кавалерийских частей РККА в 1917–1918 гг. на территории губерний Центрального Черноземья на базе сосредоточенных здесь запасных кавалерийских полков старой армии и других частей. Как отмечается в статье, в 1918 г. красная конница была еще довольно малочисленной из-за нехватки верховых лошадей (всего 200–300 человек в полку, один кавалерийский полк на стрелковую дивизию). Остро ощущался дефицит обученных командиров, так что боеспособность конницы оставалась низкой. С другой стороны, уже в этот период конные отряды, как и до революции, нередко выполняли полицейские функции – их привлекали и к подавлению восстаний.

В начале второй части «Конница РККА на разных фронтах» помещена статья У.Б. Очирова с подробным анализом нумерации советских кавалерийских дивизий в 1918–1919 гг. Как справедливо отмечает автор, этот, казалось бы, сугубо технический вопрос в применении к изучаемому периоду приобретает особое значение и притом оказывается весьма непростым для изучения, учитывая организационный хаос первых месяцев существования Красной армии. Очиров внимательно прослеживает процесс формирования и наименования дивизий, включая те соединения, которые впоследствии были разгромлены в боях или так и не завершили формирование, что позволяет ему объяснить пробелы и разноречивости в нумерации; неясным остается, по его словам, для каких соединений резервировались номера 14 и 15, которые в рассматриваемый период так и не были присвоены (с. 92–93). Прочие статьи раздела посвящены более локальным сюжетам (А.В. Венков – формирование красных казаков в северных округах Донской области; Г.И. Хипхенов – кавалерийские части Сибирской Красной армии летом 1918 г., прежде всего 1-й Иркутский кавалерийский дивизион; Р.О. Багаутдинов – участие Башкирской кавалерийской бригады в советско-польской войне; А.О. Булгаков – действия балашовского «коммунистического добровольческого отряда» при подавлении Тамбовского восстания). Статьи дополняются двумя публикациями документов.

Третья часть «Кавалерийская легенда: настроения, дисциплина, политический выбор» начинается статьей В.Ж. Цветкова, представляющей краткий обзор морально-психологического состояния кавалерийских частей 12-й и 14-й армий, сражавшихся в 1919 г. против вооруженных сил Юга России, а также против петлюровской Украинской народной республики и польских войск. Автор использует малоизвестный исторический источник – секретные сводки Наркомвоен Украины, хранящиеся в Научной библиотеке ГАРФ. В условиях борьбы с Деникиным численность советской конницы и ее удельный вес в сухопутных войсках на протяжении 1919 г. резко выросли – с 6 до 16% от общей численности РККА. Появились крупные кавалерийские соединения, включая 1-ю конную армию. Сводки, проанализированные Цветковым, показывают, что боеспособность конницы по сравнению с 1918 г. заметно повысилась, однако уровень дисциплины оставался невысо-

ким и сильно зависел от обстановки. А.Н. Грищенко в своей статье подробно анализирует обстоятельства ареста и расстрела в 1920 г. Б.М. Думенко – одного из виднейших красных командиров, создателя 1-го конного корпуса РККА (впоследствии ставшего ядром 1-й конной армии) и Конно-сводного корпуса 10-й армии Южного фронта, обвиненного в причастности к убийству комиссара Конно-сводного корпуса В.Н. Микеладзе. По результатам исследования автор соглашается с тем, что следствие и суд по делу Думенко были довольно поверхностными и предвзятыми, вина подсудимых доказана не была, а имя истинного убийцы Микеладзе так и осталось неизвестным. В то же время он предостерегает читателей от апологетического отношения к Думенко, характерного для многих отечественных авторов после его реабилитации в 1964 г. Атмосфера в корпусе Думенко действительно отличалась «партизанщиной», уровень дисциплины был низким, а нравы – полукриминальными (что, впрочем, не мешало его войскам в целом довольно успешно действовать против белых). Биография комкора, по словам автора, нуждается в дальнейшем изучении. В статье Н.И. Стужинской (Беларусь) описываются действия 11-й кавалерийской дивизии против повстанцев в 1921 г. в Гомельской губернии: по данным источников, дивизия действовала вполне эффективно, однако поведение ее личного состава мало отличалось от поведения тех «бандитов», с которыми она боролась. В.Г. Яценко анализирует два вновь рассекреченных Государственным архивом Волгоградской области уголовных дела против участников восстания под руководством И.П. Колесова (март 1921 г.), бывшего комбрига 1-й конной армии. Представленные в статье документы позволяют исследовать историю антибольшевистского повстанчества на локальном уровне. Как и в предыдущем разделе, статьи дополняются двумя подборками документальных материалов.

Четвертая часть «Образ и память» содержит только одну статью Е.В. Волкова, посвященную эволюции образа 1-й конной армии в советском кинематографе. Далее следуют два материала В.Н. Грекова (Франция) и Г.С. Колесова, по жанру относящиеся скорее к семейной истории, и отрывок из романа А. Васильева «Петр Врангель».

Сборник в целом производит благоприятное впечатление, хотя от книги со столь многообещающим заглавием я, пожалуй,

ожидал бы большего. Возможно, дело в том, что авторы, предложив читателю чрезвычайно интересную подборку материалов на различные локальные сюжеты, не сумели «уравновесить» их сопоставимым по информативности набором текстов с более широким тематическим охватом. Между тем такой сложный и многогранный феномен, как красная конница времен Гражданской войны, очевидно, нуждается в исследованиях обоих типов – и в узкоспециальных работах, и в развернутом анализе общих тенденций. Статьи второго типа в рецензируемом сборнике присутствуют, но их не так много, в результате вместо связного, пусть даже и пунктирного, образа зарождающейся советской кавалерии получается скорее случайный набор отдельных фрагментов. Сказывается и то, что размер представленных статей очень сильно разнится – от коротких докладов до достаточно подробных, детализированных работ.

Справедливости ради, однако, стоит заметить, что в намерения авторов сборника и не входило написание исчерпывающей коллективной монографии по истории красной конницы: они стремились скорее очертить основные контуры этой темы, показав на ряде примеров различные ее аспекты и особенности изучения. С этой точки зрения книга получилась, в общем, вполне удачной. Содержащиеся в ней материалы представляют несомненный интерес; хочется надеяться, что изучение данной проблематики будет продолжаться и дальше.

УДК: 327.8; 94(430).086; 94(438).081; 94(47).084.6

БАБЕНКО О.В.* Рец. на книгу: RAK K. PIŁSUDSKI: MIĘDZY STALINEM A HITLEREM. – Warszawa : Bellona, 2021. – 1040 s.
DOI: 10.31249/rhist/2022.03.05

Ключевые слова: польско-советско-германские отношения, 1924–1934 гг.; Ю. Пилсудский; И.В. Сталин; А. Гитлер.

Keywords: Polish-soviet-german relations, 1924–1934; Y. Pilsudsky; I.V. Stalin; A. Hitler.

Для цитирования: Бабенко О.В. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 58–79. Рец. на книгу: Rak K. Piłsudski: Między Stalinem a Hitlerem. – Warszawa : Bellona, 2021. – 1040 s. – DOI: 10.31249/rhist/2022.03.05

Рецензируемая монография принадлежит перу известного польского историка и публициста, д-ра ист. наук (PhD) Кшиштофа Гжегожа Рака (Фонд германо-польского сотрудничества). Автор делает попытку проанализировать польско-советско-германские отношения 1924–1934 гг. Во введении он справедливо отмечает, что в 1924 г. началось сближение Германии с западными державами, которое повлекло за собой активизацию отношений в треугольнике «Варшава–Берлин–Москва» и побудило Кремль предложить Германии военно-политический договор. Кульминацией этого процесса, по мнению К. Рака, было заключение польско-немецкого соглашения 1934 г. и прекращение советско-германского сотрудничества «в духе Рапалло» после прихода к власти в Германии нацистов (с. 13). Однако произошедшие события нельзя трактовать

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: o.v.babenko@mail.ru

как разрыв или временное прекращение отношений. Правильнее вести речь о трансформациях контактов и продолжении связей «в ином духе». Но главной целью данной работы является выяснение обстоятельств, которые привели к тому, что в июле 1933 г. Ю. Пилсудский предложил И.В. Сталину антигитлеровский союз. В отечественной историографии этот вопрос не изучался.

Рассматриваемая в данной книге проблематика получила достаточно широкое освещение в польской, немецкой и российской (советской) литературе. Повышенный исследовательский интерес к ней «объясняется прежде всего тем трагическим финалом, к которому пришли Европа и мир в 1939 г., и желанием историков определить его виновников»¹. Польские исследователи, как правило, рассматривают отношения Варшавы с Берлином и Москвой с позиции возрожденного в 1918 г. Польского государства, которое постоянно опасалось агрессии со стороны более сильных соседей и в соответствии с этим выстраивало свою внешнюю политику. Следует отметить, что К. Рак является одним из первых специалистов в области истории польско-советско-германских отношений межвоенного периода. Другие ученые занимаются польско-советскими либо польско-германскими отношениями, слабо освещая влияние на них третьей стороны – Германии или СССР. Исключение составляет академик ПАН Я. Фарысь, обратившийся в последние годы к отношениям в треугольнике «Варшава–Москва–Берлин»². Его взгляды на указанную проблематику близки к мнению автора рецензируемой монографии.

Во введении К. Рак значительное место отводит анализу источников и историографии, в том числе архивных и опубликованных источников на русском языке и работ российских историков. Он использовал, в частности, документы РГАСПИ (Ф. 17 «Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991)»; Ф. 495 «Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) (1919–1943). Ч. 1»; Ф. 558 «Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953)»)

¹ Бабенко О.В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству / МГУ им. М.В. Ломоносова, РАН, ИНИОН. – Москва, 2007. – С. 7.

² См.: Faryś J. Między Moskwą a Berlinem. Wizja polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. – Szczecin-Warszawa : Instytut pamięci narodowej. Komisja ścigania zbrodni przeciwko narodowi polskiemu, 2019. – 390 s.

и Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина (АВП РФ.Ф. 059; Архив СВР России; РГВА.Ф. 33987, 33988, 37977). К достоинствам книги следует отнести привлечение большого массива неопубликованных документов из польских архивов и Политического архива Министерства иностранных дел в Берлине (немецкое сокращенное название – РААА). Англоязычные и немецкие источники и литература в рецензируемом исследовании также представлены. В целом К. Рак создал чрезвычайно информативный труд, основанный на обширной источниковой базе.

Тем не менее, анализируя мемуарную литературу и публицистику, автор незаслуженно игнорирует дневник лорда Э.В. Д'Абернона¹, воспоминания польского политика В. Грабского², а также статьи и речи Г.В. Чичерина³. Между тем виконт Д'Абернон в 1920–1926 гг. был послом Великобритании в Германии и оставил заслуживающие внимания заметки о международной обстановке того времени, особенно об отношении главы германского внешнеполитического ведомства Г. Штретземана к плану Дауэса и итогах Локарнской конференции. Определенный интерес представляют также сведения о встречах Г.В. Чичерина с французскими и итальянскими представителями в Берлине 18 октября 1925 г.⁴ Премьер-министр Польши В. Грабский посвятил свои воспоминания небольшому отрезку времени – 1924–1925 гг. Он осознавал стремление Германии вернуть свои доверсальские границы и отсутствие гарантий безопасности для Польши, «постоянно думал о германской опасности»⁵. Нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин был автором ряда статей и речей по вопросам международной политики. В статьях имеются, в частности, сведения о беседе О. Чемберлена с польским посланником в Лондоне К. Скирмунтом 7 июля 1925 г., в ходе которой английский премьер-министр высказался за удовлетворение территориальных претензий Германии

¹ См.: D'Abernon E.V. An ambassador of peace. Lord d'Abernon's diary. – London : Hodder and Stoughton, 1929–1930. – Vol. 1–3.

² См.: Grabski W. Dwa lata pracy u podstaw państwowości naszej (1924–1925). – Warszawa : Nakładem księgarni F. Hoesicka, 1927. – 393 s.

³ См.: Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики / [сост. и авт. вступ. статьи Л.И. Трофимова]. – Москва : Соцэкгиз, 1961. – 516 с.

⁴ См.: D'Abernon E.V. An ambassador of peace... – Vol. III. – P. 200.

⁵ Grabski W. Op. cit. – S. 92.

к Польше с одновременной компенсацией последней «в каком-нибудь другом месте»¹.

В целом Рак учитывает практически все основные научные труды по рассматриваемой проблематике на нескольких языках. Вызывает недоумение лишь отсутствие упоминаний о монографиях первопроходца в области изучения внешней политики Польши 1920-х годов Я. Гжималы-Грабовецкого². Именно этот исследователь впервые проанализировал эволюцию и осуществление на практике польской идеи заключения пакта о ненападении с СССР в 1922–1926 гг.³ А в списке русскоязычных книг недостает монографии российско-немецкого историка Л.Я. Томас, посвященной Г.В. Чичерину⁴. Между тем эта работа важна для понимания дуализма советской внешней политики и позиции наркома в отношении политики Коминтерна в Германии, затруднявшей проведение Наркоминделом рапальской линии в германских делах.

К недостаткам книги можно отнести поверхностное освещение предыстории вопроса, если не считать упоминаний о создании Лиги Наций, стараниях французов обеспечить гарантии своих границ с помощью Великобритании и США и отказе американского сената ратифицировать Версальский договор (с. 25). Автор приводит также статьи Рапальского договора, заключенного между Германией и СССР 16 апреля 1922 г. (с. 26). Однако создать целостную картину международной обстановки 1918–1924 гг. Раку не удалось. Монография, безусловно, адресована специалистам, но, с нашей точки зрения, было бы целесообразным дать краткий экскурс основных проблем и вызовов европейской политики начала 1920-х годов. Особое внимание следовало бы уделить характеристике Версальской системы, отделившей побежденную Герма-

¹ См.: Чичерин Г.В. Статьи и речи... – С. 463.

² См.: Grzymała-Grabowiecki J. Polityka zagraniczna Polski w roku 1924. – Warszawa : F. Hoesick, 1925. – 73 s.; Grzymała-Grabowiecki J. Polityka zagraniczna Polski w roku 1925. – Warszawa : F. Hoesick, 1926. – 292 s.; Grzymała-Grabowiecki J. Polityka zagraniczna Polski w roku 1926. – Warszawa : Nakładem księgarńi F. Hoesicka, 1928. – 204 s.

³ См.: Grzymała-Grabowiecki J. Polityka zagraniczna Polski w roku 1926... – S. 145–147.

⁴ См.: Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. – Москва : Собрание, 2010. – 280 с.

нию от держав – победительниц в Первой мировой войне. Новый мировой порядок оказывал влияние на внешнеполитические концепции Англии, Франции, Германии, Польши и СССР, которые тоже должны присутствовать в книге. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что именно Берлин наиболее активно стремился к пересмотру Версальского договора, а «по мере восстановления экономического и военного потенциала в Германии с большой силой проявлялись реваншистские настроения»¹. Это позволило бы автору осуществить логичный переход к последующим событиям. Слова о ревизионистских стремлениях Германии можно найти по мере проведения историком анализа польско-германских отношений, но он непоследователен в изложении целей немецких политиков. Что же касается информации о системе военно-политических союзов Франции со странами Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе с Польшей (договор от 19 февраля 1921 г.), то она рассредоточена по всей книге и не дает четкого представления об эволюции польско-французского соглашения. Тем не менее в книге присутствует не вызывающее сомнений утверждение, что Франция была «главным союзником» Польши (с. 179).

Следует сказать, что перипетии европейской политики 1924 г. освещаются автором таким образом, что не создается выстроенной в хронологическом порядке картины событий. Во введении он выделяет лишь два факта из истории советско-германских отношений, не связывая их с международной обстановкой. Во-первых, он пишет об обращении в декабре 1924 г. члена Коллегии НКВД СССР В.Л. Коппа к немецкому послу в Москве У. фон Брокдорф-Ранцау с предложением решить польский вопрос, «которое было воспринято в Берлине как инициатива по разделу Польши» (с. 10). Во-вторых, Рак упоминает о том, что в период ожидания ответа немецкой стороны председатель Совнаркома СССР А.И. Рыков предложил Германии заключить военный союз, направленный против западных держав (там же).

Тем не менее уже в первой из четырех частей книги дается более подробная информация о советско-германских переговорах. Здесь можно найти уточнение, согласно которому Рыков предложил Германии «союзный договор», а Брокдорф-Ранцау решил, что

¹ Бабенко О.В. Указ. соч. – С. 18.

имеется в виду «военный союз» (с. 57). Большой интерес вызывают приведенные автором сведения об отношениях Москвы и Берлина в 1924–1926 гг. Отправной точкой исследования данного аспекта темы он обозначает осень 1924 г. – время, когда в Кремль начала поступать информация об изменении отношения Германии к СССР вследствие усиления проанглийской ориентации правящих кругов Германии. Справедливым представляется анализ вопросов, связанных с предложением Великобритании включить Германию в Лигу Наций. Рак рассматривает, в частности, меморандум заместителя наркома по иностранным делам СССР М.М. Литвинова от 23 сентября 1924 г. по вышеуказанной проблеме, предназначенный для посольства Германии в Москве. В нем говорилось, что вступление Германии в Лигу Наций ослабит международные позиции Берлина, который станет сателлитом западных держав, лишенным возможности проводить самостоятельную политику. Вследствие этого немцы будут вынуждены участвовать в действиях, противоречащих Рапалльскому договору, что приведет к конфликту с СССР (с. 31). Автор анализирует также мнение советской стороны относительно того, какие политические и общественные силы Германии поддерживали или не поддерживали вступление своей страны в Лигу Наций. Он пишет, что за это высказывались социал-демократы и пацифисты, против – коммунисты и правые, а Немецкая народная партия не определилась со своей позицией (с. 34).

Рак отразил в своей книге и позицию Берлина в отношении сочетания Рапалльского договора и германо-советского сотрудничества с возможным членством рейха в Лиге Наций. Со времени заключения соглашения в Рапалло СССР и Германия постоянно проводили консультации по вопросу об отношении к Лиге и придерживались точки зрения о необходимости выработки единого мнения о ней, которое выразили, в частности, Г.В. Чичерин и бывший рейхсканцлер Й. Вирт. В правящих кругах Германии «даже создалось убеждение о существовании официального устного соглашения по этому вопросу между двумя государствами» (там же). В действительности же, как небезосновательно утверждает автор, такого соглашения не было, а стороны всего лишь взяли на себя «моральное» обязательство информировать друг друга о своей политике в отношении Лиги Наций (там же).

На основании ряда документов Рак приходит к выводу о том, что уже в середине ноября 1924 г. Кремль был убежден в скором принятии Германией в Лигу Наций и переориентации ее внешней политики на прозападную (с. 36). В целях воспрепятствования вхождению Германии в Лигу советская сторона предприняла дипломатические шаги, которые описываются автором достаточно подробно (с. 36–45). Так, например, Москва предложила Берлину своеобразную основу советско-германского сотрудничества – решение польского вопроса, которое сводилось к возвращению Польши в ее этнографические границы (с. 40).

Кроме того, Рак пишет о плане Дауэса и советско-британских отношениях. Некоторое внимание уделяется советско-немецким торговым контактам 1923 г., которые, однако, не оказывали особого влияния на экономическое развитие обеих стран вследствие минимального товарообмена. Нельзя не согласиться с автором в том, что до 1924 г. у Германии «не было особого выбора; она должна была проводить свою политику на основе стратегического партнерства с Советским Союзом...» (с. 46). А с 1924 г. Берлин начинает активно участвовать в международной политике, что связывают с именем немецкого министра иностранных дел Г. Штреземана. Он выбрал путь налаживания отношений с США, Великобританией и Францией с целью получения материальной помощи для восстановления экономики и поддержки ревизионистских притязаний Германии к Польше. Однако нам представляется не совсем справедливым утверждение Рака о том, что сближение Германии с Западом означало бы для Москвы полную международную изоляцию и угрозу откладывания мировой революции на неопределенный срок в связи с появлением оси «Париж-Берлин», поддерживаемой Лондоном (там же). Как известно, в указанное время СССР развивал торговые отношения с Великобританией и рядом других стран, установил дипломатические отношения с Австрией, Норвегией, Швецией, Данией и Грецией, а в 1925 г. заключил Договор о дружбе и нейтралитете с Турцией.

Обстоятельный анализ польско-советско-германских отношений и проблем европейской политики начинается в рецензируемой книге с Локарнской конференции, проходившей 5–16 октября 1925 г. с участием Англии, Франции, Бельгии, Германии, Италии, Польши и Чехословакии. События кануна конференции рас-

сма­три­ва­ют­ся до­ста­точ­но по­дроб­но, осо­бен­но со­вет­ско-гер­ман­ские пе­ре­го­во­ры то­го пе­ри­о­да. Ав­тор спра­вед­ли­во от­ме­ча­ет, что Мос­кве уда­лось по­лу­чить со­гла­сие пра­ви­тель­ства Гер­ма­нии на за­клю­че­ние тор­го­во­го до­го­во­ра «еще пе­ред вы­ез­дом не­мец­кой де­ле­га­ции в Ло­кар­но» (с. 84). Впос­ле­д­ствии э­тот вы­год­ный для обе­их сто­рон до­го­вор был под­пи­сан в оди­н день с со­вет­ско-не­мец­ким со­гла­ше­ни­ем о пра­во­вой по­мо­щи в гра­ждан­ских де­лах – 12 ок­тяб­ря 1925 г.

Сле­ду­ет от­ме­тить, что Ра­к объ­ек­тив­но ос­ве­ща­ет ито­ги Ло­кар­нской кон­фе­рен­ции и ее зна­че­ние для Поль­ши, но не пи­шет о том, для че­го она бы­ла соз­ва­на. Ме­жду тем, со­глас­но офи­ци­аль­ным до­ку­мен­там, цель Ло­кар­но за­клю­ча­лась в пре­дот­вра­ще­нии оче­ред­ной вой­ны и в при­ня­тии мер для мир­но­го уре­гу­ли­ро­ва­ния кон­ф­лик­тов¹. В ре­аль­но­сти же за­пад­ные дер­жавы пы­та­лись ис­поль­зо­вать кон­фе­рен­цию в це­лях от­ры­ва Гер­ма­нии от Со­вет­ско­го Со­ю­за, а глав­ный ее ини­ци­а­тор – Ве­ли­ко­бри­та­ния, же­лая по­кон­чить с фран­цуз­ской ге­ге­мо­ни­ей в Ев­ро­пе, стре­ми­лась ус­и­лить рейх и осла­бить си­сте­му фран­цуз­ских со­ю­зов со стра­на­ми Цен­траль­ной Ев­ро­пы. Ра­ку уда­ет­ся до­ка­за­тель­но про­де­мон­стри­ро­вать, что в Ло­кар­но бы­ла раз­ра­бо­та­на це­лая си­сте­ма ор­га­ни­за­ции ме­жду­на­род­ной жи­зни с те­о­ре­ти­че­ским обос­но­ва­ни­ем на стра­ни­цах вос­ьми до­ку­мен­тов. Он осо­бо под­чер­ки­ва­ет не­га­тив­ное зна­че­ние для Поль­ши Рейн­ско­го га­ран­тий­но­го пак­та, за­клю­чен­но­го ме­жду Фран­ци­ей, Ве­ли­ко­бри­та­ни­ей и Гер­ма­ни­ей, ко­то­рый ус­та­нав­ли­вал не­при­кос­но­вен­ность толь­ко за­пад­ных гра­ниц Гер­ма­нии (с. 85). Та­ким об­ра­зом, Бер­лин со­хра­нил ос­но­ва­ния для вы­двиг­не­ния тер­ри­то­ри­аль­ных пре­тен­зий к Поль­ше². Ав­тор от­ме­ча­ет, что не­мец­кая ди­пло­ма­тия со­ч­ла Ло­кар­н­скую кон­фе­рен­цию ус­пеш­ной для укре­п­ле­ния гер­ма­но-со­вет­ских от­но­ше­ний (с. 86). Фран­ция же

¹ См.: Локарнская конференция 1925 г. Документы / ред. коллегия: А.Ф. Добров [и др.]; Мин-во иностр. дел СССР. – Москва : Госполитиздат, 1959. – С. 482.

² Гер­ма­ния пре­тен­до­ва­ла на ряд зе­мель в за­пад­ной и се­вер­ной ча­стях Поль­ши. По со­сто­я­нию на 1925 г. в гра­ни­цах Поль­ско­го го­су­дар­ства на­хо­ди­лись Ве­ли­кая Поль­ша, часть Вос­точ­но­го По­морья, Ве­рх­ней Си­ле­зии и Те­шин­ской Си­ле­зии, За­пад­ная Бе­ло­рус­сия, За­пад­ная Ук­ра­ина, часть Лит­вы с г. Виль­ню­сом. Кро­ме то­го, Поль­ша об­ла­да­ла так на­зы­ва­е­мым Поль­ским ко­ри­до­ром – по­ло­сой зе­мли на Бал­ти­ке, от­де­ля­ю­щей не­мец­кий экс­к­ла­в Вос­точ­ная Пру­ссия от тер­ри­то­рии Гер­ма­нии.

лишилась возможности оказывать военную помощь Польше без санкции Совета Лиги Наций. Более того, Локарнские соглашения предусматривали принятие Германии в Лигу Наций. Польша же осталась между двумя сильными соседями – Германией и СССР, продолжавшими укреплять свое сотрудничество. Польские претензии на постоянное место в Совете Лиги Наций не были удовлетворены. В Локарно были укреплены основные принципы Версальской системы, отвечавшие интересам западных держав. С польской стороны Локарнские соглашения подписал министр иностранных дел А. Скиншинский, которого не считали равноправным участником конференции. Рака видит связь между этим фактом и провалом польского дипломатического зондажа, направленного против заключенного в 1926 г. Берлинского трактата (там же).

Трудно не согласиться с автором в том, что «с юридически-политической точки зрения Локарнские соглашения ослабили Польшу» (с. 176–177). Они были приняты поляками с недоверием и подозрительностью. А военный министр и премьер-министр Польши В. Сикорский заранее предвидел, что подписанный в Локарно гарантийный пакт «негативно повлияет на союз Варшавы с Парижем» (с. 158). Не менее справедливым является и утверждение Рака о том, что «Локарно означало *де-факто* (курсив автора. – О.В.) отказ Франции от выполнения функции континентального гегемона...» (с. 177).

С признанием автором значения Локарнской конференции для международной жизни связана и необходимость обратиться к поездкам Г.В. Чичерина в Центральную Европу в сентябре–декабре 1925 г. Целью первой из них нарком называл лечение, у Рака она именуется «отпуском» (с. 81). На деле эти поездки в той или иной степени были связаны с меняющимся политическим положением Германии. Осенью 1925 г. советский нарком посетил Варшаву, Берлин и Вену. Переговоры СССР с Польшей играли роль противовеса переговорам западных держав с Германией о заключении гарантийного пакта. Беседы Чичерина с представителями польских политических кругов касались советско-польских отношений и международной обстановки. В Берлине нарком дважды встречался с Г. Штреземаном. Дипломаты обсуждали политику в отношении балтийских государств и согласовывали позиции в отношении Лиги Наций. Автор подчеркивает, что они не затрону-

ли вопрос о какой-либо форме «возможного двустороннего соглашения» (с. 84). Но он не учитывает другой хорошо известный факт: в то время Штреземан поручил своим дипломатам затягивать советско-германские торговые переговоры, информировать об их ходе Великобританию и намекнуть на возможность их прекращения взамен на освобождение Рейнской области и возвращение Германии ряда земель. Немецкий министр утверждал, что в период большевистского правления в России он «не в состоянии много обещать себе от такого сотрудничества»¹. Если же мы вернемся к тому, что написано у Рака в разных главах книги, то получается, что немецкая сторона переговоры не затягивала, а, наоборот, была в них заинтересована.

Автор выделяет еще одну встречу Г.В. Чичерина и Г. Штреземана, прошедшую в Берлине в декабре 1925 г. Штреземан проинформировал тогда советского наркома об итогах конференции в Локарно и реализации данных советской стороне обещаний. Речь шла и о продолжении переговоров на тему заключения двустороннего политического соглашения (с. 86). Совершенно справедливым представляется утверждение Рака о том, что СССР проводил в то время двойственную политику, направленную на заключение политических соглашений как с Берлином, так и с Варшавой, но «на первом месте были переговоры с Германией» (с. 124).

В связи с фактом принятия Германией в сентябре 1926 г. в Лигу Наций автор постоянно отмечает, что немецкие успехи становились все более опасными для Польши. Более того, осенью 1925 г. Польшу охватил финансовый и политический кризис, который, казалось, способствовал осуществлению планов Германии. Варшаве же было необходимо найти надежных союзников, в числе которых могла оказаться и Москва. В связи с этим Рак достаточно подробно анализирует историю советско-польских переговоров о заключении пакта о ненападении и приходит к неоднозначному выводу о том, что в целом инициатива начала переговоров принадлежала Москве, а «предложение о заключении двустороннего политического договора – польской стороне» (с. 94). При этом автор ссылается на наше утверждение о том, что за этим стояли тор-

¹ Зарницкий С.В., Сергеев А.Н. Чичерин. – 2-е изд. – Москва : Молодая гвардия, 1975. – С. 245.

гово-промышленные круги Польши¹. Он противоречит сам себе, отмечая, что с инициативой первых переговоров о сближении политических позиций выступила советская сторона (с. 90). Соответствующая глава книги носит следующее название: «Чичерин предлагает Скшиньскому пакт» (с. 87). Кроме того, Рак демонстрирует пренебрежительное отношение к подаче заимствованных фактов. Так, например, письмо В.Л. Коппа к П.Л. Войкову, цитируемое автором по нашей книге, было написано не 19 января 1925 г., как сказано в рецензируемой монографии (с. 94), а 16 января².

В действительности Кремль проявил инициативу в деле заключения политического договора с Польшей первым, и это можно проследить по книге Рака. А в январе 1926 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР предложил польской стороне возобновить переговоры о двустороннем политическом соглашении. Автор обращает внимание на дистанцирование А. Скшиньского от проведения переговоров о заключении политического соглашения и пишет, что Варшава решила обсудить на переговорах с Москвой будущий торговый договор (с. 126). Он считает, что Кремль бросил все силы на заключение Берлинского трактата с Германией, который был подписан 24 апреля 1926 г., а возврат к переговорам с Польшей произошел позднее. Однако на деле переговоры Москвы с Польшей и Германией проходили параллельно³.

Обсуждение Берлинского трактата, как постоянно подчеркивает К. Рак, было связано с позициями сторон по польскому вопросу. Еще в марте 1926 г. Г.В. Чичерин заверил У. фон Брокдорф-Ранцау в том, что СССР не собирается гарантировать западные границы Польши, но «будет вынужден урегулировать свои отношения с Варшавой...» (с. 183). Немецкая сторона не пыталась этому противодействовать, поскольку считала, что советско-польское соглашение не отразится на значении германо-советского договора (с. 184). Последнее было немаловажным: Берлинский трактат упрочил советско-германские дружественные отношения. Германия отказывалась от участия в возможных коллективных санкциях

¹ Бабенко О.В. Указ. соч. – С. 74.

² Там же. – С. 73.

³ См.: Бабенко О.В. Польша в системе международных отношений (1919–1939 гг.) : аналитический обзор / РАН, ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., отд. Истории ; отв. ред. Т.М. Фадеева. – Москва, 2011. – С. 42.

Лиги Наций против СССР. Предусматривалось неучастие сторон в экономических коалициях и военных действиях друг против друга. Рак приводит интересный факт: французы распространяли ложную информацию о советско-немецком договоре, уверяя поляков в том, что в нем содержалось положение о взаимопомощи в случае агрессии третьей стороны (с. 196). Реакция Варшавы на заключение Берлинского трактата была крайне негативной из опасений совместных территориальных претензий Берлина и Москвы. Заслуживает внимания и информация о том, что польские дипломаты допускали наличие тайного соглашения между Германией и СССР (с. 212). Тем не менее автор не нашел доказательств того, что в 1926 г. СССР «планировал напасть на Польшу» (с. 190). На наш взгляд, в этих поисках не было смысла – историкам хорошо известно, что у Кремля не было планов похода на Запад, в военном отношении он не был к этому готов.

В рецензируемой монографии в качестве одного из ключевых событий не без оснований выделяется произошедший в Польше в мае 1926 г. государственный переворот, в результате которого к власти пришел маршал Ю. Пилсудский. Рак приводит интересную информацию о том, что пилсудчики добились фактической поддержки Москвой майского переворота 1926 г. (с. 372). В то же время ее можно поставить под сомнение, поскольку автор в данном случае не ссылается на документы, а в отечественной историографии подтверждений этому нет.

После майского переворота Пилсудский стал диктатором Польского государства, оказывавшим решающее влияние на его внутреннюю и внешнюю политику. Не вызывает сомнений необходимость осуществленного автором анализа основных постулатов внешней политики маршала. Он, безусловно, прав в том, что Пилсудский «делал выводы из поражений Скшиньского, вытекающих из однозначной опоры польской внешней политики на западные державы» (с. 219). Польский диктатор прекрасно знал, что у Запада другие стратегические интересы, иное понимание внешних угроз. Он в полной мере осознавал сложности международного положения Польши. Будучи непримиримым противником А. Скшиньского, он сделал министром иностранных дел своего сторонника А. Залесского. Проанализировав текущее положение Польши, Пилсудский сформулировал две основные цели своей

внешней политики. Первая состояла в поддержании строгого нейтралитета между Германией и СССР. Другая заключалась в сохранении союзов с Францией и Румынией¹ (с. 225).

Автор справедливо указывает на то, что Пилсудский стремился стабилизировать отношения в первую очередь с Германией (с. 232). В то время оба государства находились в состоянии экономической войны, а поляки к тому же изымали у немецких граждан имевшуюся в Польше собственность². Немцы же знали о кризисной ситуации в Польском государстве и, по меткому замечанию автора, стремились использовать ее в целях «ревизии своей восточной границы» (там же). О слабости Варшавы писал, в частности, немецкий посол в Польше У. Раушер, которого цитирует Рак (с. 233).

Достойна внимания информация автора о том, что И.В. Сталин признал майские события 1926 г. в Польше чрезвычайно важными и посвятил им много времени в своем выступлении 8 июня 1926 г. в Тбилиси (с. 405). При этом он пишет, что советский лидер в дипломатических играх проигрывал Пилсудскому, а последний успешно использовал советскую карту во внутренних играх и внешней политике. Рак считает, что польско-советский пакт о ненападении был бы более выгодным для Москвы, чем для Варшавы, потому что «исключал на практике возможность интервенции против СССР с западного направления...» (с. 408). Но он не отдает себе отчета в том, что в указанное время Советский Союз находился в гораздо более выгодном положении, чем Польша, а польско-французский военный договор потерял свою значимость еще в Локарно. Франция теряла свои некогда весомые позиции в Европе, а над Польшей нависла немецкая угроза.

Следует отметить, что автор самым подробнейшим образом анализирует польско-советско-германские отношения, начиная с мая 1926 г. Так, совершенно очевидным является то, что возвращение к власти врага Советского государства Ю. Пилсудского вы-

¹ Польско-румынский союз, заключенный 3 марта 1921 г., предусматривал взаимную военную поддержку в случае войны между одним из его участников и Советским государством и заключение польско-румынской военной конвенции.

² Изъятие собственности у немцев осуществлялось в рамках политики колонизации и разнемецивания, проходившей под лозунгом «Польша для поляков!».

звало опасения Москвы в отношении намерений Польши. Более того, как отмечает Рак, СССР старался передать Германии свой скептицизм в отношении Пилсудского и разубедить ее в германофильском настрое маршала (с. 236). Что же касается Берлина, то он не оставил намерения пересмотреть свою границу с Польшей. Г. Штреземан предлагал Варшаве отказаться от «польского коридора», Гданьска, Верхней Силезии и части Центральной Силезии взамен на «экономический доступ к морю» (с. 234–235). В июле 1926 г. Пилсудский передал Штреземану личное послание, в котором выражал готовность вести переговоры о территориальных уступках (с. 242). Однако в связи с отсутствием источников по данной проблеме автор не может ответить на вопрос о том, действительно ли польский диктатор собирался отдать часть своих территорий Германии или этот ход был частью его политической игры.

К несомненным достоинствам рецензируемой монографии можно отнести анализ советской политики в отношении Польши в 1920–1930-х годах. Заслуживает внимания обращение автора к малоизученному аспекту рассматриваемой темы – роли в польской политике Кремля спецслужб и дезинформации. Он пишет о коснувшейся поляков операции «Трест» (с. 372). Успех данной операции позволил ОГПУ получить необходимую информацию о деятельности Второго отдела Генштаба Войска Польского – польской военной разведки и контрразведки. Закончилась она весной 1927 г., вероятнее всего, в результате ее рассекречивания самим Кремлем, «мотивы которого, – утверждает автор, – не до конца выяснены» (с. 382).

Большое внимание в книге уделяется основам внешней политики И.В. Сталина, его труды много цитируются. Автор совершенно справедливо указывает на ленинские истоки сталинской стратегии (с. 418). Не менее правильно он называет одну из главных внешнеполитических целей Советского государства – победу мировой революции. Однако Рак не пишет о цели большевиков защищать интересы Советской России. Его интересует оценка Кремлем текущей международной ситуации. Он отмечает, что Сталин видел угрозу интервенции в каждом конфликте с участием Советского Союза. В качестве примера Рак приводит разрыв Лондоном дипломатических отношений с Москвой в 1927 г. Сталин

счел его «первым шагом к интервенции, несмотря на то что реальных поводов к этому не было» (с. 432).

Немаловажное место Рак уделяет сталинскому террору. Совершенно очевидно, что особый интерес вызывает у него устранение поляков, проживавших в СССР. В начале 1930 г. И.В. Сталин принял решение выселить либо уничтожить физически всех поляков, населявших приграничные территории БССР и УССР. Весной 1930 г. деполонизация коснулась 20 тыс. поляков и продолжалась до 1937–1938 гг., когда «достигла своего апогея» (с. 437). Автор подчеркивает этнический характер этой акции.

Большой интерес представляет параграф книги, посвященный попыткам И.В. Сталина достигнуть согласия с Ю. Пилсудским. Усилия в этой области предпринимались с конца 1929 г., когда полпредом СССР в Варшаве стал известный революционер и дипломат В.А. Антонов-Овсеенко. Последний всячески демонстрировал «мягкость» в отношении Варшавы. Автор объясняет это тем, что советское руководство боялось волнений украинского крестьянства в связи с форсированной коллективизацией, которые могли стать причиной вооруженной интервенции Польши (с. 447). Он считает, что Сталин намеренно нагнетал обстановку, говоря о возможном вторжении поляков, чтобы позднее предложить Пилсудскому снять напряжение в двусторонних отношениях. Таким путем советский лидер хотел заставить польского диктатора заключить с ним пакт о ненападении (с. 448–450).

В связи с этим автор весьма уместно приводит большой блок информации, касающейся польско-советских переговоров начала 1930-х годов. Так, 7 августа 1930 г. польский министр иностранных дел А. Залесский провел переговоры с В.А. Антоновым-Овсеенко, в ходе которых заявил, что в ноябре займется проблемами политических и экономических отношений с Москвой. И действительно, в ноябре 1930 г. польско-советские переговоры продолжились. Министр Залесский ключевым вопросом признал заключение концессионного соглашения. Однако это не удовлетворило Антонова-Овсеенко, поскольку такое соглашение могло стать лишь одним из элементов на пути к подписанию пакта о ненападении (с. 461).

Позднее польский посланник С. Патек предложил М.М. Литвинову четыре конвенции: концессионную, почтовую, авиационную и пограничную (с. 461–462). Москва выразила готовность об-

судить все предложения, которые были направлены на улучшение двусторонних отношений. Автор считает, что Сталин в отличие от Пилсудского был заинтересован в скорейшем заключении пакта о ненападении, вмешивался в переговорный процесс и добился своей цели (с. 464). В начале 1931 г. появилась информация о том, что по инициативе советской стороны польское посольство в Москве начало переговоры на предмет заключения пакта о ненападении и торгового договора. Впоследствии переговоры велись как в Москве, так и в Варшаве. Сторонники подписания пакта о ненападении с Польшей исходили из факта угрозы заключения аналогичного польско-немецкого соглашения. В связи с признанием этого автором важным представляется утверждение о том, что в руководстве Германии не было единого мнения касательно политики в отношении СССР, а сам Берлин «играл российской картой, не считаясь с интересами Москвы» (с. 484).

Рак своевременно обращает внимание читателей на то, что в указанный период обостряются польско-германские отношения. Слухи о сближении Польши и СССР вызвали сильное беспокойство в Германии. Местная пресса писала «о полном крахе рапалльской политики и необходимости дальнейшего сближения с Францией на почве временного отказа от постулата о ревизии польско-немецкой границы» (с. 500–501). Немцы считали, что советско-польский пакт о ненападении будет означать гарантирование Советским Союзом границ с Польшей (с. 501).

Следует отметить, что с апреля 1930 г. у власти в Германии находились так называемые президентские кабинеты, которые управлялись без согласия рейхстага и отошли от сотрудничества с Москвой в пользу сближения с Францией. В связи с этим И.В. Сталин пошел на дипломатическое сближение с Парижем, и в результате 10 августа 1931 г. был парафирован советско-французский пакт о ненападении. Автор считает, что логическим продолжением такой политики должно было стать завершение переговоров с Польшей на тему договора о ненападении (с. 514–515).

Один из важных выводов Рака заключается в том, что на решение И.В. Сталина и Ю. Пилсудского ускорить заключение пакта о ненападении повлияло развитие французско-немецких отношений, для которых на рубеже 1920–1930-х годов были характерны попытки сближения. Как пишет автор, в сентябре 1929 г. на

очередной сессии Лиги Наций министр иностранных дел Франции А. Бриан предложил связать европейские народы «своего рода федеральными узами» (с. 515). Речь идет о проекте организации Соединенных Штатов Европы – «регионального союза с участием Польши, действующего в рамках Лиги Наций»¹. Если бы этот проект был успешно реализован, то французам не составило бы труда признать за Германией право на возврат державной позиции (там же).

Следует отметить, что международные события, начиная с рубежа 1920–1930-х годов по 1934 г., анализируются автором гораздо более подробно, чем европейская политика предшествующего времени. Он пишет об основополагающих фактах, в частности, об усложнении ситуации в связи с мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг. В то время начался новый этап в развитии международных отношений, характеризовавшийся острыми международными конфликтами и образованием очагов опасности в Германии и на Дальнем Востоке. В ряде капиталистических государств у власти оказались фашистские и милитаристские группировки.

В центре внимания находятся и немецко-французские переговоры начала 1930-х годов, в ходе которых выяснилось, что Берлин не намеревался передавать Польше т.н. Польский коридор и восточную часть Верхней Силезии. Более того, по утверждению немецкой стороны, Ю. Пилсудский, А. Залесский и другие польские политические деятели тоже к этому не стремились (с. 518). В то же время немецкие эксперты не исключали заключения трехстороннего пакта между Францией, СССР и Польшей, который лишил бы Германию возможности пересмотреть мирным путем свою восточную границу (с. 520). Франция же проводила двойственную политику, пугая Германию будущей большевизацией Европы и успешно балансируя между Берлином и Москвой. Немцы понимали, что это вызовет ослабление «духа Рапалло» и откроет новые возможности для Польши (с. 523). Эти возможности заключались, однако, лишь в чисто внешнем укреплении отношений с Парижем: 15 января 1931 г. Польша продлила военный

¹ См.: Бабенко О.В. Польша в системе международных отношений (1919–1939 гг.)... – С. 45.

союз с Францией, а 20 июня 1931 г. заменила старую военную конвенцию на новую.

Другой важной составляющей рассматриваемой проблематики являются для автора отношения между Польшей и СССР. Некоторые польские историки считают, что решающее значение для принятия И.В. Сталиным решения о быстром завершении переговоров с Польшей на тему политического договора¹ имела угроза японской интервенции на Дальнем Востоке². Однако Рак ставит этот фактор на второе место, а на первое помещает немецко-французское сближение (с. 524). Он совершенно справедливо пишет о главном расхождении в позициях сторон: СССР стремился заключить двусторонний пакт, а поляки – многосторонний договор с участием Польши, СССР, Финляндии, Эстонии, Латвии и Румынии (с. 547). Таким образом, Варшава пыталась решить проблему защиты от внешних угроз. Однако М.М. Литвинов сразу перевел переговоры в русло обсуждения двустороннего договора. Стороны выразили готовность к принятию компромиссных решений, и 25 января 1932 г. советско-польский пакт о ненападении был парафирован.

Для решения спорных вопросов польско-советских отношений, по мнению К. Рака, помимо официального канала «существовал другой переговорный канал, который давал возможность контактировать двум решающим центрам, т.е. Пилсудскому и Сталину» (с. 564). В целях создания целостного впечатления об отношениях в треугольнике Варшава – Берлин – Москва автор подчеркивает, что Кремль с самого начала польско-советских переговоров старался информировать о них Германию (с. 565). Он считает заключение польско-советского пакта о ненападении победой Ю. Пилсудского, который изначально поставил перед собой цель-максимум – подписать многостороннее региональное соглашение, чтобы в будущем согласиться на вполне устраивавший его двусторонний пакт (там же).

Тем не менее договор с Москвой не мог гарантировать Польше полную безопасность. В марте 1933 г. усилилось между-

¹ И.В. Сталин пожелал завершить переговоры 30 августа 1931 г. (там же, с. 524).

² См., например: Kornat M. *Polityka zagraniczna Polski 1938–1939. Cztery decyzje Józefa Becka.* – Gdańsk : Oskar : Museum II Wojny Światowej, 2012. – S. 22.

народное давление на Варшаву. Итальянский диктатор Б. Муссолини предложил Великобритании, Франции и Германии заключить так называемый Пакт четырех, именуемый также пактом «согласия и сотрудничества». Это было очередное проявление «умиротворения» германского фашизма. Соглашение носило антиверсальскую направленность, поскольку подразумевало пересмотр ряда положений Версальского мирного договора. Б. Муссолини в беседе с французским послом А. де Ювенелем особое внимание уделил «необходимости ревизии границ» Польши (с. 614). Но, как известно, этот договор не вступил в силу, поскольку был ратифицирован только в Италии.

Автор приходит к небезосновательному выводу о том, что сложности международной ситуации заставили Пилсудского активизировать внешнюю политику, и он приводит международные события, обсуждавшиеся в ходе польско-советских контактов (с. 666–667). Польский маршал решил инициировать сближение с Москвой, зная о внутривнутриполитических переменах в Германии – приходе к власти Гитлера. С апреля 1933 г. велись польско-советские переговоры, касающиеся международной ситуации. Варшава проводила широкую пропагандистскую кампанию, распространяя слухи о «заключении Польшей и СССР далеко идущих соглашений и создании единого фронта Польши и СССР против Гитлера» (цит. по: с. 672). В связи с этим, на наш взгляд, следовало до рассказа об активизации советской политики Пилсудского поместить анализ внешнеполитических целей фашистской Германии, что необходимо для понимания внезапных изменений в политике Варшавы. В данной книге освещение внешнеполитических планов Гитлера присутствует, но Рак пишет о них значительно позднее, опираясь на труды рейхсканцлера «Моя борьба» и «Вторая книга Гитлера» (с. 689–711).

Как видно из приведенной информации, основное внимание автор уделяет не внешней политике нацистов, а переговорам между Польшей и СССР, в ходе которых выяснилось, что поляки ожидали нападения Германии. Кроме того, они считали, что ближайшим внешнеполитическим шагом Берлина будет экспансия в балтийские государства, направленная на приготовление плацдарма для нападения на Ленинград, а также на подготовку наступления на Варшаву через Ковно и Вильно. По мнению польской стороны,

Польша и СССР должны были совместными усилиями противодействовать осуществлению этого плана (с. 680). Раку удалось обнаружить доказательства того, что в мае-июне 1933 г. Сталин готов был принять предложение Пилсудского «о важном сотрудничестве в области международной политики», которое означало взаимодействие на случай немецкой экспансии в Восточной Европе (с. 683).

Приход к власти в Германии Гитлера вызвал серьезное беспокойство в Москве, где знали о его крайней враждебности к коммунистическому Советскому государству. Однако от нацистов начала поступать успокаивающая информация о продолжении Германией прежней политики в отношении СССР. Гитлер в беседах с немецкими дипломатами, казалось, поддерживал «линию Рапалло» (с. 714). Более того, он говорил о продлении Берлинского трактата (с. 733). Интересно, что Рак обнаружил немецкоязычный источник, из которого следует, что Гитлер «боялся подвижек в области польско-советского сближения» (с. 712). Однако первое впечатление было обманчивым. Как справедливо отмечает автор, Гитлер «не думал о продолжении прежней политики в отношении Советского Союза» (с. 713). Для него главным было наращивание военного потенциала Германии, завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его германизация. И Сталин «скоро убедился в реальных намерениях Гитлера» (с. 714).

Большой интерес представляют сведения автора о польских зондажах Германии с весны 1933 г. Поляки добились переговоров лично с Гитлером, предметом которых были территориальные и другие проблемы двусторонних отношений. Варшаве удалось получить заверения Гитлера в том, что он не имеет намерения нарушать существующие договоры (с. 739). Тем не менее Пилсудский по-прежнему проводил политику балансирования между Берлином и Москвой. В Кремле же полагали, что он «с 1932 года временно отказался от проведения активной антисоветской политики...» (с. 757). В июле 1933 г. представитель СССР К.Б. Радек проводил переговоры в Варшаве с польскими дипломатами, которые от имени Пилсудского предложили Сталину антигитлеровский союз – трактат, гарантирующий советскую и польскую западные границы, подкрепленный военной конвенцией о взаимопомощи на случай нападения третьей стороны (с. 773). Автору не удалось обнару-

жить сведения о том, как Сталин отреагировал на предложение поляков, но он полагает, что реакция могла быть положительной, поскольку генсек «опасался нападения Гитлера на СССР» (с. 781).

В целом рассказ Рака о вышеуказанных событиях сводится к тому, что антигитлеровский союз Варшавы и Москвы заключен не был. Многие польские политики были враждебно настроены в отношении СССР, поэтому подписание договора со Сталиным могло вызвать в Польше сильные протесты. По этой причине маршал Пилсудский держал переговоры с Кремлем в тайне. Но в конечном итоге понял, что предложенный им Сталину антигитлеровский союз «означал бы окончание переговоров с Германией и сделал бы невозможным его успешное балансирование» (там же). В результате Пилсудский обратился в сторону Третьего рейха, и в январе 1934 г. была подписана польско-германская декларация сроком на десять лет. Это соглашение гарантировало восточную границу Польши и давало ей возможность предъявлять претензии к Австрии и Чехословакии. Гитлер заявлял, что заключил договор с Варшавой на случай советской экспансии в Европу. Он признавал Польшу «цивилизационным бастионом, который остановит поход Советов на Запад» (с. 907). Сталина же автор считает проигравшей стороной, поскольку он «не помешал сближению Варшавы с Берлином» (с. 909). Нельзя не признать правоту Рака в решении данного вопроса.

Таким образом, рецензируемая монография представляет собой фундаментальный труд о польско-советско-германских отношениях 1924–1934 гг., который, несомненно, заслуживает внимания специалистов. Рак ввел в научный оборот большой массив не публиковавшихся ранее архивных материалов, позволяющих пролить свет на особенности отношений в треугольнике Варшава – Берлин – Москва. Он достиг своей главной цели, выяснив причины, заставившие Ю. Пилсудского предложить И.В. Сталину в июле 1933 г. союз, направленный против Гитлера. Польско-советско-германские отношения проанализированы автором весьма подробно с акцентом на политику балансирования Пилсудского между Германией и СССР. Однако рецензируемая книга не лишена некоторых недостатков. Прежде всего в ней недостает обстоятельной предыстории вопроса, особенно характеристики Версальской системы и целостной картины международных отношений в

Европе рассматриваемого периода. Кроме того, автор игнорирует ряд значимых источников и научных трудов, приводит неверные даты, делает неоднозначные или противоречивые выводы.

УДК: 327.5; 327.8; 94(438).081; 94(438).083

ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Н.* Рецензия на кн.: ПОЛЬША В БОРЬБЕ ЗА ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ 1920–2020 : сб. ст. / под общ. ред. В.Ю. Крашенинниковой ; отв. ред. Д.С. Буневич. – Москва : Кучково поле, 2020. – 176 с. DOI: 10.31249/rhist/2022.03.06

Ключевые слова: европейская внешняя политика, XX–XXI вв.; Польша как независимое государство; Польша и Восточная Европа; проблемы европейской геополитики.

Keywords: European foreign policy, XX–XXI centuries; Poland as an independent state; Poland and Eastern Europe; problems of European geopolitics.

Для цитирования: Емельянова Е.Н. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 80–93. Рец. на кн.: Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 : сб. ст. / под общ. ред. В.Ю. Крашенинниковой ; отв. ред. Д.С. Буневич. – Москва : Кучково поле, 2020. – 176 с.

В условиях обострения международной обстановки тема политики Польши в восточноевропейском регионе становится особенно актуальной. Находясь между Западом и Востоком Европы, Польша пытается стать региональным лидером. Истоки этой политики, попытки ее проведения в истории XX–XXI вв. рассматриваются в сборнике научных статей «Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020» под редакцией генерального директора Института внешнеполитических исследований и инициатив, канд. ист.

* Емельянова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: e.n.emelyanova@mail.ru

наук В.Ю. Крашенинниковой и директора Института русско-польского сотрудничества, канд. ист. наук Д.С. Буневича. Коллектив авторов сборника включает крупных ученых ведущих университетов страны, авторитетных специалистов профильных академических институтов и независимых экспертных центров, зарубежных исследователей. Сборник состоит из трех частей.

В первой части «Из истории борьбы Польши за региональное доминирование в начале XX в.» представлена политика польского руководства в отношении России и Германии в межвоенный период.

Статья д-ра ист. наук, профессора Г.Ф. Матвеева (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы» посвящена событиям советско-польской войны 1919–1920 гг. Автор по-новому смотрит на цели государств в этом военном конфликте. Он отмечает, что главной задачей Ю. Пилсудского в этой войне была организация стратегической обороны Польши путем военного захвата новых территорий и образования по польским границам буферных государств, зависящих от Варшавы. Для создания буфера между Польшей и Россией Пилсудский планировал основание союза Польши с литовско-белорусским и украинским государствами. Платой за польское покровительство должен был стать отказ этих республик от части своих территорий в пользу Польши: Виленской области, Восточной Галиции, западной Белоруссии и Волыни.

Большевистская Россия в то же время стремилась создать буфер из советских республик: Белоруссии и Украины. Таким образом, борьба между Польшей и РСФСР была сражением за то, под чьим влиянием окажутся эти новые государственные образования, созданные на территории бывшей Российской империи. Автор подводит читателя к мысли о двух сценариях развития: 1) план продвижения Польши на Восток или 2) ответное движение РСФСР на Запад.

Г.Ф. Матвеев отмечает, что Пилсудский изначально планировал границу Польши на Востоке, в целом соответствующую той, которая затем была закреплена Рижским миром 1921 г. «Линия Керзона», предложенная Англией большевикам в июле 1920 г., чтобы предотвратить движение Красной армии на Варшаву, пролегла значительно западнее. Напрашивается вывод о том, что Ве-

ликобритания еще в период формирования Версальско-Вашингтонской системы фактически допускала советскую границу, которая потом была установлена в 1939 г., так как она проходила по «линии Керзона», существенно отклоняясь на запад лишь в районе Белостока¹.

В свою очередь советское правительство еще в январе 1920 г. в обмен на мир предлагало Польше линию раздела, значительно восточнее первоначальных планов Пилсудского. Развязанная польским руководством в 1919–1920 гг. война с РСФСР не дала начальнику государства Польского ожидаемых результатов. Граница была установлена значительно западнее «линии Ленина» 1920 г. Хотя и Советская Россия теряла значительные территории, которые ей сулили в ультиматуме Керзона, но большевикам удалось отстоять Советскую Украину и Советскую Белоруссию. Таким образом, «несмотря на то что формально в этой необъявленной войне победила Польша, Пилсудскому, в отличие от Ленина, создать пояс союзных буферных государств вдоль восточной границы Второй Речи Посполитой не удалось. А тем самым не удалось и коренным образом повысить стратегическую безопасность новой Польши», – пишет Матвеев (с. 27). Соглашаясь с автором в том, что программой-минимум сторон была организация буфера между державами, на наш взгляд, следует также учитывать, что программой-максимум для Польши являлось создание Федерации государств от моря до моря и подчинение своей власти стран Восточной Европы и республик, возникших на территории бывшей Российской империи, а для большевистской России – слом устанавливавшейся Версальской системы, поддержка революций в Польше, Венгрии, Италии, Германии и укрепление своего международного положения.

В работе канд. ист. наук Д.В. Суржика (Центр истории войн и геополитики ИВИ РАН) и А.В. Макушина (фонд «Историческая патриотика») «Крах – цена ошибочных военно-политических расчетов: военная машина Второй Речи Посполитой» рассматриваются военные планы и поиск польским руководством внешнеполитических союзников в 20–30-е годы XX в. Отмечается, что в первой

¹ Советско-польская граница, установленная в 1945 г., практически соответствовала «линии Керзона». – *Прим. рец.*

половине 1920-х годов в военной доктрине преобладала ориентация на союз с Францией. После переворота Пилсудского в 1926 г. внешнеполитический вектор поменялся на сотрудничество с Германией. Началась разработка военных планов, направленных на Восток. Авторы отмечают, что в 1934–1935 гг. руководство Польши допускало свое участие в войне против СССР на стороне Германии и Японии. По утверждению Суржика и Макушина, 27 июля 1933 г. между Ю. Пилсудским и А. Гитлером было заключено «джентльменское соглашение», по которому обе стороны обязывались не примыкать к Восточному пакту без взаимных консультаций и заключить оборонительный договор между собой и с участием Токио против СССР и Франции, если последние пойдут на военное сотрудничество. «Таким образом, Вторая Речь Посполитая фактически шла на военный союз с Третьим рейхом против одного из своих спонсоров (Франции. – *Рец.*) если Париж начнет реализацию советского плана “коллективной безопасности”, Варшава выступала на стороне Берлина. Точнее сказать – на стороне оси “Берлин – Токио”» (с. 50).

Смерть Пилсудского в 1935 г. привела к переориентации польского руководства вновь на Францию. Авторы отмечают, что попытки Франции пригласить Польшу к военному сотрудничеству предпринимались еще в 1923 г., во время Рурского кризиса. Прибывший в Варшаву в мае 1923 г. французский маршал Фердинанд Фош предложил Пилсудскому совместные действия против Германии в случае французского наступления на Берлин. Но тогда эта идея так и не была реализована. После десятилетнего охлаждения между странами, связанного с правлением Пилсудского, в 1935–1936 г. вновь началось француско-польское военное планирование. В марте 1939 г. были готовы наброски плана «Запад». Он предполагал ведение оборонительных военных действий против Германии по всей протяженности польско-немецкой границы, вплоть до вступления в боевые действия западных союзников (с. 52). Макушин и Суржик отмечают, что и план «Восток», и план «Запад» были плохо проработаны. Можно согласиться с авторами в том, что с учетом ориентации Польши на Германию и достаточно тесного взаимодействия с ней до начала 1939 г. план «Восток» скорее всего был бы реализован, если бы Польша сама не стала объектом нападения. В то время как план «Запад», предполагав-

ший союз с Францией против Германии, выглядит утопичным в связи с отказом Варшавы от сотрудничества с СССР.

В целом «польское военное планирование, носившее весьма схематичный характер, ориентировалось на поддержку Лондона и Парижа в случае, если придется обороняться, и на поддержку Румынии и Германии, если придется вести наступательные действия» (с. 52), – делают вывод ученые.

Достоинством сборника является то особое внимание, которое его составители уделили теоретическим основам, заложенным во внешней политике Польши, поскольку освещение данного вопроса позволяет глубже понять причины польского экспансионизма. Этой проблеме посвящена вторая часть книги «“Прометеизм” как идеологическое основание “восточной политики” Польши».

В статье д-ра ист. наук Ф.Л. Сеницына (Государственный университет по землеустройству) «Доктрина “прометеизма” в политике Второй Речи Посполитой и Третьего рейха» дается развернутый анализ истоков и сути этой теории. Отмечается, что идеи возрождения Речи Посполитой от Балтийского моря до Черного возникли в среде польской интеллигенции еще в XIX в. Однако попытка их реализации в жизнь связана с получением Польшей своей государственности в 1918 г. и с именем ее политического лидера Ю.К. Пилсудского. При его активном участии в 1919–1920 гг. Польша присоединила к себе Западную Белоруссию, Западную Украину и часть литовских земель с г. Вильно. Фактически в урезанном виде была воссоздана Вторая Речь Посполитая (1918–1939 гг.).

Автор подчеркивает мессианские претензии польского руководства. Польша ощущала себя форпостом западной цивилизации на востоке и видела свою роль в том, чтобы нести европейские католические ценности народам Белоруссии и Украины. Внешнеполитическим противником польское правительство считало Россию. В рамках борьбы с ней Пилсудским была разработана концепция «прометеизма», которая заключалась в ослаблении и последующем расчленении Советского государства путем поддержки националистических движений «нерусских» народов.

«Согласно этой доктрине, территория России подлежала сокращению до размеров оной в XVI в., а из вновь созданных «нерусских» стран (Украина, Белоруссия, крымское и казачье госу-

дарства, Союз кавказских государств, а также Финляндия и страны Прибалтики) должна была быть создана федерация во главе с Польшей» (с. 60). Для практического проведения этой политики польское руководство сделало ставку на эмигрантов из советских республик. Сеницын справедливо отмечает, что политика «прометеизма» взаимосвязана с польской доктриной Междуморья, которая в свою очередь предполагала создание своеобразной конфедерации (под эгидой Польши) стран, расположенных между Балтийским, Черным, Адриатическим и Эгейским морями. Варшава хотела объединить всех лимитрофов от Финляндии до Турции. Ядро Междуморья должны были составить Польша, Венгрия и Румыния. В этой политике в 1920–1930-е годы Польша пыталась опереться как на Францию, так и на Германию и противопоставить себя России.

Неудачу стратегии «прометеизма» и Междуморья в предвоенный период Сеницын обоснованно видит в том, что, во-первых, делая ставку на развал СССР, Польша вела имперскую политику по отношению к своим собственным этническим меньшинствам, что подрывало ее авторитет в глазах других народов; во-вторых, руководство Второй Речи Посполитой воспринимало себя как важного геополитического игрока и не осознавало истинного места Польши в этот период как объекта, а не субъекта мировой политики. После участия в разделе Чехословакии в 1938 г. Польша сама стала целью немецкой агрессии. В-третьих, нацистская Германия перехватила у Второй Речи Посполитой «прометейский» проект и сама подчинила себе страны Междуморья, либо оккупировав их (Польша, Чехословакия, Югославия, Греция), либо получив их себе в союзники и сателлиты (Венгрия, Румыния, Болгария). В годы Второй мировой войны Германия использовала «прометеизм» на оккупированной территории СССР в качестве пропагандистской идеи с целью дальнейшего полного подчинения и колонизации этих земель (с. 69–70).

Кандидат ист. наук Т.М. Симонова в своей статье «“Прометеизм” в польском сознании: теория и практика» и Д.С. Буневич в работе «“Восточная политика” Гедройца–Мерошевского или “прометеизм 2.0”» продолжают исследование попыток реализации Польшей концепции «прометеизма». Симонова дает периодизацию проведения этой политики. Она выделяет три этапа: 1) период

межвоенной Польши (прометеисты-«романтики»); 2) период эмигрантский (Е. Гедройц – Ю. Мерошевский) или период «Культуры»; 3) период реализации планов (с момента развала СССР 26 декабря 1991 г. – по настоящее время) (с. 81). Автор подробно рассматривает попытки осуществления этого курса в отношении народов Украины, Кавказа, татар и казачества, которое выразилось в целенаправленной помощи эмигрантским организациям в их антисоветской деятельности, в поддержке националистических выступлений на территории СССР и т.д.

Важным является исследование Симоновой работы прометеистских организаций в Англии и во Франции. Она отмечает, что во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы прометеисты в Лондоне сосредоточились вокруг правительства в изгнании. Их деятельность осуществлялась в рамках польской группы «Прометей». Важным центром был также Париж. Здесь издавался польский альманах «Культура». Его основатель и многолетний редактор Е. Гедройц развил основные идеи старой теории. Симонова отмечает, что «прометеизм» послевоенного периода был более миролюбивым, чем прежде. Гедройц на страницах «Культуры» писал, что полякам необходимо изживать комплекс патерналистского отношения к восточным соседям, подчеркивал, что национализм опасен. Он признавал право литовцев на Вильно и украинцев на Львов. То есть, по мнению Симоновой, Гедройц выступал за улучшение отношений с Россией. Эта официальная точка зрения «Культуры» не была принята в Лондоне и не нашла понимания в кругу правоконсервативной лондонской эмиграции. В 1970–1980-е годы, по мнению автора, формирование идеи нового «прометеизма» («неопрометеизма») связано с такими личностями, как З. Бжезинский и Папа Римский Иоанн Павел II, а также с деятельностью профсоюза «Солидарность». Они вновь настаивали на особой роли, которую должна сыграть Польша в объединении народов Восточной Европы. Логично сделать вывод, что контекстом этой идеи было противостояние СССР и задача ликвидации социалистической системы.

Распад Советского Союза стал началом третьего периода развития «прометеизма» (1991 – настоящее время). Сегодня во всем мире усилился интерес к этому учению. В 2000-е годы политика «прометеизма» была связана с именем президента Польши

Л. Качиньского, его проектом частичной стратегической и энергетической независимости от России; идеями обеспечения Украине и государствам Кавказа интеграции с западными структурами безопасности и экономического сотрудничества; поддержкой главами правительств и президентами Литвы, Латвии, Украины и Польши руководства Грузии во время «российско-грузинской войны» как примером потенциальной возможности создания коалиции государств на Востоке. В этот период Соединенные Штаты Америки стали рассматривать Польшу в качестве своего плацдарма в Европе. «Внешняя политика современного руководства Польши полностью встроена в североатлантический курс, а развитие “неопрометеизма” происходит на средства не из польского бюджета. Применяя лексику Бжезинского, можно утверждать, что польское руководство проявляет повышенную активность для регулирования европейской “системы безопасности”, встроеной в “трансатлантическую систему безопасности”» (с. 97).

Буневич в своей статье подтверждает, что в 2000-е годы Польша пыталась укрепить влияние на Украине и в Белоруссии, используя для этого возможности, предоставленные ЕС и НАТО. Она активно участвовала в «оранжевой революции» на Украине 2003–2004 гг. и приветствовала ее результаты, рассматривая их как отрыв Украины от России. Особенно русофобские настроения усилились в 2005 г. с приходом к власти польской националистической партии «Право и справедливость» во главе с братьями-близнецами Я. и Л. Качиньскими. Опираясь на учения Гедройца – Мерошевского и З. Бжезинского, они поставили своей целью на востоке борьбу за независимость от России бывших республик СССР. Вспоминается утверждение Бжезинского, что Россия без Украины является «простым государством», а Россия с Украиной автоматически становится «евразийской империей». Сложно спорить с автором о том, что Польша активно стремится вовлечь постсоветские страны в атлантические проекты. «Предельно важно сохранить двери НАТО открытыми для тех государств, которые желают и готовы присоединиться к организации. Никто не должен удивляться, что Польша остается сторонником евроатлантических устремлений Украины и Грузии и верит, что сотрудничество с этими странами важно для альянса» (цит. по: с. 111), – говорил в 2009 г. министр обороны Польши Б. Клих. Буневич напоминает,

что по предложению Польши Европейским союзом в 2008 г. была принята программа «Восточное партнерство». Она охватила Украину, Молдавию, Армению, Грузию, Азербайджан и в какой-то степени – Белоруссию. Правда, следует отметить, что Белоруссия в 2021 г. приостановила свое членство в этой организации.

Приход в 2007–2010 гг. либерально-консервативной администрации Д. Туска и Б. Коморовского обозначил временную коррекцию польской политики на востоке и некоторое ослабление напряженности в польско-российских отношениях. Но стремление России объединить республики бывшего СССР в форме Евразийского экономического союза вновь привело к обострению борьбы с Польшей. Польское руководство поддержало переворот на Украине в 2014 г. С возвращением к власти в 2015 г. партии «Право и справедливость» националисты избрали еще более конфронтационный курс в отношении к России, чем тот, который проводило с 2013 г. правительство «Гражданской платформы». Можно согласиться с ученым, что воссоздание в той или иной форме Содружества Польши, Украины, Белоруссии и Литвы, по-видимому, и является стратегической целью наиболее агрессивных и иррационально настроенных групп среди польской политической элиты.

Третья часть «Современная Польша и проблемы европейской безопасности» представлена пятью работами.

В статье д-ра полит. наук, профессора С.Я. Лавренова (Институт стран СНГ) «Развертывание инфраструктуры НАТО в современной Польше: краткие итоги и основные выводы» рассматривается особая роль Польши как «проводника» американского влияния в Европе. «Такое позиционирование, помимо прочего, должно было придать Варшаве дополнительный вес в европейской политике. В частности, после вступления Польши в ЕС Варшава стала претендовать на то, чтобы стать главным представителем Брюсселя во взаимоотношениях с восточноевропейскими странами (Чехией, Словакией, Болгарией) и рядом бывших советских республик (прежде всего Украиной и Беларусью)» (с. 122). Таким образом, отношения с Америкой для Польши сейчас важнее отношений с Западной Европой. Не случайно она вначале была принята в НАТО (1999 г.) и только потом в ЕС (2004 г.). Польша играет ключевую роль в развертывании военной инфраструктуры НАТО и в приближении ее к границам России. Демонстративная готов-

ность польского правительства выступать безоговорочным «агентом влияния» США в Европе, по мнению автора, раздражает Германию и Францию. Лавренов видит в этом предпосылки для раскола Европы. Автор, конечно, прав, утверждая, что размещение элементов американской системы ПРО на польской территории и ответное развертывание российского оперативно-тактического ракетного комплекса «Искандер» в Калининградской области «является свидетельством приближающегося витка новой гонки вооружений, угрожающей самим основам региональной и международной безопасности» (с. 131).

Отношение польской политической элиты к России рассматривает в своей работе канд. ист. наук В.В. Трухачёв (РГГУ) «Образ России у политических партий Польши». Анализируя деятельность партий и движений («Право и справедливость», «Гражданская платформа», «Современная», Польская крестьянская партия, Союз демократических левых сил (СДЛС), левоцентристская партия «Весна», «Конгресс новых правых» и др.), автор приходит к выводу о том, что, к сожалению, в целом все ведущие политические силы Польши в той или иной степени поддерживают антироссийскую политику польского правительства. Особенно русофобски настроены консерваторы «Права и справедливости» и либералы из «Современной», чуть более склонны к диалогу либерал-консерваторы из «Гражданской платформы», наиболее конструктивную позицию занимают левые, аграрии и националисты из «Кукиз-15», сохраняя при этом за собой право на критику в адрес российского руководства. Лишь некоторые члены левых партий, националистов из «Кукиз-15» и евроскептики из «Конгресса новых правых» поддерживают Россию. Но их слишком мало, и они не могут влиять на общую антироссийскую политику Польши (с. 140).

Этот печальный для России вывод подтверждает и политолог, обозреватель (Балтийский исследовательский медиацентр, г. Калининград, портал RuBaltic.ru) А.А. Носович в своей статье «Альтернатива для Европы. Что предлагает Польше и ее союзникам внутренняя политика “Права и справедливости”». Он отмечает, что эта национал-консервативная партия, которая сейчас находится у власти в Польше, способствует развитию националистических движений в других странах. К сожалению, ее политика поль-

зуется поддержкой значительной части польского населения. «Кризис либеральной модели развития на Западе и военно-политический кризис на Востоке (Украина) приводят к тому, что в Польше укрепляется собственный, подчеркнуто нелиберальный и националистический курс, который польские власти рассматривают в качестве модели будущего для Европы» (с. 152).

Практически все авторы сборника рассматривают политику Польши с позиций национальных интересов России. Статья доктора политологии, профессора Опольского университета (Польша) Р. Риделя «Новый рыцарь холодной войны в Центральной Европе – Польша» представляет другую точку зрения на российско-польские отношения и место современной Польши в мире. Это взгляд польского ученого, отражающего интересы либеральных кругов Европы.

Он считает, что в Вышеградской группе (V4) в составе бывших государств социалистического лагеря (Польша, Словакия, Чехия и Венгрия), образовавшейся в 1991 г., нет единства по отношению к России. Нет общей позиции и в созданном по инициативе Польши и Швеции в 2009 г. Восточном партнерстве (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия и Украина). Оба проекта имели целью ослабить влияние России на постсоветском пространстве, но, по мнению Риделя, не оправдали себя. Поскольку Россия, осуществляя политику двусторонних договоренностей, не дает объединиться этим государствам в общей антироссийской позиции. По утверждению польского ученого, Россия, таким образом, углубляет противоречия внутри Евросоюза, что снижает эффективность блока и его влияние на внешний мир, в первую очередь на Украину. Отметим, что такая политика России не нова, ее успешно проводил Советский Союз в 20–30-е годы XX в., используя двусторонние договоры с великими державами для укрепления своих позиций в Европе.

В 2007 г. Европейский совет по международным отношениям опубликовал доклад под названием «Аудит власти в отношениях ЕС–Россия», в котором представил классификацию позиций всех стран – членов ЕС относительно России. Все государства были поделены на группы: *тройские кони* (например, Греция, Кипр), *стратегические партнеры* (например, Франция, Германия), *дружественные прагматики* (например, Австрия, Болгария,

Венгрия и Словакия), *холодные прагматики* (например, Дания, Голландия, Чешская Республика) и, наконец, новые *рыцари холодной войны* (например, Литва и Польша). *Дружественные прагматики* (Венгрия и Словакия) поддерживают тесные связи с Москвой и склонны, по мнению автора, ставить свои экономические интересы выше политических целей. *Холодные прагматики* также уделяют основное внимание деловым связям, хотя и не боятся высказываться против действий России в области прав человека и т.д. И наконец, *рыцари холодной войны*, к которым относится прежде всего Польша, резко враждебны по отношению к Москве и готовы воспрепятствовать любым переговорам между Евросоюзом и Россией (с. 157–158). Однако положение стран в этой системе очень подвижно и меняется в зависимости от международной ситуации, что мы и наблюдаем сегодня, в условиях военной операции на Украине. Венгрия перешла в категорию *троянских коней*, поскольку демонстрирует знак доброй воли по отношению к России, даже несмотря на согласованную антироссийскую политику ЕС.

Отношениям Польши, Украины и России в статье уделяется особое внимание. «Украина для Польши традиционно играет важную роль (*серединой земли*) в формировании оборонительной стратегии страны, – утверждает Ридель, – можно даже сказать, что именно Украина определяет отношения Польши с Россией» (с. 160). Стремление ЕС к расширению натолкнулось на возросшую мощь Российской Федерации. В соответствии с позицией польской интеллектуальной элиты автор взваливает всю вину за оказание противодействия продвижению «демократии» и НАТО на восток на Россию. «Яблоком раздора и источником напряжения в отношениях между Западом и Россией, – пишет он, – служит, среди прочего, стремление Украины, Молдавии и Грузии интегрироваться в евроатлантические структуры. Крымский (а также Донецко-донбасский) сценарий также вызвал в НАТО серьезные споры относительно защиты Центральной Европы от возродившегося российского экспансионизма. Кризис на Украине обозначил пределы продвижения демократии на Восток» (там же). Ридель также отмечает противоречия в самом Евросоюзе, связывая их с недемократичностью некоторых режимов, прежде всего в Венгрии и Польше. Он пишет, что для ЕС принципы главенства права являются незыблемыми, а правительства этих стран своей внутренней

и внешней политикой противопоставляют себя остальной Европе и, следовательно, могут оказаться в одиночестве.

Несмотря на особенности либеральной теории, которой придерживается Р. Ридель, возлагающей всю ответственность за эскалацию международной напряженности на «недемократические» правительства, он в целом подтверждает те выводы, к которым пришли российские ученые: 1) о столкновении интересов Запада и России в Восточной Европе в результате стремления Евросоюза и НАТО продвинуться на территорию бывших советских республик; 2) об Украине как точке борьбы между двумя политическими полюсами: Россией и США; 3) об агрессивной политике Польши в этом регионе; 4) о противоречиях между «старой» и «новой» Европой и т.д.

Завершает сборник статья В.Ю. Крашенинниковой «Возрождение Междуморья – американская игра против Евросоюза и России». В ней автор отмечает, что сегодня вновь предпринимаются попытки возродить в Восточной Европе концепцию Междуморья – геостратегический план создания военно-политического союза государств, расположенных между Адриатическим, Балтийским и Черным морями, но уже под покровительством Соединенных Штатов. Польша в этом проекте является союзником США и проводником их интересов, так как Германия и Франция не всегда готовы идти на поводу у Соединенных Штатов, что свидетельствует о расколе Европы, считает Крашенинникова. Потенциальный восточноевропейский блок должен быть направлен и против России, и против Западной Европы. Автор утверждает, что национал-консерватизм польской правящей элиты противостоит европейским демократическим ценностям и приводит к напряженности в отношениях между странами Западной Европы и Польшей. Большую роль в геополитической стратегии США и Польши играет Украина с ее националистическими настроениями. «Ультранационалисты, обеспечившие силовую часть переворота в Киеве и получившие реальный опыт “городской герильи” в Донбассе, – пишет автор, – тесно связаны с аналогичными группировками в Восточной Европе и на Балканах» (с. 167). Их цель – строительство панъевропейской националистической федерации, одинаково враждебной Москве и Брюсселю (там же). Соединенные Штаты используют Польшу, Румынию, Прибалтику и Украину с их анти-

русской политикой и готовностью участвовать в американских провокациях против России и единства Евросоюза для укрепления собственных позиций на континенте. «Междуморье может стать самым эффективным американским клином, вбитым в западную оконечность большого Евразийского континента. Оно навсегда похоронит стремление к строительству общего пространства безопасности и демократического сотрудничества от Лиссабона до Владивостока. Нельзя допустить, чтобы химеры Междуморья вновь погрузили Европу и весь мир в хаос нового конфликта», – делает вывод Крашенинникова (с. 169). Однако оказалось, что степень противоречий в Европе явно преувеличена исследователем. Военная операция на Украине, по нашему мнению, свидетельствует, что Соединенным Штатам пока еще удастся удержать западный мир относительно единым в противостоянии России.

В целом сборник дает представление о новой геополитической реальности, об истории ее зарождения и путях дальнейшего развития. После его прочтения, по нашему мнению, у читателя должно сложиться убеждение, что конфронтация на Украине была неизбежна, поскольку стала следствием агрессивного устремления коллективного Запада на Восток и противостояния этому движению окрепшей России, не желающей сдавать свои геополитические позиции.

РЕФЕРАТЫ

ШПАК Г.В. ИЗОБРЕТАЯ ПРОСТРАНСТВО. РОССИЯ И АНГЛИЯ XVI–XIX вв. В ПУТЕШЕСТВИЯХ, ТРАВЕЛОГАХ, КАРТАХ: МОНОГРАФИЯ / ИВИ, РАН. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2021 – 252 с.

Ключевые слова: конструирование и репрезентация пространства; кросс-культурное исследование; Англия и Россия, XVI–XIX вв.; человек и окружающий мир.

Keywords: construction and representation of space; cross-cultural research; England and Russia, XVI–XIX centuries; man and the environment.

Для цитирования: Петрухина Д.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 94–103. Реф. кн.: Шпак Г.В. Изобретая пространство. Россия и Англия XVI–XIX вв. в путешествиях, травелогах, картах: монография / Институт всеобщей истории, РАН. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2021. – 252 с.

Монография Г.В. Шпака (ИВИ РАН) посвящена кросс-культурному исследованию подходов к конструированию и репрезентации пространства в Англии и России в период с XVI по XIX в. Работа по изучению материалов в Великобритании была осуществлена благодаря участию автора в проекте «“Культура духа” vs “Культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)».

Источниками для исследования послужили датированные XVI–XIX вв. путевые записи, наблюдения, дневники и подобные письменные произведения обыденного, научного и художественного характера, которые автор объединил под популярным в

настоящее время термином «травелог», а также философские трактаты и географические карты.

Книга состоит из предисловия, введения, четырех глав и заключения. В основе логики изложения материала лежит превалирующее в конкретный временной период отношение человека к окружающему миру: его стремление к освоению, изучению и в конечном счете к пониманию пространства. В каждой из глав проводятся параллели между соответствующими взглядами в английском и российском государствах. Книга насыщена яркими цитатами из источников, что способствует более живому и наглядному преподнесению информации.

Глава первая «Воображаемые миры», выведенная автором за рамки принятой периодизации, служит описанием общих предпосылок последующего развития жанра травелогов. Человек всегда стремился организовать пространство вокруг себя, начиная с наскальных рисунков и заканчивая мифотворчеством. Мифы служили этой цели через объяснение причин возникновения и назначения объектов и явлений реальности, определяя тем самым их место в жизни человека.

Первыми письменными попытками зафиксировать знания о мире были так называемые хождения, появившиеся в Средние века. Их характерная черта – исключительное влияние библейских текстов на отношение к пространству, наполняемому сакральным смыслом. При этом не упускались геометрические измерения размеров объектов и расстояний между населенными пунктами. Следствием восприятия мира как результата Божиего промысла явилось отсутствие интереса авторов хождений к живой природе (флоре и фауне), которая рассматривалась ими как нечто единое и неделимое. С христианскими воззрениями был связан и особый тип хождений, посвященный путешествиям по Раю и Аду. Данте Алигьери через встраивание потустороннего мира в земное пространство и его топографию пытался выразить отношение к дискуссии о рациональном познании сакрального. Идея возможности найти Рай в рамках реального мира существовала вплоть до путешествий Колумба в конце XV в.

В XIII–XIV вв. в Европе появляются травелоги Марко Поло и Джона Мандевилля, не подверженные тотальному христианскому влиянию, что выразилось в их основном содержании: описании

целей путешествия и культурных особенностей разных народов, во внимании к удивительным для европейцев того времени вещам и явлениям. Эти травелоги носили гуманистический характер, отличались «мультикультурной составляющей» (с. 35).

В текстах XV в. четко прослеживается движение от религиозной составляющей к светскости, что было обусловлено возросшим интересом к природным компонентам пространства: климату, водоемам, растениям, животным и т.п.

В своем историческом развитии травелоги тесно связаны с картами. В Средние века сформировалось несколько видов карт, которые в современном понимании не могли бы образовать единую классификацию. В основе трехчастных, четырехчастных и смешанных карт лежало представление о взаиморасположении известных на тот период времени частей света: Европы, Азии, Африки, а также земли антиподов (в случае четырехчастной карты). Наиболее близкие к современным – смешанные карты, изображавшие взаимосвязанные регионы Земли, претерпевали постоянные уточнения в связи с дальнейшими открытиями португальских мореплавателей. Отдельным видом карт были климатические или зональные, отражавшие греческое представление о климатических поясах планеты. Комплекты карт (атласы) часто сопровождалась текстами, служившими более целостному восприятию пространства. В них приводилась информация о флоре и фауне, климате и гидрографии, топонимах, традициях и мифах народов и т.д. (с. 42).

К концу XV в. с развитием техники печати в картографии происходит переворот: для производства карт проводятся математические измерения территории и используется античная модель Птолемея. Параллельно с этим процессом в написании травелогов наблюдается сдвиг от мифа к эмпирическому знанию. Квинтэссенцией этих изменений становится изданный в последней четверти века первый печатный травелог, дополненный картами мест, которые посетил автор. Сопроводительная информация на картах сохраняется, но не в виде текстов, а в виде иллюстраций, которые часто специально заказывают профессиональным художникам.

В XVI в. намечается тенденция к повышению значения изображений в передаче характеристик и компонентов пространства, которые сложно было выразить вербальными средствами. На популярной английской карте Московии можно было найти изоб-

ражения животных, представителей отдельных народов, а также проиллюстрированные целиком мифические сюжеты: о поклонении «Златой бабе», о погребении на деревьях, о превращенных в камень и др. (с. 56). По предположениям Г.В. Шпака, использование легендарных сюжетов на этой карте может быть связано с формированием образа Московии среди англичан и конструированием собственного образа путешественника.

Новая страница в истории восприятия мира открылась во второй половине XVI в. с выпуском Г. Меркатором первой географической карты в цилиндрической проекции и без лишних иллюстраций. Она была снабжена пояснительным текстом, раскрывавшим принципы ее составления.

Глава вторая «Освоение мира» открывается анализом изменений в распространении информации о мире, произошедших в Англии после внедрения печатного станка. Во второй половине XVI в. работу по фиксации особенностей пространства взяли на себя купцы и дипломаты, отправлявшиеся в другие страны. Цель создания таких заметок была исключительно практической: они должны были быть полезны организатору путешествия в дальнейшем для развития контактов с данными государствами.

Серьезность и важность заказа на подобные травелоги иллюстрирует пример экспедиции С. Кабота в Московию (1553), членам которой предписывалось не только вести записи об увиденном, но и обсуждать их друг с другом для повышения объективности полученных сведений. Эти травелоги служили в том числе и формированию представлений (стереотипов) о других народах, а значит, и осознанию собственной культурной идентичности. Авторы английских путевых дневников уделяли большое внимание ритуалам и необычным явлениям, свидетелями которых они стали на территории Московского государства. Их фиксация велась сообразно с одной из двух стратегий: описание неизвестного феномена при помощи слов из местных языков или изобретение с этой целью собственных метафор, которые были бы понятны читателю. Помимо создания собственных описаний мира англичане также занимались переводами травелогов, составленных испанцами и португальцами во время плаваний в Новый Свет.

В конце XVI в. значительную роль в формировании образов пространства начинают играть английские антиквари (любители

старинны), связывавшие географию настоящего с историей территории. Отличительной чертой антиквариев являлось представление о прошлом как фундаменте, на котором построено настоящее пространство, без учета изменений, произошедших за истекшее время в отдельных его компонентах или пространстве в целом. В крупнейших изданиях травелогов (компендиумах) XVI–XVII вв. Р. Хаклюйта и С. Перчейса кроме описаний открытий, сделанных человеком с древних времен, были собраны также историографические тексты и историко-географические обзоры.

К XVII в. требования к достоверности информации о пространстве значительно выросли, а географические карты выступали инструментами управления и символами власти. Как следствие, для повышения качества своей работы авторам описаний территории Англии приходилось не только самостоятельно проводить эмпирические исследования «на местности», но и сопоставлять, анализировать большое количество существовавших на тот момент времени письменных источников. Полная фиксация пространства требовала и комплексной характеристики рассматриваемого региона. Такое подробное описание сравнительно небольшой территории получило название хорографического. Для Англии начала XVII в. работы хорографов и антиквариев обрели важное значение в деле укрепления локального и национального самосознания через создание историко-географических описаний английских графств (с. 77).

Как вид досуга путешествия приобретают популярность в Англии в XVII–XVIII вв. Многие англичане отправляются в другие государства или путешествуют по родной стране, некоторые ведут травелоги. Таким образом, итогом развития процессов освоения пространства в Англии становится осознание места страны на политической арене и формирование национального самосознания.

В Московии в XVII в. ведение травелогов сохраняет только прикладные функции и не получает широкого распространения. Примечательно, что основой восприятия пространства оставалась библейская картина мира, что накладывало отпечаток на производство книг, большая часть которых носила религиозный характер. Иллюстративно пространство практически никак не фиксировалось. Первые карты отличались примененными в них иконогра-

фическими техниками изображения. Интересен тот факт, что при написании некоторых икон использовались натурные зарисовки зданий и их взаиморасположения на местности, что придавало сюжету иконы дополнительную реалистичность. Логично, что первые русскоязычные печатные карты также имели прямое отношение к православию: это были карты пещер преподобного Фодосия (с. 93).

К концу XVII в. было изготовлено большое количество чертежей (карт) «городских дворов, организаций хозяйства, оборонительных сооружений, спорных земель» (с. 96), имевших целью решение конкретных практических задач. Тогда же появляются первые подробные хорографические описания территорий Московского государства (С.У. Ремезов). Использование Ремезовым текста для сопровождения иллюстраций и отсылок к образам прошлого роднит его с традициями описания пространства у антиквариев.

В начале XVIII в. повышается качество географических карт, наблюдается тенденция к использованию единой системы условных знаков. В дальнейшем картография сыграет одну из главных ролей в деле освоения территории России. В связи со сложностью организации путешествий по стране этим занимались в основном государственные институты, среди которых наиболее преуспела Академия наук. Каждая академическая экспедиция получала подробные инструкции по ведению полевых дневников. Путешественникам надлежало описывать все компоненты пространства с учетом его прошлого, а особое внимание уделить трем главным сферам: истории, географии и языку.

Травелоги, составленные в ходе личных путешествий, появляются в России в конце XVIII в. (Г.Ф. Миллер) и носят хорографический характер. При этом индивидуальность автора записей проявляется очень мало. Спецификой российского периода освоения пространства Г.В. Шпак называет его параллельность с процессом изучения. В отличие от Англии, где освоение пространства предшествовало его изучению.

В главе третьей «Изучение мира» анализируются изменения, произошедшие в восприятии пространства в связи с новыми взглядами на природу как на самостоятельный объект исследования. С появлением систем классификации отдельных компонентов природы меняются и стратегии описания пространства. В XVII в.

этот процесс проходил в странах мира неодинаково и зависел как от установок общества, так и от уровня социально-экономического развития.

Интерес английских антиквариев к коллекционированию древних текстов стал отправной точкой для пополнения их собраний материальными объектами: монетами, медалями, печатями, а затем и другими предметами культуры. В течение XVII в. этот интерес постепенно сместился в сторону природных объектов как имеющих бóльшую практическую ценность, чем артефакты. Логичным продолжением такого интереса стали попытки каталогизации образцов живой природы, а также публикации энциклопедий растений и животных. Тогда же в Англии открываются первый Ботанический сад и первый общественный музей с экспозицией природных объектов и предметов материальной культуры из разных частей света. Комплексное описание пространства с опорой на прошлое территории отошло на второй план. Внимание к отдельным проявлениям природы стимулировало составление особых планов описания объектов, изобретение специальных приборов и инструментов для наблюдения, что в свою очередь определило возникновение специализации среди исследователей, к профессионализму которых теперь предъявлялись более высокие требования, чем раньше.

В России новые подходы к описанию пространства явились следствием деятельности Петра I по реформированию государства. По примеру западных стран в XVII в. открываются Кунсткамера и первые Аптекарьские сады (в Москве и Санкт-Петербурге).

Фундаментом развития представлений о территории Российского государства стали богатейшие коллекции экземпляров флоры, фауны, объектов материальной и духовной культуры народов России, собранные во время академических экспедиций в Сибирь и Поволжье, на Камчатку и Кавказ. Эти экспедиции также внесли большой вклад в формирование идентичности самих ученых, конкретизацию их профессиональных установок.

Исследования, проведенные среди коренных народов Сибири и Дальнего Востока, подняли важные научные вопросы и стимулировали дальнейшее изучение менталитета и образа мышления этих народов, а также роли их мифопоэтических представлений в моделировании пространства. Ведение травелогов участниками

камчатских экспедиций показало важную для народов полуострова роль имянаречения места и связанных с ним коннотаций в освоении и структурировании пространства. В частности, С.П. Крашенинников заметил, что мировоззрение, пронизанное суевериями, сформировало у дальневосточных народов особые способы восприятия и описания реальности (с. 148). В дальнейшем многие исследователи других регионов России отмечали в своих травелогах трактовки тех или иных явлений, представленные местными жителями. Академические экспедиции внесли неоценимый вклад в понимание масштабов Российского государства и культур населяющих его народов, а также в развитие русского языка.

Важнейшую роль в изменении восприятия места человека в пространстве и времени сыграл отказ от библейского летоисчисления. Прошлое человечества потеряло точку отсчета, и происхождение самого человека стало одной из главных проблем, требующих решения. В том числе и по этой причине в России многие исследования сталкивались с противодействием со стороны церкви и государственной власти. В результате в XVIII в. сформировался особый российский путь – синтез традиционного и научного знания.

В главе четвертой «Понимание мира» раскрываются новые стратегии описания пространства, появившиеся после утверждения путей научного познания окружающего мира. Травелоги, как жанр, приобретают все больше черт художественной литературы.

В XVIII в. в Великобритании распространение получают произведения, сюжет которых составляют воображаемые путешествия. Реальное пространство в таких описаниях дополняется вымышленными образами за счет фантазии автора, а персонажи часто сравниваются с древнегреческими героями. В то время как в одних путешествиях приводятся сведения об известных растениях, животных и культурных особенностях народов мира, в других – пространство раскрывается с точки зрения малообразованного простого человека, не интересующегося естественными науками, политикой и экономикой, но переполненного определенными чувствами и ощущениями. Так рождается своего рода «антитравелог» (с. 186), описывающий личные переживания персонажей, в котором фиксация реального пространства играет второстепенную роль.

Отношение человека к миру часто проявляется через чувства, поэтому на следующем этапе развития травелогов появляются «сентиментальные путешествия» (с. 195), акцентировавшие внимание на личных переживаниях героев. Пространство сохраняет реальность, но в связи с субъективностью восприятия каждого человека оно не может быть достоверно описано. Таким образом, целью травелого становится не максимально точная фиксация объективной реальности, а распознавание и анализ тех чувств, которые оно вызвало у героя. Подобный подход рождает практически бесконечное количество образов пространства, зависящих от фантазии автора в гораздо большей степени, нежели от фактических характеристик мира.

Тема субъективности реальности в XVIII в. развивалась через философские диспуты о возможностях человека в деле познания пространства, итогом которых явилось признание души главным актором этого процесса. Воображаемые путешествия того времени отражали и часто высмеивали полемику философов на этот счет. Во второй половине XVIII в. интерес читателей обратился к особенностям других стран и возможности их сравнения с родным государством, в связи с чем воображаемые путешествия теряют свою актуальность. Достоверные описания пространства, имеющие практическую ценность, вновь приобретают свой вес.

К началу XIX в. описание судеб и переживаний героев становится прерогативой художественной литературы, что приводит к постепенному отмиранию жанра травелого. Достоверное описание пространства в это время можно было найти в путеводителях, дневниках переселенцев и местных жителей.

В Российской империи XVIII в. воображаемые путешествия не получили широкой популярности из-за распространенности взглядов на вымысел как на фактор, мешающий правильному пониманию мира. Однако самопознание человека, как и в Великобритании, выступает главной идеей травелогов. Примером первого травелого, раскрывающего взгляд автора на жизнь народа через призму собственных переживаний, может служить «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева.

В начале XIX в. в травелогии возвращаются образы прошлого, но в отличие от произведений XVI–XVII вв. описания в них отражают воображение и личное восприятие путешественника, что

не мешает органическому встраиванию прошлого в реалии настоящего (с. 208). Фиксация собственных эмоций не требует от автора придерживаться некоей инструкции или строгой структуры повествования, поэтому описание может включать множество вне-временных элементов (сны, воспоминания, мечты и т.п.).

В дальнейшем травелоги, наполненные чувственными описаниями реальности, начали подвергаться критике как неправдоподобные и потому бессмысленные (с. 213). Конец эпохи травелогов ознаменовался публикацией многочисленных работ, высмеивающих этот жанр. К середине XIX в. необходимость в травелогах отпадает, поскольку описания вымышленных путешествий окончательно уходит в разряд романов и других видов развлекательной литературы, а научные сведения можно было теперь почерпнуть из публикуемых специализированных научных изданий.

В течение XVI–XIX вв. на развитие представлений о мире и стратегии его описания оказывали влияние различные факторы и установки: от мифов и легенд, через религиозные воззрения и человеческие фантазии, до научного подхода. Итогом этого длительного процесса стало формирование представлений о единообразии мира, пространство которого не может объективно существовать вне его описания.

*Д.В. Петрухина**

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: darkamercante@gmail.com

ЮКСЕЛЬ М. ОБЗОР ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ С ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИЕЙ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКОЙ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX в.

Yüksel M. A review on the entanglement of forced migration and resettlement in the 19 th century Ottoman Empire // Turkish Studies – Historical Analysis / Eds. Ş. Bilali, C. Kömürçü. – 2021. – Vol. 16, N 3. – P. 307–322. –<https://dx.doi.org/10.7827/TurkishStudies.51931>

Ключевые слова: Османская империя, XIX в.; принудительная миграция; историческая социология.

Keywords: The Ottoman empire, 19 th century; forced migration, historical sociology.

Для цитирования: Чедия А.Р. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 104–108. Реф. ст.: Yüksel M. A review on the entanglement of forced migration and resettlement in the 19 th century Ottoman Empire // Turkish Studies – Historical Analysis / Eds. Ş. Bilali, C. Kömürçü. – 2021. – Vol. 16, N 3. – P. 307–322.

Мурат Юксель – ассистент-профессор факультета политологии и государственного управления Научно-технического университета Адана Альпарслан Тюркеша.

Исследование турецкого автора Мурата Юкселя посвящено проблемам, связанным с вынужденными миграционными перемещениями и принудительной политикой переселения в Османской империи в XIX в. По мнению исследователя, принудительное расселение населения в XIX в. серьезным образом повлияло на демографическую структуру современного турецкого общества. Особое внимание в исследовании уделено миграции мусульман в Анатолию из балканских и кавказских территорий Османской империи и их дальнейшему расселению в разные части государства.

Статья состоит из четырех разделов. Во введении автор поднимает вопрос о степени разработанности указанной темы исследования. Существует несколько полярных точек зрения на проблему принудительной миграции населения в Османской империи. Одни авторы видят в этой практике инструмент для поддержания общественного порядка и безопасности, другие объясняют принудительную миграцию попытками решения проблем, связанных с противодействием оппозиции внутри страны. Некоторая часть исследователей доказывает, что принудительная миграция населения была связана не столько с политикой и безопасностью, сколько с экономикой, и государство прибегало к подобной практике для усиления контроля над экономикой страны. Принимая во внимание указанные аргументы турецких авторов, М. Юксель приходит к заключению, что результаты их исследований не основаны на тщательном анализе исторических материалов, ввиду чего картина применения практики принудительного переселения населения в Османской империи нуждается в дополнительном исследовании. Автор выдвигает свою точку зрения, согласно которой практика принудительной миграции населения в Османской империи зародилась еще в XVI в. и заключалась в первую очередь в поддержании порядка и безопасности на вновь завоеванных территориях. Вплоть до второй половины XIX в. подобные методы применялись в основном локально, тогда как в период массового наплыва мигрантов из разных частей империи (со второй половины XIX в.) данная практика начинает институционализироваться (с. 307).

Далее автор анализирует основные аспекты практики принудительного переселения жителей в разных частях Османской империи до начала XIX в. Одной из главных причин ее применения стала постепенная децентрализация империи, проходившая в XVII–XVIII вв. Это привело к появлению так называемых аянов – провинциальной знати. Автором указывается, что практика принудительного переселения была одним из способов борьбы с аянами, от которых зависело снабжение османской армии провиантом и живой силой (с. 311).

Миграция крымских татар и части населения Кавказа в Османскую империю стала важным аспектом османской демографической политики, а в дальнейшем и практики принудительного переселения. Первое значительное миграционное движение воз-

никло в конце XVIII в. после Русско-турецкой¹ войны 1768–1774 гг. Вторая волна миграции началась после 1828–1829 гг., когда кавказское побережье Черного моря было передано России по Адрианопольскому мирному договору. Беженцы из Крыма и Кавказа расселились на Балканах в районе Добруджи, вдоль реки Дунай, а также во фракийских провинциях Османской империи. По мнению автора, заселение указанных районов кавказскими и крымскими беженцами помогло увеличить мусульманское население вдоль границ на севере и западе страны, что должно было стать противовесом растущему национализму среди христианского населения Балканского полуострова (с. 313). Подобные процессы помогли заполнить пространства, оставленные крестьянами болгарского и других славянских народов, которых Российская империя переселяла в Крым (там же).

Между 1859 и 1879 гг. происходила массовая миграция кавказского населения, достигшая 2 млн человек, из которых только 1,5 млн были расселены османской администрацией в различных частях империи. Переселение кавказских мусульман продолжалось до 1914 г., а в общее число кавказских переселенцев вошли еще полмиллиона человек.

Не менее важным демографическим событием Османской империи в XIX в. стала массовая миграция балканских мусульман и их расселение в Анатолии. Вместе с сокращением османских территорий на Балканах было основано несколько национальных государств. Власти этих новообразованных государств, особенно Греции, Болгарии и Сербии, начали оказывать давление на местных мусульман, что вылилось в массовые перемещения населения. Первая большая волна перемещений мусульманского населения Балкан, известная как Большая балканская миграция, произошла после создания Румынии и Болгарии во время и после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Османские власти переселяли мусульманских беженцев в Сирию, Кипр и Анатолию. До 1,5 млн человек мигрировали из новых балканских национальных государств в османские земли. Переселение мусульман продолжалось и в последующие годы. С 1893 г. до конца XIX в. еще 70 тыс. человек прибыли на османские территории из Болгарии. Первона-

¹ В оригинале – османо-русской войны. – *Прим. реф.*

чально беженцев расселяли исключительно в сельской местности, затем и в городские центры. Большая часть переселенцев размещалась в Восточной Фракии, Бурсе и некоторых других городах Западной Анатолии, меньшая часть – в Центральной и Восточной частях страны.

Хотя первые признаки массовой миграции населения проявились еще в 1790-х годах, в империи не было центрального учреждения, непосредственно ответственного за организацию расселения мигрантов, вплоть до первой трети XIX в. К 1839 г. вопросы расселения беженцев решались на разовой основе, когда это было необходимо, для каждого случая в соответствии с конкретными директивами, рассылаемыми османскими властями провинциальным администраторам.

По мнению автора, увеличение потока мигрантов в период и после Крымской войны 1853–1856 гг. указывало на необходимость организации процесса их размещения в Османской империи. Для решения данной проблемы в 1856 г. османские власти инициировали постановление, в котором определялись способы и пути перемещения мигрантов по территории империи (с. 316). Основная ответственность за решение проблемы расселения вынужденных мигрантов легла на провинциальные администрации. По мере того как число мигрантов продолжало увеличиваться, местные власти начали направлять в Стамбул отчеты об ухудшающихся условиях жизни поселенцев. По мнению автора, ухудшение положения дел с расселением людей на территории империи привело к тому, что османское правительство создало комиссию по делам мигрантов в 1860 г. Для регулирования миграционного вопроса османская администрация инициировала закон о запрете расселения кавказских и балканских мигрантов в городских центрах, однако из-за перенаселенности сельской местности администрация Порты в дальнейшем приняла решение о снятии этого запрета. Увеличение числа мигрантов приводило к росту преступности, а также коррупции среди чиновников на местах. В 1878 г. было организовано главное управление по делам беженцев, задача которого заключалась в регулировании проблем с размещением 1,5 млн человек, бежавших к границам империи.

Далее автор рассматривает другую практику управления миграцией населения, выраженную в стремлении к интеграции коче-

вых племен в османское общество, а именно принудительную оседлость кочевого населения. По его мнению, идея переселенческой политики кочевого населения Анатолии состояла в том, чтобы усилить контроль над ним и сделать его более зависимым от государства. Кочевым племенам Анатолии было разрешено продолжать заниматься животноводством, но с определенными ограничениями и по контролируемым маршрутам. В связи со сложностями регулирования процесса оседлости кочевых племен османская администрация инициировала создание специального военного подразделения Фирка-и Ислахийе, которое было призвано решать вопросы, связанные с оседлостью кочевников Анатолии. Первой задачей данного подразделения была регистрация кочевого населения, что должно было облегчить контроль над территориями их проживания. Результатом этой политики стал переход к оседлому образу жизни 26 кочевых племен в Юго-Восточной Анатолии. Новые поселенцы были разделены на небольшие группы и расселены среди общин, в основном армян и курдов, с целью разнообразить местное оседлое общество. По мнению автора исследования, прямое принуждение к оседлости было основным, но не единственным действующим механизмом интеграции кочевых племен в османское общество во второй половине XIX в. В определенных пределах также имели место переговоры, кооптация и создание стимулов (с. 320).

В заключение автор приходит к выводу, что вынужденная миграция крымских, балканских и кавказских мусульман и их принудительное расселение на протяжении всего XIX в. оказали значительное влияние на трансформацию политической и социальной структуры Османской империи, приведшую к глубоким преобразованиям в социально-экономической жизни Анатолии и, как следствие, в самой основе, на которой была создана Турецкая Республика (с. 320–321).

*А.Р. Чедия**

* Чедия Анри Р. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). e-mail: chedia@inbox.ru

ГРОСФЕЛЬД И., САКАЛЛИ С.О., ЖУРАВСКАЯ Е. МЕНЬШИНСТВА-ПОСРЕДНИКИ И ЭТНИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ: АНТИЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
GROSFELD I., SAKALLI S.O., ZHURAVSKAYA E. Middleman minorities and ethnic violence: anti-Jewish pogroms in the Russian Empire // The review of economic studies. – 2020. – Vol. 87, N 1. – P. 289–342. – URL: <https://academic.oup.com/restud/article/87/1/289/5280103> (дата обращения: 4.03.2022). – DOI: 10.1093/restud/rdz001. – Электронное приложение: <https://academic.oup.com/restud/article/87/1/289/5280103#supplementary-data> (дата обращения: 4.03.2022).

Ключевые слова: антисемитизм в Российской империи; черта оседлости; «меньшинства-посредники»; еврейские погромы.

Keywords: anti-Semitism in the Russian empire; the pale of settlement; «minorities-intermediaries»; jewish pogroms.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 109–112. Реф. ст.: Grosfeld I., Sakalli S.O., Zhuravskaya E. Middleman minorities and ethnic violence: anti-Jewish pogroms in the Russian Empire // The review of economic studies. – 2020. – Vol. 87, N 1. – P. 289–342.

Статья И. Гросфельд (Парижская школа экономики), С.О. Сакалли (Лозаннский университет) и Е. Журавской (Парижская школа экономики) посвящена причинам массовых еврейских погромов в пределах черты оседлости на протяжении XIX – начала XX в. Авторы используют термин «меньшинства-посредники» (middleman minorities) для обозначения этнических меньшинств, представители которых доминируют в таких сферах деятельности, как торговля и финансы, т.е. специализируются на посреднических функциях в местной экономической системе (с. 289–290). Такие меньшинства нередко становятся объектами ксенофобии и наси-

лия, особенно в кризисные периоды, когда окружающее население начинает воспринимать торговцев и ростовщиков как «паразитов» и переносит эту неприязнь на соответствующую этническую группу. Именно таким меньшинством долгое время являлись евреи в христианских странах, включая Россию.

В методологическом отношении статья написана на стыке экономической и политической истории, истории еврейства и в целом истории этнических меньшинств. Авторы используют довольно обширный комплекс статистических данных за длительный хронологический период, прослеживают взаимосвязь экономической ситуации с климатической обстановкой, политическими потрясениями и т.д. В ходе исследования активно применялись математические методы. Хронологически работа охватывает период с 1800 по 1927 гг., т.е. приблизительно с того момента, когда завершилось формирование черты оседлости¹, и до начала сталинской коллективизации, в корне изменившей экономическую ситуацию на селе. Как отмечается во введении, причины погромов уже неоднократно исследовались в рамках политической и экономической истории, однако при изолированном рассмотрении социально-экономических и политических факторов многие случаи массового насилия остаются необъясненными – как и многие случаи, когда местное нееврейское население, напротив, воздерживалось от насилия, невзирая на крайне неблагоприятную экономическую или политическую обстановку. В реферируемой статье политические и социально-экономические факторы рассматриваются в комплексе.

Работа довольно большая по объему (54 страницы, свыше 25 тыс. слов), разбита на семь разделов, включая введение и заключение. Обширный табличный и иллюстративный материал вынесен в приложение, доступное в электронном виде через Интернет.

Авторы приходят к выводу, что динамика антиеврейского насилия в России в изучаемый период определялась сочетанием трех основных факторов (не считая, разумеется, юдофобии как та-

¹ Территория, разрешенная для проживания евреев, была впервые определена указом Екатерины II 1791 г. Юридическое оформление этой территории завершилось изданием в 1804 г. Положения об устройстве евреев. Сам термин «черта постоянной еврейской оседлости» (первоначально – «черта постоянного жительства евреев») впервые появился в Положении о евреях 1835 г. – *Прим. реф.*

ковой) – аграрных кризисов, политических катаклизмов и превалирования евреев в торговле зерном и/или в сельскохозяйственном кредитовании. Аграрный кризис мог быть вызван как неурожаем в конкретной местности, так и общим ростом цен на зерно: территория черты оседлости была достаточно тесно интегрирована экономически и характеризовалась единой динамикой цен, поэтому неурожай в одной из ключевых производящих областей мог вызвать рост цен во всем регионе. Если, однако, аграрный кризис не сопровождался политическим (например, революционными событиями, крупными военными поражениями, иностранным вторжением и т.д.), то кредиторы, как правило, списывали долги своим заемщикам, а торговцы зерном давали отсрочку платежа до следующего года, поскольку сохранение деловых связей с каждым контрагентом считалось важнее сиюминутной выгоды от своевременного взыскания долгов. Политические кризисы сами по себе также не вызывали напряженности в отношениях между кредиторами, торговцами и остальным населением, если экономическая ситуация оставалась достаточно стабильной. В случаях, когда аграрный кризис совмещался с политическим, торговцы зерном и ростовщики, напротив, вынуждены были настаивать на немедленном погашении задолженностей, так как под сомнением оказывалась сама возможность того, что контрагент сможет продолжать хозяйственную деятельность в будущем. Именно на таком фоне произошли три самые крупные волны еврейских погромов: в 1881–1882 гг. – после неурожая 1880–1881 гг. и убийства Александра II, породившего среди крестьян опасения о возможном восстановлении крепостного права; в 1903–1906 гг. – на фоне неурожая 1902–1903 гг., Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг.; наконец, в 1917–1921 гг. – на фоне революций, Гражданской войны и сопутствующего им общего экономического кризиса. В интервалах между этими волнами этнические конфликты в черте оседлости носили эпизодический характер. При этом в тех местах, где евреи не занимали доминирующих позиций ни в сельскохозяйственном кредитовании, ни в торговле зерном (например, специализировались на торговле непродовольственными товарами), вероятность погромов оставалась почти нулевой даже в самые тяжелые годы. Механизм, конвертирующий этническую неприязнь как таковую в прямое насилие, был, таким образом, достаточно сложным и «сра-

батывал» по-разному в различных исторических и географических условиях.

М.М. Ми́нц *

* Ми́нц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>

ВАСИЛЬЕВ М.В. ПСКОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ. – Санкт-Петербург : Своё издательство, 2021. – 500 с.

Ключевые слова: Гражданская война в России; крестьянские волнения 1920-х годов; псковская деревня.

Keywords: Civil War in Russia; peasant unrest in the 1920 s; Pskov village.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 113–114. Реф. кн.: Васильев М.В. Псковская деревня в Гражданской войне : сборник документов и материалов. – Санкт-Петербург : Своё издательство, 2021. – 500 с.

Реферируемый сборник состоит из предисловия и архивных документов, часть из которых впервые вводится в научный оборот. Автор сборника, канд. ист. наук М.В. Васильев – член Российской ассоциации историков Первой мировой войны, член ассоциации исследователей Гражданской войны в России, член Российского военно-исторического общества.

В предисловии представлена краткая историография темы в советской, эмигрантской и современной историографии. М.В. Васильев отмечает, что на современном этапе заметен интерес к крестьянским волнениям в годы Гражданской войны, а также публикуются архивные документальные источники. Как пишет автор, «представленные в книге документы и материалы позволяют читателю взглянуть на историю Гражданской войны с разных сторон, комплексно и объективно оценить происходящие события не только с официальной позиции советской власти, но и самого крестьянства» (с. 30).

В сборник вошли документы и материалы из Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга, Отделения докумен-

тов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области, Великолукского отделения Государственного архива Псковской области, Российского государственного военного архива, Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Материалы поделены на две рубрики. В первой рубрике – «Военно-политические процессы в деревне» – отражены следующие темы: мобилизация в Красную армию, организация партизанских отрядов и положение крестьян на оккупированной территории в 1918 г., Белое движение и псковское крестьянство и др. Во второй рубрике – «Социально-экономические процессы в деревне» – представлены выписки из журнала заседаний Псковского продовольственного съезда; Положение о земельных комитетах. Здесь же помещены таблицы, содержащие статистический материал, например, распределение земли в Псковской губернии по угодьям к моменту начала революции 1917 г. и др.

Документы делятся на несколько групп: нормативно законодательные акты; протоколы заседаний партийных организаций разных уровней; отчеты административных отделов и комитетов местных исполкомов. Сводки о политических настроениях и выдержки из писем крестьян, а также отчеты агитаторов и инструкторов, проясняют отношение сельских жителей к Советской власти. Сведения о крестьянах в Красной армии взяты из архивных документов о мобилизации и сопроводительных документов комиссариатов по военным делам. Публикуется ряд документов о дезертирстве, масштабах этого явления, социальном статусе дезертиров. Особое место занимают следственные дела Псковского революционного трибунала. Они позволяют понять военную активность крестьян в годы Гражданской войны, дают представление об уровне бандитизма, также проясняют картину с «зеленым движением» в Псковском крае. Что касается социально-экономической обстановки в губернии, то ясную картину дают статистические обследования псковских деревень в 1917–1921 гг. Статьи и заметки из периодической печати, отражающие впечатления очевидцев и участников событий, передают колорит эпохи (с. 24–26).

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dunaeva@inion.ru

ХАРРИС С. НА ЗАРЕ СОВЕТСКОГО РЕАКТИВНОГО ВЕКА:
ПАССАЖИРЫ «АЭРОФЛОТА» И КУЛЬТУРА АВИАЦИИ ПРИ
НИКИТЕ ХРУЩЁВЕ

HARRIS S.E. Dawn of the Soviet Jet Age : Aeroflot passengers and aviation culture under Nikita Khrushchev // Kritika. – 2020. – Vol. 21, N 3. – P. 591–626. – DOI: 10.1353/kri. 2020.0029

Ключевые слова: гражданская авиация в СССР; хрущевская «оттепель» – социокультурный аспект; хрущевская «оттепель» – социально-политический контекст.

Keywords: civil aviation in the USSR; Khrushchev's «thaw» – a socio-cultural aspect; Khrushchev's «thaw» – the socio-political context.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 115–117. Реф. ст.: Harris S.E. Dawn of the Soviet Jet Age: Aeroflot passengers and aviation culture under Nikita Khrushchev // Kritika. – 2020. – Vol. 21, N 3. – P. 591–626.

В статье Стивена Харриса (Университет Мэри Вашингтон, Фредериксбург, Виргиния, США) рассматривается зарождение пассажирской реактивной авиации в Советском Союзе. Основное внимание автор уделяет не технической стороне этого процесса, а его социокультурной составляющей и общему социально-политическому контексту хрущевской «оттепели». Он использует термин «культура авиации» (aviation culture) для обозначения совокупности произведений, практик, представлений и т. д., направленных на культурное освоение авиации как нового средства передвижения, на осмысление этого феномена и его интеграцию в повседневную жизнь советских граждан.

1956 г. в истории СССР, по замечанию автора, стал не только годом XX съезда КПСС и вторжения в восставшую Венгрию, но и

годом ввода в эксплуатацию самолета Ту-104 – первого реактивного пассажирского лайнера в нашей стране и одного из первых в мире. Самым первым формально был английский DH. 106 Comet фирмы de Havilland, но он в 1954 г. был выведен из коммерческой эксплуатации сразу после катастроф, произошедших с интервалом в несколько месяцев. Появление Ту-104 на этом фоне представляло собою несомненный успех советской промышленности и конструкторской мысли. Переход пассажирской авиации на реактивную тягу сопровождался стремительным ростом пассажиропотока: если в 1940 г. самолетами «Аэрофлота» воспользовались 400 тыс. человек, а в 1950 г. – 1 млн 500 тыс., то в 1964 г. общее число пассажиров составило уже 36 млн 800 тыс. (с. 595). Столь большой объем перевозок был обусловлен не только успешным развитием авиационной техники как таковой, но и общим курсом советского правительства на повышение уровня жизни, которое теперь рассматривалось как существенный элемент построения социализма. Образ реактивной авиации в культуре отражал также характерное для того времени преклонение перед научно-технической революцией. Важным элементом этой культуры, как отмечается в статье, являлись не только самолеты, но и новые аэропорты, активно строившиеся в те годы. Пропаганда и массовая культура периода «оттепели» стремились популяризировать пассажирскую авиацию как новый, современный, доступный, быстрый и комфортный вид транспорта (этот акцент на доступности и комфорте отличает «культуру авиации» второй половины 1950-х – начала 1960-х годов от сталинской эпохи), информировать население о новых возможностях, предоставляемых авиатранспортом, но также и воспитывать граждан, чтобы превратить их в дисциплинированных и культурных пассажиров.

Помимо чисто практических функций гражданская авиация имела и политическое значение: реактивные лайнеры советского производства, обслуживающие международные линии «Аэрофлота», стали своеобразным символом международных связей СССР; советская авиапромышленность оказывала помощь странам Третьего мира. Внутри страны пропаганда стремилась подчеркнуть преимущества советской гражданской авиации перед западной. В то же время на публичный образ советской авиации повлияла и закрытость советского государства: если реклама, к примеру, амери-

канских авиакомпаний во многом строилась на идее о том, что реактивные самолеты расширяют возможности для путешествий по всему миру, сокращая расстояния и стирая границы, то «Аэрофлот» обслуживал в основном внутренние рейсы, число международных рейсов было относительно небольшим: «Вплоть до конца Советского Союза простым гражданам предлагалось рассматривать международные маршруты их авиакомпании как знаки глобальных достижений и мирных намерений их страны, но не как приглашение летать за границу в собственных целях» (с. 625).

*М.М. Минц**

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>

БРАНДЕНБЕРГЕР Д. ГЛОБАЛЬНЫЙ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПО ФОРМЕ, СОВЕТСКИЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ: МЕНЯЮЩАЯСЯ СЕМАНТИКА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА В ОФИЦИАЛЬНОМ СОВЕТСКОМ ДИСКУРСЕ, 1917–1991.

BRANDENBERGER D. Global and transnational in form, Soviet in content: the changing semantics of internationalism in official Soviet discourse, 1917–1991 // Russian review. – 2021. – Vol. 80, N 4. – P. 562–580.

Ключевые слова: советская идеология; советская пропаганда; интернационализм в СССР; история понятий.

Keywords: Soviet ideology; Soviet propaganda; internationalism in the USSR; concept history.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 118–120. Реф. ст.: Brandenberger D. Global and transnational in form, Soviet in content: the changing semantics of internationalism in official Soviet discourse, 1917–1991 // Russian review. – 2021. – Vol. 80, N 4. – P. 562–580.

Статья посвящена эволюции понятия «интернационализма» в советской идеологии и пропаганде. Хронологически исследование охватывает весь период существования РСФСР–СССР. В методологическом отношении оно выполнено главным образом в рамках истории понятий (*нем.* Begriffsgeschichte), в качестве основного источника автор использует редакционные статьи в «Правде» и «Известиях». Он оговаривается, однако, что сама по себе история понятий фокусируется прежде всего на этимологии изучаемого концепта как таковой, это сужает поле зрения исследователя. Чтобы не ограничиваться столь узким видением проблемы, Бранденбергер рассматривает также общий внутри- и внешнепо-

литический контексты изучаемых процессов, анализирует причины описываемых перемен в идеологии.

Как показано в статье, советские представления об интернационализме имеют довольно богатую и сложную историю. До революции Ленин обозначал этим термином прежде всего международную солидарность трудящихся в борьбе с мировой буржуазией, в том числе солидарность угнетенных народов в колониях с рабочими метрополий. С этим, в частности, связано его резкое неприятие «оборончества», распространенного среди социал-демократов в годы Первой мировой войны. После Октябрьской революции и начала Гражданской войны в России под интернационализмом стала пониматься также международная солидарность трудящихся с Советской Россией как с первым в мире социалистическим государством. Этот мотив стал доминирующим в середине 1920-х – начале 1930-х годов, когда пришло понимание того, что мировая революция откладывается на неопределенное будущее и большевистским руководством был взят курс на «построение социализма в одной стране». СССР начал рассматриваться как «родина» мирового пролетариата.

После прихода Гитлера к власти в Германии в 1933 г. Коминтерн санкционировал сотрудничество зарубежных компартий с другими антифашистскими силами в рамках народных фронтов. Это означало новую корректировку понятия «интернационализм», поскольку мотив безоговорочной поддержки Советского Союза теперь дополнялся международной солидарностью в борьбе с фашистской угрозой. Параллельно в середине 1930-х годов интернационализм приобрел также внутривнутриполитическое измерение – в это понятие стала включаться «дружба народов» в границах самого СССР (сам термин был введен Сталиным в 1935 г.). «Дружба народов» в свою очередь довольно быстро – отчасти уже с 1936, особенно же с 1937–1938 гг. – приобрела отчетливо русоцентристский характер. Автор оговаривается, однако, что советский русоцентризм этого периода не следует рассматривать как синоним национализма, поскольку рассуждения о «ведущей роли русского народа» не сопровождалась претензиями на присвоение ему каких-либо привилегий. Таким образом, к началу Второй мировой войны интернационализм был уже довольно многоплановым концептом, мотив «интернациональной помощи» трудящимся других стран

использовался и для оправдания советской агрессии против Польши и Финляндии и аннексии прибалтийских республик в 1939–1940 гг.

С началом Отечественной войны «международное» измерение интернационализма практически исчезло из советской пропаганды, причем на довольно длительный период, примерно до конца 1940-х годов. Лишь в последние годы жизни Сталина это понятие вновь стало применяться к внешней политике. Спектр его значений был довольно широким: сюда включались и отношения между СССР и странами народной демократии, а также с Китайской Народной Республикой, и поддержка Советским Союзом антиколониальных движений, наконец, участие СССР в международном движении за мир. Особенностью представлений об интернационализме в этот период был акцент на руководящей роли СССР: «Хотя существовали разные пути к социализму, советская пресса подразумевала, что все они должны пройти через Москву» (с. 573).

Во многом именно такое понимание интернационализма продолжало существовать и после смерти Сталина. Попытки Хрущёва придать ему более эгалитарный характер (отказ от русоцентризма и от концепции руководящей роли СССР в социалистическом лагере) потерпели неудачу. Интернационалистскую риторику пытался использовать и Горбачёв в годы перестройки, однако начавшийся процесс переосмысления этого концепта прервал распад Советского Союза. После событий 1991 г. термин «интернационализм» довольно быстро вышел из употребления, уступив место новым понятиям «транснационализации» и «глобализации». По мнению автора, это отчасти было обусловлено тем, что интернационализм в его советской трактовке оказался «более этатистским, чем революционным, и более авторитарным, чем освободительным», а его привязка к текущим политическим интересам СССР привела к тому, что с распадом этого государства само понятие «интернационализм» также оказалось нежизнеспособным (с. 580).

*М.М. Мицц**

* Мицц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>

ЗАХАРОВА Л. ВЕРА В БЮРОКРАТИЮ И В ТЕХНОЛОГИЮ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАКТИКИ СЕКРЕТНОСТИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АППАРАТЕ (1917–1991).

ZAKHAROVA L. Trust in bureaucracy and technology: the evolution of secrecy policies and practice in the Soviet state apparatus (1917–91) // *Kritika*. – 2020. – Vol. 21, N 3. – P. 555–590. – DOI: 10.1353/kri.2020.0028

Ключевые слова: государственное строительство в СССР; государственный аппарат в СССР; механизмы власти в ССР; защита информации.

Keywords: state building in the USSR; state apparatus in the USSR; mechanisms of power in the USSR; information security.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 121–124. – Реф. ст.: Zakharova L. Trust in bureaucracy and technology: the evolution of secrecy policies and practice in the Soviet state apparatus (1917–91) // *Kritika*. – 2020. – Vol. 21, N 3. – P. 555–590.

В опубликованной посмертно статье Ларисы Захаровой (1977–2019, Россия – Франция) советские практики секретности и защиты информации рассматриваются в более широком контексте истории советской государственности и общественного развития. В методологическом отношении исследование опирается главным образом на работы Э. Гидденса и Н. Лумана, посвященные различным формам доверия и их взаимодействию на разных исторических этапах: автора интересует прежде всего соотношение между межличностным доверием (основанным на личных связях) и системным доверием (обеспеченным сложившимися институтами, структурами, а также технологиями) применительно к системе за-

щиты государственной и партийной тайны в СССР. Кроме того, в статье исследуется восприятие секретности и секретной информации в обществе и в государственном аппарате. Источниковую базу работы составили документы РГАСПИ, РГАНИ, ГАРФ, РГАЭ, а также Национального архива Республики Татарстан; практики, связанные с секретной информацией, в статье рассматриваются как на общегосударственном, так и на низовом уровнях. Хронологические рамки исследования формально охватывают все годы советского эксперимента, но подробный анализ проблемы ограничивается периодом до 1960 г. включительно; позднесоветский период затрагивается лишь вкратце за недостатком источников.

Как отмечается в статье, страсть большевиков к секретности уходит своими корнями еще в дореволюционную эпоху, когда партия находилась на нелегальном положении и вынуждена была применять изощренные методы конспирации. После Октябрьской революции практика защиты теперь уже не только партийных, но и государственных секретов строилась отчасти на строгом разграничении доступа к секретным сведениям и тщательной проверке лиц, допускаемых к работе с ними, отчасти – на создании сложной, подробно регламентированной системы институтов и практик, относящихся к защите информации. Изученные автором документы показывают, однако, что действующие инструкции по обращению с секретными материалами нарушались регулярно и довольно часто; это свидетельствует и о том, что среди технического персонала межличностное доверие по отношению к сослуживцам было важнее системного доверия, основанного на соблюдении процедур. В свою очередь на высшем «этаже» политического руководства к концу 1930-х годов возобладали неформальные практики управления. Пик этого процесса, по мнению автора, пришелся на 1939–1941 гг., когда даже Политбюро фактически перестало функционировать как коллективный орган власти, а процесс выработки и принятия политических решений сконцентрировался в узком кругу самых близких соратников Сталина. Это тоже можно рассматривать как преобладание межличностного доверия над системным. Кроме того, этот процесс отражал характерное для большевистского руководства представление о секретности и секретной информации как об инструменте политической власти.

Большое значение придавалось также различным технологиям защищенной передачи данных и просто технологиям связи, позволяющим передавать информацию напрямую от отправителя к адресату без участия третьих лиц. К примеру, уже в 1920-е годы для правительственной связи были закуплены первые автоматические телефонные станции – именно тогда просторечное слово «вертушка», обозначавшее телефон с наборным диском, стало синонимом правительственной связи как таковой, а само устройство – символом принадлежности к правящей элите. В 1930-е годы для оперативной связи между руководителями высшего ранга начал использоваться высокочастотный телефон, тогда же началось внедрение различной аппаратуры для защиты данных от перехвата. Распространение технических видов связи позволило значительно сократить объемы бумажной секретной документации, пересылавшейся фельдъегерской почтой, но и лишало высшее политическое руководство возможности контролировать дальнейшую циркуляцию передаваемых сведений.

Автор обращает внимание и на еще одну особенность советской системы: в первой половине XX в. в стране сформировался своеобразный культ секретности, его следствием стал непрерывный рост объема сведений, отнесенных к государственной тайне, но это же привело и к расширению круга лиц, допущенных к работе с секретными материалами. В результате система довольно быстро начала терять эффективность (это проявилось и в задержках при обработке и пересылке секретных документов, и в перегрузке каналов спецсвязи), при этом сама работа с секретной информацией превратилась в обычную повседневную рутину. Стремление засекречивать едва ли не любые сколько-нибудь значимые сведения, таким образом, лишало смысла саму идею государственной тайны как таковую.

Порядок обработки секретных материалов, сложившийся при Сталине, продолжал существовать и в течение нескольких лет после его смерти во многом из-за того, что секретная информация продолжала восприниматься как инструмент власти. Серьезные перемены, по мнению автора, начались лишь около 1960 г.; насколько можно судить по немногочисленным доступным источникам, они выражались в еще более широком использовании телефона и в постепенной децентрализации секретного документооб-

рота в партийных органах. На этом, заключает Захарова, «системное доверие, кажется, было достигнуто и больше не конфликтовало с межличностным доверием, по крайней мере до 1991 г.» (с. 590).

М.М. Ми́нц^{*}

^{*} Ми́нц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>

МЕДВЕДЕВ Д.Л. УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ. ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ. 1939–1965. – Москва : Рипол Классик, 2020. – 861 с.

Ключевые слова: Великобритания во Второй мировой войне; биография; Уинстон Черчилль.

Keywords: Britain in World War II; biography; Winston Churchill.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 125–126. Реф. кн.: Медведев Д.Л. Уинстон Черчилль. Личность и власть. 1939–1965. – Москва : Рипол Классик, 2020. – 861 с.

Д.Л. Медведев – писатель, публицист, историк. В реферируемой работе он дает объемную и подробную биографию Уинстона Черчилля, реконструируя исторический фон и приводя множество значимых деталей и ранее неизвестных сведений.

В первой главе автор рассказывает о поражении возглавляемых Черчиллем тори на выборах летом 1945 г. Но, несмотря на поражение, Черчилль оставался любим в народе. Далее речь идет о написании им большого труда «Вторая мировая война», которая разбита на шесть томов. Вся работа – это описание Второй мировой войны с точки зрения Черчилля. Первый том был озаглавлен «Надвигающаяся буря». В нем Черчилль делает парадоксальный вывод, что Вторая мировая война была легко предотвратима. Черчилль считал, что лучшим средством борьбы со злом является не терпение, смирение и забвение, а открытое, решительное и последовательное противостояние. «Надвигающаяся буря» посвящена не только описанию межвоенного периода и разбору причин, приведших к мировому пожару, но и начальной стадии самого военного конфликта.

В начале ноября 1949 г. Черчилль получил за новое произведение первую награду – литературную премию Sunday Times. Но главным для автора было не признание, а возможность изложить свое видение событий, доказывающее мудрость принимаемых им решений. Черчилль стал олицетворением борца против тирании.

Во второй главе автор показывает, на каких эпизодах Второй мировой войны остановился Черчилль, отмечая, что события на Восточном фронте представлены оскорбительно скромно. При этом британский политик совмещал литературный труд с политической деятельностью: он критиковал премьера Эттли за то, что тот ввергает Великобританию в социализм.

В третьей главе автор обращается к подготовке Черчиллем к противостоянию с СССР, упоминая знаменитую его речь в Фултоне, где он указал на опасность распространения коммунистической идеологии.

В четвертой главе речь идет о том, как британский политик обратился к истории своей страны. Черчилль всегда был моралистом. Он разделяет добро и зло, а также верит в суд истории. Кроме того, особенностью Черчилля-историка является приверженность целенаправленному подходу: он всегда знает, что будет дальше, и подводит читателей к этому. Автор также останавливается на восхищении Черчилля Наполеоном Бонапартом с самого начала его пути в большой политике. Получив первый министерский портфель весной 1908 г., он разместил на письменном столе бюст Наполеона.

В эпилоге автор рассказывает о годах жизни Черчилля после отставки с поста премьера в 1955 г., когда он на старости лет оказался не у дел. Кроме работы над «Историей англоязычных народов» времяпрепровождение Черчилля ограничивалось созерцанием окружающей природы. Автор также описывает пышную церемонию похорон Черчилля, на которую пришли свыше трехсот тысяч человек.

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: alstr189@mail.ru

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. (Сводный реферат).

1. Будницкий О.В. Другая Россия : исследования по истории русской эмиграции. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 629 с. – (Historia Rossica).

2. В движении: русские еврей-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны (1938–1941) / сост., вступ. ст. и общ. ред. О.В. Будницкого. – Москва : Политическая энциклопедия, 2020. – 703 с.

Ключевые слова: русская эмиграция XIX–XX в.; волны эмиграции; Русское зарубежье; русская культура в эмиграции; еврейская эмиграция в СССР (1938–1941 гг.); А.А. Гольденвейзер.

Keywords: Russian emigration of the 19 th–20 th centuries; waves of emigration; Russian abroad; Russian culture in emigration; Jewish emigration to the USSR (1938–1941); A.A. Goldenweiser.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. Новая литература по истории первой волны русской эмиграции [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 127–133. Сводный реф. кн.: Будницкий О.В. Другая Россия: исследования по истории русской эмиграции. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 629 с. – (Historia Rossica) ; В движении: русские еврей-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны (1938–1941) / сост., вступ. ст. и общ. ред. О.В. Будницкого. – Москва : Политическая энциклопедия, 2020. – 703 с.

Книга д-ра ист. наук, профессора, директора Института советской и постсоветской истории ВШЭ О.В. Будницкого «Другая Россия: исследования по истории русской эмиграции» [1] состоит из исторического вступления, в котором рассматриваются четыре

волны эмиграции, и ряда очерков, посвященных разным аспектам и темам эмигрантской жизни.

Подробные и точные сведения об эмиграции начинаются с XIX в. Хотя в Российской империи того времени не велась статистика уезжающих, но, по данным иностранных архивов, с 1820 по 1916 г. страну покинули более 4,5 млн человек, пишет О.В. Будницкий.

После Октябрьской революции 1917 г. и до 1990-х годов было три волны эмиграции. Первая волна началась в годы революции и длилась с 1917 по 1921 г. В этот период уехали приблизительно 1,5–2 млн человек. Были и невольные эмигранты – те, кого новая власть насильно высылала из страны. Это были преимущественно представители научной и культурной интеллигенции.

Как подчеркивает автор, эмиграция отличалась вынужденным характером, массовостью, а представители этой волны – стремлением сохранить в чужой стране культурную и национальную идентичность. Не случайно ее называют «Русским зарубеьем» или, по выражению исследователя М. Раева¹, «Россией за рубежом».

О.В. Будницкий оспаривает сложившееся в историографии мнение, что эмиграция первой волны носила элитарный характер. Он приводит данные, что большинство эмигрантов составляли средние городские слои, студенты, мелкие землевладельцы, крестьяне, солдаты и офицеры. Подавляющее большинство имело начальное образование, около двух третей – среднее, каждый седьмой – университетское. Разумеется, в эмиграционной волне этого периода были представлены и российская интеллектуальная элита, предприниматели, политики, представляющие высокообразованные слои страны.

Первоначально центром эмиграции был Берлин, в котором активно развивалась издательская деятельность эмигрантов. Историк приводит следующие данные: с 1918 по 1928 г. там насчитывалось 188 издательств, открытых эмигрантами. Затем издательская деятельность переместилась в Париж – сосредоточие художественной и научной жизни «Русского зарубежья». Большой попу-

¹ М. Раев – американский историк, один из крупнейших специалистов по истории России, профессор Колумбийского университета, куратор Бахметьевского архива. – *Прим. реф.*

лярностью среди беженцев пользовалась периодика. Издавались журналы «Русская мысль», «Звено», «Современные записки», где печатались такие мэтры, как М.А. Алданов, И.А. Бунин и др.

Вторая волна эмиграции началась после Второй мировой войны. По приблизительным подсчетам по самым разным причинам за границей оставались несколько сотен тысяч граждан. Они подлежали насильственной репатриации в СССР. Довольно сложно оценить, отмечает автор, сколько их было вывезено и сколько осталось за границей.

Третья волна эмиграции, по мнению автора, – это 1950-е годы – 1991 г., когда из страны выехали около 1,8 млн человек. В 1970–1980-е годы из СССР эмигрировало много представителей творческой интеллигенции. К ним относятся насильно высланный А.И. Солженицын, лишённые советского гражданства во время зарубежных поездок В.П. Аксенов, Ю.П. Любимов; оставшиеся за границей во время гастролей М.Н. Барышников, Р.Х. Нуреев и многие другие представители творческой элиты. Будницкий также обращает внимание на издательскую деятельность эмигрантов – журналы «Континент», «Синтаксис», «Время и мы».

После распада СССР и принятия в январе 1993 г. закона о свободном выезде из страны и возвращении обратно пришло время так называемой четвертой волны эмиграции. В это время преобладала трудовая эмиграция.

Далее в книге представлены исследовательские материалы. В очерках активно используются архивные источники, приводятся письма разных лиц. Под рубрикой «Дипломатия в изгнании» помещены биографические очерки о В.А. Маклакове, Б.А. Бахметеве. Основное внимание в них уделено эмигрантскому периоду. Материалы рубрики «Русские деньги за рубежом» затрагивают сюжеты о так называемом русском золоте: «Царское наследство», «Английские приключения русского золота» и «Генералы и деньги» (Врангелевское серебро).

Рубрику «В поисках выхода» открывает материал о необычной судьбе народовольца и историка русского революционного движения В.Л. Бурцева. Он также прославился работой по разоблачению секретных сотрудников Департамента полиции. Среди разоблаченных им такие фигуры, как Е. Азеф, З. Жученко и др. «Коммунистов бей ты враз» – этот очерк посвящен издательской

деятельности С.А. Соколова-Кречетова. Речь идет об уникальном в своем роде журнале «Русская правда», выходившем под эгидой террористической организации «Братство Русской правды». «Кажется, скоро русских придется искать лишь среди евреев» – под таким заголовком публикуется переписка двух корифеев русской адвокатуры В.А. Маклакова и О.О. Грузенберга. В переписке адресанты обменивались мнениями об эмиграции, но также обсуждали историософские и актуальные политические проблемы, вопросы закона и права, учение Льва Толстого, пишет О.В. Будницкий. В переписке Б.Л. Гершуни и А.А. Гольденвейзера затрагивается тема эмиграции евреев. Истории создания «Русского журнала», издававшегося в Нью-Йорке, посвящен отдельный очерк.

Следующая рубрика посвящена тому, как эмигранты пережили Вторую мировую войну и послевоенное время. Публикация «Попытка примирения» дает представление о том, как эмигранты после войны пытались наладить отношения с советской властью. Также уделено внимание расколу эмиграции по отношению к фашизму. Очерк «Новый курс: “Программа Маклакова”» посвящен попытке В.А. Маклакова сформулировать такую политическую программу, которая бы сплотила силы патриотически настроенных эмигрантов. «Дело Нины Берберовой» – в этом материале приводится краткая биография Н.Н. Берберовой, в которой уделено внимание ее сложной судьбе в годы фашистской оккупации Франции. Публикуется избранная переписка Н.Н. Берберовой с писателями М.А. Алдановым, И.А. Буниным, Г.В. Адамовичем, М.В. Вишняком – бывшим эсером, секретарем Учредительного собрания, одним из редакторов «Современных записок».

В рубрике «Очерки и портреты» приводится оценка Ленина в письмах Лидии Дан (сестра Юлия Мартова). Неординарной судьбе русского предпринимателя Н.Е. Парамонова посвящен отдельный очерк. Крупный капиталист, человек американской складки – так характеризует его О.В. Будницкий. Вдобавок к этому Н. Парамонов известен как издатель. В 1903 г. он организует издательство «Донская речь», которое печатает дешевые книги и брошюры популярных авторов: И.А. Бунина, А.И. Куприна, Л.Н. Андреева и др. В то же время Парамонов сотрудничал с социал-демократами и печатал их листовки и прокламации. Об эми-

грантской судьбе историка А.А. Кизеветтера дает представление материал «Наследник Ключевского».

Е.В. Саблин – один из лидеров и представителей русской колонии в Англии. Он был председателем Объединенного комитета русских организаций в Англии, прославился своим «Русским домом» – местом встреч эмигрантов. Здесь проводились собрания, лекции и концерты, организовывались дни русской культуры.

Портрет женщины с необычной судьбой представлен в очерке «“Первая леди” русской эмиграции (А.В. Тыркова)». Талантливая писательница и публицист, она много сил отдала борьбе за женскую эмансипацию. В очерке «Внучка президента при дворе императора (Юлия Кантакузен-Сперанская)» рассказывается о том, что дедом Юлии (Джулии) был генерал Улисс Грант, участник Гражданской войны в США, президент Америки в 1869–1877 гг. Ее муж – потомок византийских императоров, внук М.М. Сперанского, русский гвардейский офицер, князь Кантакузен, граф Сперанский. Юлия Кантакузен-Сперанская делилась своими впечатлениями о России в «The Saturday Evening Post», активно работала в обществах помощи русским эмигрантам. И завершает книгу очерк «Гражданин княжества Лихтенштейн (Н.А. Базили)». Дипломат, он прославился не только на этом поприще, но и как автор уникального издания – «Россия под Советской властью» (Париж, 1937 или 1938 г.). В этой книге, по словам О. Будницкого, представлена своего рода энциклопедия знаний русской эмиграции об экономическом и духовном состоянии, политической системе Советской России.

Теме эмиграции евреев посвящена книга «В движении: русские еврей-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны (1938–1941)» [2]. Книга, можно сказать, состоит из двух частей. В первой части приведен подробный биографический очерк О. Будницкого «Три жизни Алексея Гольденвейзера». Юрист и активный общественный деятель эмиграции состоял в переписке с самыми разными людьми, от рядовых эмигрантов до знаменитых писателей. Поэтому большая часть (почти 500 стр.) книги отведена его выборочной переписке. В приложении приводятся «избранные статьи А.А. Гольденвейзера 1938–1940 гг. по вопросам, часто затрагивавшимся в его переписке: об американском иммиграционном законодательстве и иммиграционной политике, а также об от-

ношении к европейскому кризису. Еще один сюжет – “охота за русскими капиталами” в США, развернувшаяся после признания Соединенными Штатами СССР в ноябре 1933 г.» [2, с. 567].

По мнению О. Будницкого, А.А. Гольденвейзер – одна из ключевых, но недооцененных фигур эмиграции. В биографическом очерке историк активно использует архивные материалы, переписку из фонда Бахметевского архива Колумбийского университета.

Александр Александрович Гольденвейзер родился в 1890 г. в семье преуспевающего киевского адвоката. Он учился в Первой киевской гимназии, затем продолжил обучение в университете св. Владимира. Вероятно, уже в студенческие годы примкнул к движению социалистов-революционеров. Во всяком случае, был арестован за распространение прокламаций.

В 1921 г. А. Гольденвейзер вместе с семьей эмигрировал из страны в Берлин. В эмиграции он занимался адвокатской практикой и много писал на политические и экономические темы. Сотрудничал с такими изданиями, как берлинская газета «Руль», парижские «Последние новости» и «Звено». Также он был активным участником «Союза русских евреев в Германии» и «Союза русской присяжной адвокатуры в Германии», других объединений русской адвокатуры за границей. Был экспертом Нансеновского офиса по делам беженцев при Лиге Наций. Наряду с практической адвокатской работой по защите интересов эмигрантов он сотрудничал с печатными изданиями и выступал в разных организациях с докладами. Среди них: лекция о творчестве Л.Н. Толстого, о современной ему России, о методических вопросах изучения истории и т.п.

В декабре 1937 г. начинается новый этап эмиграции Гольденвейзера – американский. Он по-прежнему активно работал в эмигрантских изданиях: в рижской газете «Сегодня», в парижских «Последних новостях», нью-йоркском «Новом русском слове». Также продолжалась работа в общественных организациях: «Союзе русских евреев», «Комитете им. Я.Л. Тейтеля», «Кружке русских юристов». В эти годы он поддерживал активную переписку как с представителями культурной и интеллектуальной элиты (М.А. Алдановым, И.В. Гессеном и др.), так и с простыми эмигрантами, нуждавшимися в помощи и защите. Самые разные люди писали ему с просьбой помочь перебраться в Америку. Объем пе-

реписки вырос в разы, а хлопоты в десятки раз, замечает О. Будницкий. Но, несмотря на такую нагрузку, Гольденвейзер успевал заниматься еще писательскими и издательскими делами.

Но, как уже упоминалось выше, отдельное и значимое место в наследии А.А. Гольденвейзера занимает переписка со знаменитыми, малоизвестными и простыми людьми. В его обширной переписке и публицистике отразились «пути и перепутья» русско-еврейской эмиграции первой половины XX в. Отразились в разной степени, особенно подробно – в письмах конца 1930-х – середины 1950-х годов, пишет О. Будницкий.

В книгу включена переписка Гольденвейзера с 81 корреспондентом. Среди них: Э.М. Арон – занимавшаяся общественной благотворительной столовой «Союза русских евреев в Германии»; Д.Г. Будневич – клиент Гольденвейзера в Берлине; М.Е. Вейнбаум – журналист, редактор, работавший в газетах «Русское слово», «Русский голос», «Новое русское слово»; юрист и публицист Л.М. Зайцев – член Союза русской присяжной адвокатуры в Берлине, Партии народной свободы (кадетов) и многие другие [2, с. 57, 66, 67, 126].

Оставшееся обширное архивное письменное наследие А.А. Гольденвейзера (только переписка занимает десять коробок) дало основание О.В. Будницкому совершенно справедливо назвать его хроникером русско-еврейской эмиграции.

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dunaeva@inion.ru

ЙЫЛМАЗ М. ТУРЦИЯ. ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ СТРАНЫ. – Москва : АСТ, 2021. – 288 с. – (История на пальцах)

Ключевые слова: история Османской империи; современная история Турции.

Keywords: history of the Ottoman Empire; modern history of Turkey.

Для цитирования: Чедия А.Р. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 134–138. Реф. кн.: Йылмаз М. Турция. Полная история страны. – Москва : АСТ, 2021. – 288 с. – (История на пальцах).

Работа исследователя Йылмаза Мехмеда посвящена истории Турции с первой половины XIII в. до 2017 г. В аннотации к работе автор отмечает, что, по его мнению, история Турции – это не история Анатолии или Малой Азии с момента возникновения здесь неолитических культур, а история именно Турецкого государства от первых османских правителей до современных лидеров, как принято в современном научном дискурсе (с. 20).

Работа состоит из 14 глав, разделенных на параграфы. Свое исследование автор начинает с описания фиксации ключевых дат в истории турок Османской империи и Турецкой Республики – от победы сельджуков над византийцами в битве при Манцикерте в 1071 г. до избрания Реджепа Тайипа Эрдогана президентом Турецкой Республики в 2018 г. Далее автор дает краткую биографическую справку 25 самых знаменитых деятелей в истории Турции и

список османских племенных вождей (улубеев¹) и султанов (падишахов²).

Первая глава посвящена рождению Османской империи в ранний период истории турок – от правителя огузского племени кынык Сельджука до османского султана Мурада II. Потомки Сельджука за короткий период завоевали огромные пространства Ближнего и Среднего Востока, Закавказья и Малой Азии. Расцвет Сельджукской империи пришелся на конец XI в., после чего в государстве начались центробежные тенденции, а в XII в. под натиском монголов оно распалось на ряд бейликов³, одним из которых был Османский. Первым вождем османского бейлика был Эртогрул. Благодаря выгодному расположению османского феодального владения вблизи Византии первые султаны – Осман, Орхан I и Мурад I – распространили влияние своего государства на огромные пространства в Малой Азии и Европе.

Вторая глава посвящена биографии султана Баязида I Молниеносного. Особое внимание уделяется его европейским завоеваниям во второй половине XIV в. В период его правления османы завоевали ряд регионов Балканского полуострова. Баязид I неоднократно осаждал город Константинополь. Продвижение Османской империи в Европе и Малой Азии было остановлено разгромом армии последнего Тамерланом в битве при Ангоре в 1402 г.

Третья глава посвящена деятельности потомков Баязида I. После его пленения Тамерланом Османское государство было разделено между сыновьями султана – Исой, Мустафой, Мусой и Мехмедом. Почти десятилетнее противостояние братьев привело к победе Мехмеда, «второго основателя Османского султаната» (с. 90). В конце своего правления султан Мехмед I передал управление империи своему сыну Мураду II.

В период своего правления Мурад II (1421–1451) расширил владения империи в Малой Азии, захватил ряд важных городов в Европе, говорится в четвертой главе. Еще до своей смерти Мурад II отрекся от престола в пользу сына Мехмеда II, который благода-

¹ В переводе с турецкого улубей – uluğ bey, где uluğ – великий, bey – вождь, господин. – *Прим. реф.*

² От древнеперсидского «pati-xšāyaθīya» – «великий господин». – *Прим. реф.*

³ Бейлики – феодальные владения в Анатолии в XI–XVI вв. – *Прим. реф.*

ря захвату Константинополя в 1453 г. и Кафы (Феодосии) в 1475 г. стал одним из самых значимых правителей Османской империи.

В пятой главе автор описывает противостояние сыновей Мехмеда II – Джема и Баязида – в борьбе за султанский престол, которое закончилось победой последнего. Баязид II, по мнению автора, хорошо управлял государством, за что в народе получил прозвище Справедливый (с. 134). Укрепление государства при Баязиде II позволило его сыну Селиму I стать выдающимся полководцем позднего Средневековья и Раннего Нового времени, противостоявшим персидскому шаху Исмаилу I, основателю династии Сефевидов. За годы правления Селим I завоевал земли в Восточной Анатолии и на Ближнем Востоке, разгромил государство мамлюков, тем самым расширив свои владения на трех континентах и увеличив территорию государства примерно на 70% (с. 138).

Шестая глава посвящена Сулейману I Кануни-Законодателю, при котором империя достигла вершины своего развития. К Османской империи были присоединены значительные территории в Европе, Азии и Северной Африке. Эпоха Сулеймана I стала периодом расцвета османской культуры, охватившей все сферы – от литературы, изобразительного искусства до архитектуры (с. 160).

Седьмая глава описывает правление султана Мурада III и кризисные явления в системе османского землевладения, когда Османская империя достигла максимальных размеров. Однако неумелое правление Мурада III стало причиной начала упадка военной мощи империи. При Мураде III продолжался период, названный историками султанатом женщин, при котором большое влияние на государственные дела оказывали жены султанов.

Восьмая глава охватывает историю Османской империи со второй половины XVII до первой половины XVIII в. С 1650-х годов в империи началась эпоха Везирата Кёпрюлю – управление государством великими везирами из рода Кёпрюлю. Эта эпоха ознаменовалась стабильностью во внутренней и внешней политике, а также повышением престижа власти. После смерти последнего великого везира Нуман-паши власть в стране переходит султану Ахмеду III, который считается основоположником «эпохи тюльпанов» (1718–1730), когда, по мнению автора, османский двор подражал всему западному. «Эпоха тюльпанов» закончилась

в 1730 г. восстанием под предводительством албанца-янычара Халила по прозвищу Патрона, охватившем всю Империю.

Весь XVIII в. Османская империя переживала кризис в военной, политической, социально-экономической сферах, отмечается в девятой главе. Для преодоления кризиса султан Селим III начал неудачную военную и административную реформу под названием новый порядок. После смерти Селима III его сын Махмуд II продолжил реформы. Как и его отец, он потерпел ряд поражений в войнах с Российской империей и стремился реформировать страну по европейскому образцу: отменил военно-ленную систему и расформировал янычарский корпус.

10-я глава посвящена периоду танзимата¹ – 1839–1876 гг. Говоря о его итогах, автор считает, что более половины из задуманного было претворено в жизнь. Османская империя повернулась лицом к Европе, однако внутри самой страны большинство населения стало жить хуже, чем раньше (с. 208). Победа в Крымской войне с Россией (1853–1856 гг.) обернулась для Османской империи усилением зависимости от западных держав, главным образом от Великобритании и Франции.

В 11-й главе описывается период правления султана-самодержца Абдул-Хамида II, когда на смену периоду модернизации в результате поражения в войне с Российской империей 1877–1878 гг. пришел период деспотизма, получивший название зулум (гнет). В империи появляется новая реформаторская ячейка – младотурки, которые уже в начале XX в. совершили революцию и низложили Абдулхамида II.

В 12-й главе говорится об участии Османской империи в Первой мировой войне (1914–1918), что привело к ее распаду. На большей части территории империи были созданы государства и образования под внешним управлением. В июле 1923 г. на международной конференции, проходившей в Лозанне, был подписан мирный договор Турции со странами-победительницами. Лозаннский договор юридически оформил распад Османской империи, установив новые границы Турции.

13-я глава посвящена Мустафе Кемалю Ататюрку, сумевшему создать независимое государство на обломках империи и стре-

¹ Реформы по модернизации Османской империи в XIX в. – *Прим. реф.*

мившемуся полностью преобразовать страну по европейскому образцу. Автор отмечает, что реформы Ататюрка не только вывели Турцию на путь динамичного развития, причем за короткий срок, но и изменили турецкое общество, подготовив его к жизни в новых условиях (с. 238).

14-я глава описывает историю Турции XX – начала XXI вв., в том числе четыре военных переворота: 1960, 1971, 1980, 1997 гг., в ходе которых военные, сторонники кемализма, стремились каждый раз возвращать страну на путь Ататюрка. В главе показаны изменения в политической системе государства, а именно – преобразования парламентской республики в президентскую.

В заключение автор пишет о двух загадках в истории Турции: как и почему маленький османский бейлик сумел превратиться в Османскую империю и почему османской династии удалось управлять империей на протяжении шести веков.

*А.Р. Чедия**

* Чедия Анри Р. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). e-mail: chedia@inbox.ru

ЯКИМОВА Е.А. ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИЗРАИЛЯ И ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ / Институт Ближнего Востока. – Москва, 2020. – 338 с.

Ключевые слова: Израиль и Германия; Холокост; проблемы межгосударственных отношений; К. Аденауэр; Израиль и объединенная Германия.

Keywords: Israel and Germany; Holocaust; problems of interstate relations; K. Adenauer; Israel and a united Germany.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 139–144. Реф. кн.: Якимова Е.А. Векторы взаимодействия Израиля и Германии в контексте международных отношений. – Москва : Изд-во Ин-та Ближнего Востока, 2020 г. – 338 с.

Якимова Елизавета Александровна – российский историк, специалист в области внутренней и внешней политики Израиля, израильской дипломатии, еврейской общины стран СНГ и Балтии. В реферируемой работе автор, опираясь на впечатляющий корпус источников, раскрывает все стороны сотрудничества двух стран на протяжении нескольких десятилетий, охватывающих послевоенную историю Германии и Израиля.

В предисловии автор выделяет поставленные перед собой задачи. Это, во-первых, роль Холокоста, названного им Катастрофой, на различных этапах и в разных формах отношений Израиля и Германии и предположение о том, какое место этот фактор будет занимать в контактах двух стран в будущем. Во-вторых, попытка заполнить пробелы в изучении других значимых аспектов германо-израильского взаимодействия, о которых речь заходит редко или не упоминается вовсе. Основной акцент был сделан на характеристике взаимоотношений Германии и Израиля (с. 9–10).

Автор рассматривает немецких евреев в Израиле и еврейские общины Германии как факторы развития двусторонних отношений. Еврейское население современной Германии насчитывает порядка 100 тыс. человек, что составляет примерно 1,5% от общего количества жителей страны. По переписи населения, проведенной 16 июня 1933 г., в стране проживали порядка 500 тыс. евреев, что было чуть менее 1% общего населения страны. Послевоенная община Германии насчитывала порядка 25 тыс. человек (с. 12–13).

Число евреев, покинувших Германию и искавших спасения в Палестине, составило около 10% тех, кто смог вовремя покинуть страну после прихода к власти нацистов. Они расселились главным образом в окрестностях Тель-Авива и Иерусалима. Однако на исторической родине процесс их адаптации шел крайне сложно. Проблемы вызывало уже то, что говорили они на немецком языке и считали родной для себя культуру, основанную на немецкой классике, в то время как для евреев Палестины враждебным стало все, что хоть как-то касалось Германии. Для них был придуман специальный термин «йекке» (с. 23).

Важным этапом в формировании современной еврейской общины ФРГ стал распад СССР. Уже в 2007 г. ее численность перевалила за 100 тыс. человек, что объяснялось массовым выездом евреев с территории СССР/СНГ. Они прибывали в Германию на основании закона об «условных» или «контингентных» беженцах 1991 г. Советские евреи не должны были доказывать факт преследований, поскольку основанием для переезда уже была историческая ответственность Германии за Катастрофу. В качестве подтверждения национальной принадлежности использовались советские документы с «пятой графой». Однако в еврейские общины ФРГ полноценно смогли интегрироваться менее половины из более, чем 200 тыс. приехавших, поскольку доказать свое еврейство для государства они могли, а вот с точки зрения Галахи (традиционное иудейское право) – нет (с. 13–14).

12 мая 1965 г. Израиль и Западная Германия установили дипломатические отношения. Первое посольство Израиля было открыто в августе того же года в Кёльне, на базе миссии, работавшей там с начала 1950-х годов, в 1966 г. учреждение переехало в Бонн. В 1965 г. Рольф Фридеман Паулс, первый посол ФРГ в Израиле,

прибыл в Тель-Авив. Первым послом Израиля в ФРГ был назначен Ашер Бен Натан (с. 28).

Говоря о проблемах сотрудничества Израиля с объединенной Германией, автор отмечает, что многие израильские политики – выходцы из Европы, потерявшие близких во время Холокоста, включая премьер-министра И. Шамира и премьер-министра Ш. Переса, выражали опасения в связи с планами по объединению ФРГ и ГДР (с. 34). Непокойной была и израильская общественность, особенно представители старших поколений, лично пережившие Катастрофу. С их точки зрения, Германия навсегда должна быть разделена в наказание за свои преступления, а также для гарантии невозможности повторения страшной трагедии (с. 34). В целом период 1989–1992 гг. стал для двусторонних отношений кризисным. Задачу сглаживания напряженности взяла на себя Германия, пытаясь изменить восприятие Израиля путем соглашений в сфере ВПК, а также организуя взаимные визиты на государственном уровне (с. 36). При канцлере Г. Шрёдере (1998–2005) германское правительство взяло курс на активизацию внешней политики в целом и ее ближневосточного направления в частности. В указанный период динамика визитов продолжила возрастать, а тематика встреч главным образом была сосредоточена на ситуации на Ближнем Востоке (с. 38).

Говоря о взаимодействии ФРГ и Израиля при канцлере А. Меркель (2005–2021), автор отмечает ее безоговорочную поддержку тезиса о вечной ответственности, которую будет нести Германия за Холокост. Кроме того, она открыто признает, что ближневосточная страна постоянно подвергается угрозам ракетных обстрелов со стороны ХАМАС, а также то, что большая угроза миру исходит не от Израиля, как считают его противники, а от Ирана (с. 42). Что касается прогноза развития германо-израильского диалога после А. Меркель, то здесь автор опирается на позицию израильского журналиста Э. Бека, работающего в Европе. Бек считает, что в будущем личный опыт и персонализированный подход могут в значительной степени заменить поддержание двусторонних контактов (с. 56).

Автор затрагивает и такой вопрос, как отношения Израиля с федеральными землями Германии. Наиболее явно этот процесс проявляется на примере городов-побратимов. Сегодня существует

90 пар городов-побратимов в Израиле и ФРГ, при этом наибольшее количество (29) приходится на федеральную землю Северный Рейн-Вестфалия. Далее следуют Берлин, Нижняя Саксония и Бавария (с. 61–62).

Затем автор рассматривает проблемы и перспективы контактов Израиля и Германии в экономической сфере. Признание «вечной ответственности» Германии за преступления национал-социалистов в отношении евреев, сделанное К. Аденауэром в 1951 г. и подкрепленное А. Меркель, наложило на страну не только моральные, но и финансовые обязательства по выплате компенсаций. В обществах обеих стран были возражения по этому поводу. С израильской стороны было много тех, кто не хотел принимать «кровавые деньги», воспринимая репарации как своего рода символ прощения нацистов за преступления. В Западной Германии боялись, что большая сумма выплат подорвет экономику ФРГ. Впрочем, соглашение было подписано 10 сентября 1952 г. в Люксембурге (с. 70). Его заключению способствовала жесткая позиция премьера Д. Бен-Гуриона, полагавшего, что эти деньги необходимы для подъема израильской экономики и интеграции репатриантов. В среднем поставки из ФРГ за счет репараций в период действия соглашения, т.е. с 1953 по 1966 гг., составляли от 12% до 20% израильского импорта (с. 71–72). В то же время власти ГДР отказались выплатить представленный им Израилем в 1951 г. счет на 500 млн долларов, сославшись на то, что не считают себя приемниками Третьего рейха и не могут нести ответственность за преступления нацизма, так как сами от них пострадали (с. 72).

В книге отмечается, что Израиль является импортером немецких вооружений и боевой техники, более того, даже лидирует среди стран, не входящих в НАТО и ЕС. И все же имели место случаи сдерживания поставок. Так, в 2002 г. на фоне эскалации палестино-израильского конфликта ФРГ решила временно заморозить экспортные лицензии на детали, необходимые для проекта танка «Меркава IV». Отличительный признак взаимодействия в сфере вооружений – их максимальная закрытость для публики (с. 86–87).

ВМФ также играл определенную роль в развитии германо-израильских контактов: Израиль приобретал германские патрульные катера и подводные лодки «Дельфин».

Автор рассказывает о подходах экспертно-аналитического сообщества к германо-израильскому сотрудничеству, о работе ряда общественно-политических фондов Германии в Израиле. Рассматривается культурное, научное и спортивное германо-израильское взаимодействие. Взаимодействие Германии и Израиля также имеет место в науке и образовании. Автор отметил молодежный обмен, который осуществляет Deutsche Akademische Austauschdienst (DAAD), имеющий свой информационный центр в Тель-Авиве. В 2001 г. был основан Германо-израильский координационный центр по обменов. Особое место среди студенческих программ занимают те, что посвящены мемориализации Катастрофы (с. 142–43).

Отношения с Евросоюзом представляют важное направление израильской внешней политики. С одной стороны, Иерусалим пытается оказать воздействие на Брюссель с тем, чтобы единый европейский подход к палестинской и иранской проблемам в большей степени принимал во внимание интересы Израиля и его дипломатии. С другой стороны, ЕС – это еще и важный источник финансирования научно-исследовательских разработок и масштабный рынок для Израиля. В 1994 г. объединенная Германия впервые председательствовала в Европейском совете. С окончанием этого периода связано предоставление Израилю «особого статуса» в сотрудничестве с ЕС. Такое решение, по данным израильского МИД, было основано на экономических достижениях Израиля, а также на усилиях по стабилизации отношений с соседями.

Контакты Израиля и ФРГ имеют место и по линии НАТО. Так, знаковым для Израиля событием для сближения с блоком стал 1994 г., когда был дан старт программе «Средиземноморский диалог», направленной на укрепление сотрудничества НАТО и восьми государств региона (с. 160).

Германо-израильские отношения имеют место также на площадке ООН, при этом ФРГ на голосованиях зачастую оказывается на стороне израильских противников. Так, в ноябре 2018 г. из 21 резолюции Генассамблеи ООН против Израиля представители Германии поддержали 16 и воздержались по четырем (с. 168).

Что касается взаимодействия Германии и Израиля для решения проблем Ближнего Востока и Африки, то и здесь на динамику сотрудничества Иерусалима и Берлина влияет палестино-израильский конфликт. Ситуация осложняется из-за палестинской общи-

ны ФРГ. В современной Германии, где численность палестинцев может составлять порядка 100 тыс. человек, пишет автор, полиция активно действует против организаций, заподозренных в поддержке палестинского движения ХАМАС (с. 181). Но главная опасность для Европы в целом и для ФРГ в частности заключается в риске радикализации мусульманского населения. Автор также останавливается на восприятии ливанской группировки «Хизбалла» в ФРГ, цель которой, по заявлению ее лидера, – уничтожение Израиля (с. 194).

Еще один фактор в германо-израильских отношениях касается Ирана. Иранский вопрос имеет две составляющие – идеологическую и практическую. Последняя касается противостояния между Иерусалимом и Тегераном на таких направлениях, как ядерная угроза и усиление присутствия на Ближнем Востоке.

В заключение автор отмечает, что прошло 55 лет официального дипломатического сотрудничества и 75 лет отношений между Германией и народом Израиля. Для их развития определенное значение имеет расклад политических сил в Германии. Например, успех популистской партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), имеющей противоречивую репутацию, для Израиля рискует создать новую реальность при вполне устоявшихся отношениях. Рано или поздно проблема популярности АдГ может переместиться на федеральный уровень, и тогда Израиль откажется взаимодействовать с германским правительством (с. 242–243). Однако, считает автор, возможен и другой сценарий, при котором АдГ все же может заслужить если не доверие, то хотя бы интерес к себе партнеров с израильской стороны.

Подводя итог, автор отмечает, что специфической чертой германо-израильских отношений является то, что они смогли преодолеть колоссальное отчуждение двух народов после Второй мировой войны. Германо-израильские отношения также характеризуются особым духом ответственности, и именно его поддержание станет залогом дальнейшего взаимодействия на многие годы вперед (с. 245).

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: Dr.Watson.S@mail.ru

ТОДОРОВИЧ М. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСМАНСКОГО НАСЛЕДИЯ В СЕРБИИ.

TODOROVIĆ M. The Problems of Studying Ottoman Heritage in Serbia // Journal of Balkan and Black Sea Studies. – 2021. – Vol. 4, N 6. – P. 213–237.

Ключевые слова: османское историко-культурное наследие; Сербия и Османская империя; изучение османской эпохи в Сербии.

Keywords: Ottoman historical and cultural heritage; Serbia and the Ottoman Empire; study of the Ottoman era in Serbia.

Для цитирования: Чедия А.Р. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 145–148. Реф. ст.: Todorović M. The Problems of Studying Ottoman Heritage in Serbia // Journal of Balkan and Black Sea Studies. – 2021. – Vol. 4, N 6. – P. 213–237.

Сербский исследователь Милош Тодорович затрагивает вопросы, связанные с изучением и отражением османского историко-культурного наследия в общественном сознании сербов. Как известно, на протяжении длительного времени со второй половины XV по конец XIX в. территория Сербии находилась под внешним и прямым управлением Османской империи. По словам автора, несмотря на длительный период взаимодействия османов с сербским населением и большим историко-культурным наследием османского присутствия в регионе, данный вопрос выходит за рамки исследований этого большого отрезка истории страны. Не существует отдельного направления в изучении археологии, а также истории искусства османской эпохи в Сербии. В этой связи статья автора является попыткой заполнения лакун в изучении данных вопросов.

В первой части исследования автор рассматривает с его точки зрения «довольно скромные» попытки анализа османского наследия в Сербии историками-искусствоведами О. Зироевич и А. Андреевичем. По мнению автора, несмотря на значительное влияние османов на культуру Сербии, в научном дискурсе, а также в общественном сознании населения страны османский период выступает как «темные века». Османское присутствие в Сербии воспринимается как «иго», сами османы выступают колонизаторами и угнетателями сербского народа.

Во второй части исследования под названием «Коллективная память против историографии» автор указывает на то, что важнейшей проблемой изучения османского периода истории Сербии является негативное восприятие населением страны своего османского исторического прошлого. По мнению автора, такие понятия, как «темные века истории» и «турецкое иго», возникли в первую очередь в общественной, а не в научной среде, что подтверждает рост сербского национализма в 1990-х годах. Автор отмечает, что османы, будучи мусульманами, воспринимаются как враги христианства и, соответственно, враги сербской национальной идентичности.

Тем не менее, анализируя османский период в истории Сербии, автор приходит к следующим выводам: османы оставались веротерпимыми по отношению к христианскому и иудейскому населению; немусульманские общины должны были выплачивать «харадж»¹, гарантирующий безопасность немусульманского населения. И хотя выплата этого налога рассматривалась сербами как элемент угнетения, автор полагает, что Османская империя была самой либеральной страной Европы в период Высокого Средневековья (с. 217). В Сербии действовала система «миллетов»², которая обеспечивала православным христианам сохранение своей религиозной идентичности. Однако, несмотря на веротерпимость османов, христиане, иудеи и мусульмане не были равны. Правящий класс был представлен исключительно мусульманами, и никто не мог занимать высокое положение ни в армии, ни в админи-

¹ Государственный налог за пользование землей. – *Прим. реф.*

² Группа людей одной веры, имеющая автономные административные учреждения. – *Прим. реф.*

страции, будучи представителем другой веры. По этой причине многие прагматичные православные сербы добровольно принимали ислам. Однако, как отмечает автор, известно немало случаев принудительного принятия ислама сербами. В Сербии практиковался «девширеме» – «налог на кровь», который взимался один раз в три – семь лет, когда власти забирали здоровых детей мужского пола в возрасте от восьми до двадцати лет в Стамбул. В сербской коллективной памяти этот акт рассматривается как похищение детей. Вместе с тем социальная мобильность в Османской империи позволяла детям из беднейших сербских семей становиться влиятельными чиновниками. Некоторые сербы могли дослужиться до должности великого визиря¹.

В третьей части автор затрагивает вопросы, связанные с сербской национальной идентичностью и отношением сербов к османам как к «другим» – колонизаторам, врагам и т.д. «Инаковость» османов с точки зрения сербского общественного мнения была связана с различиями в сфере культуры, религии и национальной специфики. В то же время автор полагает, что указанный подход не полно отражает реальность. Османы распространили на Балканах новую культуру и религию, и она была воспринята сербами довольно быстро: часть сербского населения приняла ислам.

М. Тодорович считает, что к османскому культурному наследию в Сербии следует относить в первую очередь архитектурные и градостроительные памятники: фортификационное сооружение Рам, основанное в XV в., крепость Смедерево, мечети в городах Нови-Пазар, Приполе, преобразованные в мечети христианские комплексы и т.д., а также элементы повседневной жизни современных сербов – от сохранившихся языковых традиций до культуры питания и восточных мотивов в орнаментах одежды.

Автор особо отмечает фрагментарность наличия артефактов османского присутствия в национальных музеях Сербии. Экспонаты сербских музеев ограничиваются монетами османской эпохи, в то время как величайшие произведения искусства, связанные с османским присутствием в Сербии, в них не представлены, хотя в музеях широко экспонируются предметы немусульманского культурного наследия. В частности, такой политики придерживается

¹ Главный министр Османской империи. – *Прим. реф.*

руководство Национального музея Белграда. Османское культурное наследие фрагментарно можно увидеть только в нескольких музеях. Например, в музее города Смедерево, на территории которого, как указывалось выше, были расположены османская крепость и военная администрация.

Для наглядной демонстрации места османского культурного наследия в стране автор обращается к современной сербской идеологии и ее роли в мифологизации историко-культурного наследия предыдущих эпох. В 1990-е годы в общественном сознании Сербии (на тот период Югославии) доминировала правая, националистическая идеология. Средневековое наследие оказалось в центре внимания в общественно-политическом и научном дискурсе. Дососманский период назывался «золотым веком» в истории Сербии. Подобная позиция, уточняет М. Тодорович, доминировала вплоть до падения режима Слободана Милошевича¹, когда к власти в стране пришла прозападно ориентированная оппозиция.

Новое правительство дистанцировалось от идеологии национализма 1990-х годов. На смену ей пришла концепция «европейской Сербии» – неотъемлемой части Европы, «места рождения римских императоров». При этом османское культурное наследие было совершенно забыто в 1990–2000-х годах (с. 229).

Примечательно, что в соседних странах, а именно в Боснии и Герцеговине, Албании и даже в Северной Македонии, в тот же период (в 2000-х годах) архитектурные памятники османского культурного наследия стали неотъемлемой частью туристического бизнеса. Османский период в этих странах также воспринимается как период «турецкого ига», но их правительства нашли способы применения османского культурного наследия в отличие от Сербии, где оно вытесняется из общественного дискурса (с. 230).

*А.Р. Чедия**

¹ В результате так называемой бульдозерной революции в Югославии, проходившей с сентября по октябрь 2000 г. – *Прим. реф.*

* Чедия Анри Р. – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). e-mail: chedia@inbox.ru

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ : сб. статей / сост., предисл. Ю. Маннхерц ; пер. с англ. Н. Эйдельмана. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 264 с. – (Studia Europaea).

Ключевые слова: история России XIX–XX вв.; иррациональное в русской культуре.

Keywords: the history of Russia in the 19 th and 20 th centuries; irrational in Russian culture.

Для цитирования: Любин В.П. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН, РАН, 2022. – № 3. – С. 149–153. Реф. кн.: Иррациональное в русской культуре : сб. статей / сост., предисл. Ю. Маннхерц ; пер. с англ. Н. Эйдельмана. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 264 с. – (Studia Europaea).

В сборнике отражены материалы конференции, проведенной в Германском историческом институте (ГИИ), отмечается в предисловии Юлии Маннхерц, доцента Оксфордского университета, специалиста по культурной истории XIX в. Материалы подготовила к печати сотрудница ГИИ д-р Ингрид Ширле (ныне она работает в Тюбингенском университете, ФРГ). Учитывая широту охвата разнородных проблем, этот труд претендует на статус междисциплинарного исследования. В данном реферате рассматриваются в основном те затрагиваемые авторами вопросы, которые связаны с российской историей.

В открывающей сборник вступительной статье Ю. Маннхерц «Иррациональное в русской культуре» отмечается, что особое отношение к иррациональному было характерно для русской культуры рубежа XIX–XX вв. Поэт В. Брюсов и его современники обращались к медитациям и молитве, исследовали гипноз, преобразующую силу музыки и т.п. Им представлялось, что иррациональные состояния сознания повышают интенсивность личных

переживаний и раскрывают сущность бытия, становясь источником более глубоких и ценных знаний, чем знания, полученные рациональным путем. Однако «сны, видения, духовная эйфория, упоение музыкой, транс, безумие, экстатические состояния и другие разновидности нерационального посещали людей во всех странах мира и во все времена» (с. 6).

«Вопросы о рациональном и иррациональном занимали мистиков, поэтов, философов, теологов, неврологов и психоаналитиков от Древней Индии и Древней Греции до средневековой Италии, Кёнигсберга в начале Нового времени, литературных салонов XIX в., Вены эпохи *fin-de-siècle* и современных исследовательских лабораторий» (с. 13). Иррациональное, как оно понималось, интерпретировалось и оценивалось, способно «пролить свет на различные общества и исторические эпохи» (с. 13–14). Маннхерц замечает, что из рассмотрения авторов были исключены иррациональные состояния сознания, вызываемые наркотиками и другими психотропными веществами. Алкоголь и наркотики имеют собственную историю. Изучение подобных состояний сознания помогает высветить непростые взаимоотношения между рациональным и иррациональным. «Анализируемые нами иррациональные состояния сознания невозможно свести к влиянию химических веществ» (с. 14).

«Авторы, чьи статьи собраны в настоящей книге, подчеркнуто избегают утверждений о том, что русские особенно склонны к иррациональным переживаниям» (с. 15). Иррациональные явления не ограничиваются какими-либо географическими или культурными рамками. Тем не менее русским чаще, чем другим народам, приходилось сталкиваться с заявлениями об иррациональности их культуры. Идея иррациональности русской души объяснялась знаменитыми словами Тютчева «умом Россию не понять». Теолог и историк Г. Флоровский на примере древнерусской культуры отмечал, что утверждение об иррациональности русской культуры не подтверждается беспристрастным анализом средневековой истории страны и скорее является составной частью идеологической аргументации, использующей одностороннюю картину русской культуры для оправдания радикальных реформ Петра I в конце XVII – начале XVIII в. (с. 15–16).

«Частный и личный аспекты иррационального опыта связывают эту книгу с историей эмоций – новой расцветающей областью исторической науки» (с. 19). Значительная часть сборника посвящена неоднозначным отношениям между рациональным и иррациональным опытом. Так, Сергей Штырков (доцент Европейского института в Санкт-Петербурге) анализирует взаимоотношения между рациональным и иррациональным, применяя социологический подход Макса Вебера. Рассматривая образ религиозного типа «юродивого», присущего российской истории, Штырков отмечает, что «практическая народная агиология» обычно не пытается воссоздавать путь восхождения юродивого к вершинам святости, «довольствуясь одним ярким событием, определяющим его статус, и используя его дары с «исконным расчетливым рационализмом», который «присущ повседневной и массовой религиозности всех времен и народов и всем религиям вообще»¹ (с. 47).

Ирина Пярт (старший научный сотрудник Тартуского университета) и Пейдж Херлингер (доцент исторического факультета Боудинг-колледжа в г. Брансуик, США) прослеживают отношения между «мистическим опытом и организованной религией» и исследуют автобиографические, теологические и медицинские оценки видений и чудес. Мария Майофис (доцент школы культурологи НИУ ВШЭ) рассматривает взаимоотношения между иррациональным и политикой, анализируя историю А. Квашнина-Самарина, которого в 1837 г. Третье отделение объявило сумасшедшим после написания им политической сатиры. Хотя его «случай» на общем фоне делопроизводства Третьего отделения выглядит незначительным и экстравагантным, тем не менее он заслуживает внимательного анализа, считает автор. В отличие от опубликованного в университетском журнале «Телескоп» «Философическое письмо» П. Чадаева, подвергнувшегося резкому осуждению со стороны Бенкендорфа и Уварова, объявивших его душевнобольным, Квашнин-Самарин и его сатира были известны лишь небольшому кругу. Егоopus не был опубликован, а сам автор не был известен так, как Чадаев (с. 108).

¹ Вебер М. Социология религии. Типы религиозных сообществ. – Москва : Юрист, 1994. – С. 98.

Сабина Майер Цур (специализирующаяся на изучении раннего русского психоанализа, автор ряда работ на эту тему) раскрывает тему взаимоотношений иррационального и психологической науки на примере объяснения гениальности Ф.М. Достоевского первыми русскими психоаналитиками. Так, Татьяна Розенталь и Николай Осипов, задолго до появления в 1928 г. эссе Зигмунда Фрейда о русском писателе, пришли к выводу, что эпилепсия Достоевского служила важнейшим источником творческих способностей писателя. Н. Осипов полагал, что творческие достижения и эмоциональные озарения писателя стали возможными благодаря его иррациональному поведению, вызванному психическими страданиями, и это лишь частично поддается логическому объяснению. Достоевский в эссе Фрейда воплощал сущность русского человека с характерными для него амбивалентностью, невротизмом и близостью к бессознательному (с. 158).

Ребекка Митчелл (доцент исторического факультета Миддлберийского колледжа, г. Миддлбери, США) и Полина Барскова (доцент Хэмпширского колледжа в г. Амхерст, США) обращаются к теме взаимосвязи музыки и поэзии. Как пишет Р. Митчелл, русские композиторы и музыкальные критики начала XX в. считали, что музыка благодаря присущей ей уникальной иррациональной и эмоциональной силе породит новую разновидность человеческого сознания и погасит конфликты, которые раздирали предреволюционное российское общество.

В следующей главе П. Барскова, повествуя об ужасах Ленинградской блокады, освещает опыт осмысления данных событий жителями города. Они находили утешение в традициях иррациональных способов самовыражения, таких, как волшебные сказки или сюрреалистическая литература и искусство. В них реальное сосуществовало с невозможным. И это помогало людям в их попытках хотя бы отчасти сохранить психологическое, эмоциональное и эстетическое осознание происходящего. «Если не всегда в человеческих силах было изменить реальность, то налицо попытки изменить интерпретацию и репрезентацию реальности» (с. 217). И именно категория иррационального оказывалась «полезным инструментом для обезболивания этой реальности» (там же). После 1945 г. подобная близость прозы военного времени с иррацио-

нальным была вычеркнута из воспоминаний, публиковавшихся в советской официальной печати, пишет Маннхерц (с. 23).

В заключающей сборник главе Екатерины Ходжаевой (Европейский институт, Санкт-Петербург) утверждается, что понимание иррационального необязательно должно быть интеллектуально последовательным, нормативным или абстрактным, оно может носить и прагматический характер. Автор считает, что иррациональное еще больше ослабляет и без того непрочное устройство современной жизни в глазах современников. Существование иррационального увеличивает чувство неуверенности, а противостояние иррациональному является одним из аспектов удручающе нестабильной повседневной жизни.

В послесловии Ю. Маннхерц подчеркивает, что двусмысленное положение необычных состояний сознания в русской и прочих культурах объясняется той угрозой, которую иррациональное несет общепризнанным нормам, властям и предсказуемости жизни. Порой иррациональное обладает огромным потенциалом в плане творчества и воображения, раскрывая возможности для прорывов в осознании мира. Автор заключает: «Иррациональные состояния сознания требуют осторожной и критической оценки и бросают вызов удобным условностям» (с. 252).

*В.П. Любин**

* Любин Валерий Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 5

ИСТОРИЯ
2022 № 3

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор С.Е. Шелимова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 20.06.2022

Формат 60×84/16
Печать офсетная
Усл. печ. 9,75
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1
Цена свободная
Уч.-изд. л. 7,5
Заказ № 36

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

